Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта (МИИТ)"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура

Выпуск № 2 (73)

Март - Апрель

Москва
2019

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:
Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н.,профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2019. – Вып. №2 (73). – с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ве-дущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестацион-ной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образо-вания, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Lilija Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2019. – Edition 2 (73). – p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT - MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент ФНИСЦ РАН, советник ФНИСЦ РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культуроло-гии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П	Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
Смолин О.Н.	Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ
Сосунова И.А.	Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
Чупров В.И.	Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Шабров О.Ф	Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки
Шувакович Урош	Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A. Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N. Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N. Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Zapesotskiy A.S. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S. Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Kulashik Peter Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L. Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V. Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P. Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N. Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A. Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Chuprov V.I. Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS - FCTAS RAS, honored worker of science of the Russian Federation

Shabrov O.F. Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ГОРБУНОВ А.А. Политика развития транспортных уоммуникаций в Российской Федерации и за рубежом: общность, различия, проблемы.....12

ГАДЖИЕВ Х.А. Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования.....19

ЗЕЛЕНКО Б.И. О преодолении политического отчуждения власти и социума в РФ (традиционный и сетевой контекст).....29

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

КРЕТОВ Б.И. Актуальность политического образования в век инновационных технологий.....37

РУДЫКА Н.А.
НАЗАРОВА Р.К. Студенческая молодежь в «зеркале» социологии: проблемный анализ образования и воспитания.....44

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

НАРБУТ Н.П.
ТРОЦУК И.В. Причины социологического интереса к «измерению» счастья и его эмпирические формы.....50

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

АЖИЕВА И.А.
ВАСЬКОВ М.А.
ЩЕРБАКОВА Л.И. Практика применения методов и форм мотивации и стимулирования руководителей среднего звена в зарубежных кредитно-финансовых организациях.....57

ВОЛКОВ Ю.Г.
ВЕРЕЩАГИНА А.В.
МЕСХИ Б.Б.
ЩЕРБАКОВА Л.И. Функциональная специфика социально-инвестиционной модели регионального управления в современной России.....66

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

АЛЕКСЕЕВА К.А. Самопрезентация личности в новой социокультурной реальности: конструирование виртуального «Я».....76

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

КСЕНОФОНТОВ В.Н. Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: философия осмысления и современные реалии.....82

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ШЕВЧЕНКО А.И. Информационные технологии как фактор развития в сфере обслуживания населения.....90

АСПЕКТЫ

БУДАНОВА М.А. КОНОПЛИН Ю.С. КОРНИЙЧУК М.С. Социальные стратегии развития общественного капитала в российских организациях.....97

МАТВЕЕВА Н.Ю. ОЛЬШАНСКАЯ Е.В. Цели, методы работы и возможности электронного правительства на примерах Эстонии и Каталонии.....109

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....118

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

GORBUNOV A.A. Policy of development of transport communications in the Russian Federation and abroad: commonality, differences, problems.....12

GADZHIEV Kh.A. Political stability: theoretical-methodological research problems.....19

ZELENKO B.I. About overcoming of political alienation of the power and society in the Russian Federation (traditional and network cont ext).....29

SOCIOLOGY OF YOUTH

KRETOV B.I. Relevance of political science education in the age of innovative technologies.....37

RUDYKA N.A.
NAZAROVA R.K Student youth in the» mirror» of sociology is a problem analysis of education and up bringing.....44

CULTURAL SENSE

NARBUT N.P.
TROTSUK I.V. Reasons for the sociological interest in the "measurement" of happiness and its empirical forms.....50

SOCIOLOGISTS IN THE SOUTH OF RUSSIA

AZHIEVA I.A.
VASKOV M.A.
SCHERBAKOVA L.I. The practice of applying methods and forms of motivation and stimulation for middle managers in foreign credit and financial organizations.....57

VOLKOV Yu.G.
VERESHCHAGINA A.V.
MESKHI B.B.
SHCHERBAKOVA L.I. Functional specificity of social and investment model of regional management in modern Russia.....66

CULTURAL PRACTICES

ALEKSEEVA K.A. Self-presentation in the new sociocultural reality: ways of creating virtual «ego»... 76

SIGNIFICANT DATE

KSENOFONTOV V.N. The liberation of Belarus from the Nazi invaders during the Great Patriotic War: a philosophy of understanding and modern realities.....82

POINT OF VIEW

SHEVCHENKO A. I. Information technologies as factor of development of the medical sphere: philosophical aspect of a problem.....90

ASPECTS

BUDANOVA M.A. KONOPLIN Yu.S. KORNIYCHUK M.S. Social development strategy social capital in Russian organizations.....97

MATVEEVA N.Yu. OLSHANSKAYA E.V. Aims, methods of work and possibilities of e-Government on the examples of Estonia and Catalonia.....109

RULES OF PUBLICATION.....118

ГОРБУНОВ
Александр Александрович
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии» Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

GORBUNOV
Aleksandr Aleksandrovich
doctor of political sciences, professor, professor of department of «Political science, history and social technologies» of Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

Политика развития транспортных коммуникаций в Российской Федерации и за рубежом: общность, различия, проблемы/ Policy of development of transport communications in the Russian Federation and abroad: commonality, differences, problems

Аннотация

Рассматриваются вопросы политики государства в развитии транспортных коммуникаций на примере североамериканской, западноевропейской и азиатской моделей. Показана ведущая роль государства в становлении и развитии транспорта, модернизирующие и диверсификации системы транспортных коммуникаций. Отмечается, что при всей схожести процесс развития транспортных коммуникаций и следовательно политика в этом вопросе уникальны для каждой конкретной страны в ту или иную историческую эпоху. Не представляется возможным выработка единых для всех шаблонов в политике развития национального транспортного комплекса.

Ключевые слова

Транспортные коммуникации; транспортная система; политика развития транспортных коммуникаций; транспортные компании.

Abstract

We consider the issues of state policy in the development of transport communications on the example of the North American, Western European and Asian models. The leading role of the state in the formation and development of transport, modernizing and diversifying the system of transport communications is shown. It is noted that, with all the similarities, the development of transport communications and, therefore, the policy in this matter are unique for each specific country in a particular historical epoch. It is not possible to develop uniform patterns for all in the development

policy of the national transport complex.

Keywords

Transport communications; transportation system; transport communications development policy; transport companies.

Транспортные коммуникации в большинстве стран мира – одна из самых динамичных отраслей экономики. Ее опережающее развитие является объективной закономерностью рыночного хозяйства, отражающей потребности последнего в адекватном транспортном обеспечении. Роль транспорта в социально – производственной инфраструктуре исключительно важна. Обеспечение жизненно важных интересов личности, общества и государства; нормальное функционирование рынков товаров и услуг; обеспечение единства экономического, политического, социокультурного, информационного пространства страны; развитие отдельных населенных пунктов и целых регионов; расширение международных экономических и политических связей – все это не представляется возможным без стабильно работающей транспортной системы.

В любом государстве одним из главных условий эффективного функционирования национального хозяйства является формирование оптимального механизма доставки грузов, причем в интересах, как товаропроизводителей, так и потребителей. Наличие такого механизма такого механизма наиболее актуально для развития малого и среднего бизнеса, играющего важнейшую роль в современной рыночной экономике. Насущная потребность в максимальном ускорении обращения товаров и снижении общественных издержек на транспорте определяют то особое внимание, с которым государственные и деловые круги стран с развитой экономикой относятся к эффективности национальной транспортной системы, а в последние годы — континентальных и мировой транспортных систем.

Другим важнейшим фактором, определяющим в последние годы всеобщее внимание к транспортной системе как целому, стала резко возросшая значимость экологических критериев. Транспорт, как известно, -источник более одной трети всех загрязнений окружающей среды. Поэтому он оказался в фокусе внимания политиков, экономистов, ученых, широких кругов общественности. В настоящее время уже не только общественное мнение в большинстве стран, но и национальное законодательство, и международные соглашения заставляют расходовать значительные средства для качественного видоизменения транспортных систем в целях снижения их негативного воздействия на окружающую среду.

Мировая практика показывает, что для создания надежно работающей, экономичной, безопасной и экологически чистой транспортной системы, ориентированной на интересы гражданина, предпринимателя, общества в целом, необходимы общие принципы развития национальной транспортной системы и отдельных ее элементов, признанных общественными и властными институтами. В этой связи безусловный интерес представляет изучение опыта формирования и реализации государственной транспортной политики в зарубежных странах, выде-

ление в нем общих и особенных черт, перспективных и слабых сторон.

В контексте сказанного наибольший интерес и внимание заслуживает политика развития железнодорожных транспортных коммуникаций в США, Канаде (североамериканская модель), Германии, Франции (западноевропейская модель), Японии (азиатская модель) — государствах, занимающих ведущие позиции в мировой экономике, оказывающих значительное влияние на политические процессы регионального и глобального уровня, представляющих собой классические образцы либеральной рыночной экономической и демократической политической систем, наконец, внесших в свое время или вносящих в наши дни заметный вклад в прогресс транспорта как феномена человеческого общества, в развитие и совершенствование транспортных коммуникаций в наднациональных и транснациональных масштабах. Такой комплексный политико-компаративный подход позволит с одной стороны, проследить, как общественно-политические процессы в этих странах способствовали постановке новых задач перед собственными транспортными системами, а с другой стороны, выявить, каким образом технические и технологические инновации обусловливали развитие каждого национального сообщества, делали его более сильным, могущественным, эффективным в своем движении вперед в условиях глобализирующегося мира.

Говоря о важности и полезности изучения опыта других стран в области транспортной политики для современной России, необходимо сделать ряд важных замечаний.

Прежде всего, отметим, что развитие различных видов транспорта — и железные дороги здесь не исключение, но и, пожалуй, самый наглядный пример практически во всех странах происходит в острой конкурентной борьбе традиционных и инновационных подходов, годами сложившихся практик и вновь созданных моделей. Усилению данной борьбы в немалой степени способствует разнонаправленность интересов различных хозяйствующих субъектов и целых отраслей экономики — интересов, которые постоянно расширяются и для своей реализации все в большей степени требуют участия в политической жизни общества.

Во внутренней политике одной из форм такого участия становится лоббизм находящихся в отношениях смежности или соподчиненности (аффилированности) транспортных компаний, финансово-промышленных корпораций и политико-административных институтов, т.е. воздействие на государственные структуры своей страны с целью принятия соответствующих властных решений (например, приоритет строительству автомобильных дорог перед железными, развитие морской портовой инфраструктуры в ущерб аэропортам, выбор в пользу модернизации старых транспортных узлов и т.д.).

Применительно же к внешней политике подобного рода участие может иметь весьма разнообразную направленность. Это, например, стремление национальных хозяйствующих субъектов к скорейшей интеграции в мировую экономику (а тем самым в международную транспортную систему) с целью занятия в ней выгодного положения и максимизации прибылей. Или, к примеру, желание испытывающего дефицит в ресурсах и территории государства освоить перспектив-

ные, но труднодоступные и слабозаселенные регионы соседних, испытывающих соответствующие проблемы стран, а тем самым установить со временем собственный экономический и политический контроль над новыми пространствами. Либо, наконец, объективные или (чаще всего) субъективные потребности государств и/или их интегративных образований в формировании альтернативных транспортно-коммуникационных систем с целью девальвации и даже дискредитации уже существующих, а тем самым экономической, политической, культурной и т.д. изоляции стран, по которым эти системы проходят (яркий пример здесь попытки создания транспортных коридоров в обход России, о чем подробно будет сказано в дальнейшем).

При этом в случае с внешней политикой государство (прежде всего, в лице его политических лидеров и элит) и экономические структуры (как правило, в лице представителей транспортной отрасли и их смежников) могут находиться в диалектически изменчивых субъект-объектных отношениях. С одной стороны, импульсы к движению национальных хозяйствующих субъектов вовне государственных границ могут исходить от правительств и эффектно вуалироваться тезисами о необходимости формировании единого европейского/азиатского/американского и т.д. пространства/дома/региона и т.п., а тем самым могут носить изначально геополитическую природу. С другой стороны, субъекты экономической деятельности в своем желании получить новые источники сырья и рынки сбыта продукции, а в конечном счете — увеличить свою прибыль, могут различным образом стимулировать государство (особенно, в условиях слабости властных институтов и что немаловажно институтов общественных, осуществляющих гражданский контроль за ними; равно как и в условиях сращивания экономических и политических структур за примерами здесь далеко ходить не надо) на активные шаги на международной арене в необходимых сферах и областях. В этом случае природа внешних импульсов будет носить, скорее, геоэкономический характер.

Далее необходимо отметить, что решающую роль в становлении и развитии транспорта, модернизации и диверсификации системы транспортных коммуникаций, в частности, железных дорог, играла и продолжает играть активная политика государства. Взаимосвязь между темпами социально-экономического развития страны и прогрессом транспорта была осознанна давно, поэтому государственные власти хотя и по-разному и с различной активностью, но все-таки стараются участвовать в функционировании данной сферы, тем более, что интересы здесь имеют и вполне конкретное хозяйственное, социальное и оборонное значение. В настоящее время, в связи с тем, что транспортно-коммуникационный компонент, помимо всего прочего, приобрел еще и ключевое значение для процесса глобализации, а следовательно, и для перспектив вхождения каждой конкретной страны в глобальное экономическое, политическое, информационное, социокультурное и т.д. пространство, проблемы поиска оптимальных форм участия государства в работе транспорта и других средств коммуникации стали особенно актуальными. И хотя большинство стран, как правило, идет по пути приватизации сферы железнодорожного транспорта, ее преобразования в систему вертикальных и горизонтальных связей, вме-

сте с тем, эти связи интегрировано увязываются в единый континуум управления, решающую роль в котором играет государство в лице профилированных институтов и учреждений. В пользу сохранения той или иной степени государственного регулирования говорит и опыт последних десятилетий, который наглядно свидетельствует о том, что приватизация и конкуренция как стимулы экономического развития национальной экономики сами по себе не в состоянии «все расставить по своим местам», что «невидимая рука рынка» не столь сильна и эффективна.

А тем самым, для развитых и развивающихся стран мира становится необходимой разработка четкой транспортной политики, органично встроенной в систему отраслевых государственных политик, прежде всего, экономической, научно-технической, инновационной, региональной, таможенной и ряда других. Также необходимо наличие обоснованных внутрифирменных стратегий отраслевых компаний, с одной стороны, соответствующих критериям экономической эффективности, с другой стороны, вписывающихся в систему интересов, приоритетов и ценностей конкретного национального сообщества. Наконец, необходима действенная система органов государственного регулирования, укомплектованная квалифицированными специалистами, функционирующая в рамках хорошо разработанного законодательства и находящаяся под контролем структур гражданского общества.

Еще один принципиальный момент заключается в том, что конец XX -— начало XXI в. является очень важным рубежом для транспорта и коммуникаций. С одной стороны, произошел радикальный прорыв в том, что касается создания новых технических средств и технологий. Более того, «транспортно-коммуникационная революция», по всем данным, еще не закончилась. С другой стороны, несомненны серьезные проблемы, в том числе фундаментальные, которые не только затрудняют развитие в данной сфере, но и устанавливают предел для дальнейшего прогресса. Все существующие, т.е. уже ставшие традиционными, виды транспорта все больше сталкиваются с трудностями экономического, политического, организационного, экологического и т.д. свойства.

В частности, современный уровень развития уже не может мириться с чрезмерно высокими показателями многих транспортных и иных сопутствующих расходов. Исследования в рамках логистики показывают, что себестоимость товаров, если учесть все передвижения материалов, полуфабрикатов и других компонентов от добычи сырья до доставки готовой продукции потребителю, примерно на 50 % состоит из транспортных расходов. Понятно, что это делает необходимой серьезную ревизию существующих схем перевозки с целью снижения как эксплуатационных, так и прочих сопутствующих расходов.

Многие затраты связаны с ущербом, который транспорт наносит окружающей среде и здоровью человека. Это тем более острая проблема, что быстрый рост народонаселения делает неизбежным увеличение перевозок, а, следовательно (при сохранении основных показателей качества работы транспорта), и дальнейшее повышение нагрузки на природную среду и человека. Значительная доля трудно-

стей связана с ограниченностью запасов энергетических ресурсов, прежде всего, нефти и газа, а также их возрастающей дороговизной. Наконец, определенным ограничителем развитию транспортно-коммуникационных технологий становится и так называемый человеческий фактор.

Все перечисленные проблемы — далеко не только экономические, они связаны с целым спектром трудноразрешимых вопросов в различных областях жизни общества. Так, быстрое расширение транспортной инфраструктуры (аэропортов, сети автодорог, берегового хозяйства морских портов, скоростных железнодорожных магистралей и т.д.) требует изъятия больших площадей и, так или иначе, наносит ущерб окружающей среде, включая разрушение целых природных ландшафтов. Однако начавшееся в Европе, США, ряде других стран ужесточение требований к транспортным средствам для уменьшения экологического ущерба неизбежно приводит к повышению стоимости перевозок. Дороговизна жидкого топлива является стимулом для поиска новых источников энергии и работы над совершенствованием двигателей. Однако пока практически значимых решений пока не найдено. Более того, многие государства мира, являющиеся крупнейшими экспортерами углеводородного сырья, оказывают явное или открытое противодействие разработкам в этой сфере, ставят во главу угла своих внешнеполитических мероприятий сохранение status quo.

Думается, однако, что при всех этих и многих других трудностях и проблемах, детальное описание которых не представляется возможным в рамках настоящего диссертационного исследования, основной вызов будет носить общецивилизационный характер. Он заключается в том, что дефицит пространства на планете Земля жестко ставит вопрос о новых свойствах и качествах транспортно-коммуникационной системы в глобальной экономике и мировой политике, система, которая должна обеспечить освоение новых пространств, в том числе за пределами нашей планеты. Понятно, что это потребует радикальных перемен в развитии транспортно-коммуникационных технологий, переходу к использованию новых видов энергии и адаптации людей к принципиально иным реалиям.

Очевидно, что указанные особенности развития транспортно - коммуникационной инфраструктуры зарубежных стран и мира в целом, проблемы и перспективы, возможности и ограничения в данной области должны адекватно учитываться при формировании основных положений и принципов реализации транспортной политики Российской Федерации, в том числе и в сфере железнодорожного транспорта, в современных условиях. А тем самым разворачивающиеся в профессиональном сообществе, среди представителей государственных органов и общественно-политических структур дискуссии и предлагаемые в ходе них альтернативные сценарии и проекты развития отечественной системы транспортных коммуникаций нуждаются в пристальной экспертизе, аналитической апробации, в том числе и с точки зрения соотнесения их с уже имевшим место практическим опытом зарубежных стран.

Хотелось бы отметить, что при всей сходности, типичности проблемных и переходных ситуаций, процесс развития транспортных

коммуникаций, в том числе железнодорожных, его фазы, динамика, направленность и прочие сущностные характеристики являются уникальными для каждой конкретной страны в ту или иную историческую эпоху. Да, все железные дороги, так или иначе, сталкиваются с рядом общих проблем, в числе которых убыточность пассажирских перевозок, неудовлетворяющее клиентуру качество услуг, недостаточные инвестиции в развитие, подчас жесткое регулирование тарифов на государственном уровне. Однако, как показывает богатый исторический опыт, каждая страна выбирает тот путь реформирования железнодорожного транспорта, который является наиболее приемлемым для нее. Поэтому представляется принципиально важным отказ от идеи выработки единых для всех шаблонов, универсальных правил реструктуризации и железнодорожного транспорта, и национального транспортного комплекса как такового.

БИБЛИОГРАФИЯ

1.Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г. Собрание законодательства РФ. 2008 г. №50

2.Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – М.,2006 г.

3.Костин В.И. Экополитология и глобалистика. – М.,2005 г.

4.Маккиндер Х. Географическая ось истории. – М.,2003 г.

5.Якунин В.И. Политология транспорта. – М.,2005 г.

REFERENCES

1. Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030[*Transportnaya strategiya RF na period do 2030 g*]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008 № 50

2. Busygina I.M. Political regionalism[*Politicheskaya regionalistika*]. - M., 2006

3. Kostin V.I. Ecopolitology and global studies[*EHkopolitologiya i globalistika*]. - M., 2005

4. Mackinder H. Geographical axis of history[*Geograficheskaya os' istorii]*. - M., 2003

5. Yakunin V.I. The political science of transport[*Politologiya transporta*]. - M., 2005

ГАДЖИЕВ
Ханлар Аляр оглы
кандидат политических наук, преподаватель Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
gadzhiev_hanlar@mail.ru

GADZHIEV
Khanlar Alyar ogly
PhD, Lecturer of School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia
gadzhiev_hanlar@mail.ru

Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования/Political stability: theoretical-methodological research problems

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальных теоретико-методологических проблем, возникающих при исследовании политической стабильности. Автором рассматриваются наиболее распространенные интерпретационные подходы к политической стабильности, ее свойствам, а также ее соотношению с такими явлениями, как устойчивость, стагнация и развитие политической системы. Особое внимание уделяется индикаторам и факторам политической стабильности. Один из главных выводов работы заключается в том, что при исследовании политической стабильности в условиях современной политической реальности крайне важно учитывать влияние стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова

Политическая система; политическая стабильность; устойчивость политической системы; индикаторы политической стабильности; факторы политической стабильности.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the relevant theoretical-methodological problems that appear under the research of political stability. The author considers the most accepted interpretation approaches to political stability, its qualities and also the correlation with such effects as steadiness, stagnation and development of political system. Special attention is given to indicators and factors of political stability. One of the conclusions is that under the research of political stability in conditions of modern political reality it is very important to take into consideration the influence of rapidly advancing information technologies.

Keywords

Political system; political stability; steadiness of political system; indicators of political stability; factors of political stability.

Наиболее желательным состоянием для любой политической системы, разумеется, является стабильность. Достижение и поддержание такого состояния важно еще и потому, что это является ключевым условием государственной безопасности. Наконец, стабильность политической системы, при соблюдении определенных условий, есть важнейшее условие развития общества.

При всем этом исследование политической стабильности представляет собой особую сложность, поскольку сталкивается с целым комплексом теоретико-методологических проблем. В частности, даже выдвигаемые авторами базовые дефиниции и постулаты политической стабильности зачастую существенно различаются.

На подобные расхождения, как правило, влияют следующие моменты: 1) многогранность и сложность самого рассматриваемого явления (политической стабильности); 2) проблемы определения соотношения стабильности и устойчивости, стабильности и стагнации, стабильности и развития (применительно к политической системе); 3) необходимость анализа не только состояния политической сферы, но также и других сфер общественной жизни; 4) меняющаяся социально-политическая реальность, в которой все более заметную роль играют стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии; 5) область социально-гуманитарного знания, в рамках которой проводится исследование; 6) применяемая методология исследования; 7) выбранный ракурс исследования и т.д.

Говоря о многогранности и сложности политической стабильности, необходимо подчеркнуть, что она представляет собой определенное состояние политической системы, а значит – описывает одно из переменных свойств последней. Соответственно, необходимо говорить не только о поддержании политической стабильности, но также и о ее обеспечении. Очевидно, что это разные процессы: при обеспечении стабильности речь идет о том, чтобы достичь стабильное состояние, преодолев другую крайность, – нестабильность, а при поддержании стабильности, в свою очередь, – о том, чтобы сохранить стабильное состояние, которое было уже ранее достигнуто.

В соответствии с таким подходом корректнее говорить не в целом об условиях политической стабильности, а разграничивать условия обеспечения политической стабильности (стабилизации) и условия поддержания политической стабильности. Комплексы условий в первом и во втором случаях по большей части будут различаться.

Еще один аспект многогранности анализируемого явления, – разная степень стабильности и сложность ее измерения. Как было отмечено выше, политическая стабильность – это состояние политической системы, а следовательно, можно говорить о том, что достижение и сохранение такого состояния подразумевает достижение и сохранение определенных показателей политической системы. Однако, как верно заметил А.И.Соловьев, эти показатели представляют собой лишь пороговые значения[1], между которыми есть некоторый интервал.

---

[1] *Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. 2003. № 1*

И о стабильности можно говорить при любых показателях в рамках данного интервала. Более того в процессе функционирования любой политической системы, эти показатели меняются, даже если продолжают находиться в пределах пороговых значений стабильности. Но при этом, по мере отдаления или приближения сложившихся в конкретной политической системе показателей стабильности к пороговым значениям, можно говорить о большей (при отдалении), либо меньшей степени стабильности (при приближении).

Вместе с тем при попытке определения степени стабильности на практике, а не на уровне абстракции, проблема способа измерения остается не совсем решенной, поскольку встает вопрос о конкретных ориентирах, позволяющих определить на практике и описанные пороговые значения, и «интервал политической стабильности», и сложившиеся показатели стабильности в той или иной политической системе.

Некоторые исследователи преодоление данной проблемы видят в использовании компаративного метода. В частности, А.С.Макарычев предлагает рассматривать политическую систему как более или менее стабильную в сравнении либо с другими системам, либо с тем режимом, в котором она функционировала ранее[1].

Если со второй частью приведенного тезиса можно согласиться, то с первой – довольно трудно, поскольку сами пороговые значения в разных политических системах могут отличаться в зависимости от их особенностей и особенностей окружающей их среды. Говоря иначе, политический режим, установленный в одних государствах и позволяющий сохранять политическую стабильность, необязательно будет иметь тот же эффект в других государствах. И здесь ключевую роль, на наш взгляд, играет политическая культура общества, обуславливающая его степень требовательности и характер запросов к власти.

Как представляется, указанную проблему более продуктивно можно было бы решить посредством выведения конкретных индикаторов политической стабильности, позволяющих говорить о более/менее стабильных политических системах. И к таким индикаторам прежде всего стоит отнести три наиболее значимых показателя: 1) прочность позиций действующей власти (сюда входит уровень общественной поддержки, уровень поддержки элит, легитимность, длительность пребывания у власти); 2) наличие/отсутствие попыток свержения существующего режима и итоги таких попыток; 3) наличие/отсутствие частных, неупорядоченных и масштабных изменений в системе государственной власти, в которых нет объективной необходимости.

Относительно третьего индикатора необходимо сделать важное уточнение. Он не означает, что система государственной власти не должна модифицироваться. В данном случае нужно говорить о всех изменениях, за исключением позитивных преобразований, которые не несут в себе негативные последствия для политической системы в целом и, напротив, призваны ее улучшить.

В этом смысле, можно выделить два критерия, позволяющих конкретизировать данный индикатор. Первый достаточно четко обозначил А.С.Семченков, акцентировав внимание на направленности измене-

[1] *Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1. С. 149–157*

ний и указав, что если вектор изменений положительный и связан с улучшением и усложнением системы, то такую трансформацию нельзя рассматривать в качестве угрозы политической стабильности, тогда как подобного рода угроза имеет деструктивную направленность[1].

В качестве второго критерия следует выделить субъект инициативы преобразований системы государственной власти. При стабильном состоянии политической системы все изменения исходят от самой системы и не являются результатом внешнего принуждения. Говоря иначе, они являются адекватной реакцией на запрос внешней среды, позволяющей эффективно выполнять свои функции и сохранять стабильность.

Таким образом, с учетом всего сказанного можно сделать вывод о том, стабильность не означает неизменность вообще, а предполагает неизменность только пороговых значений конкретной политической системы. А на интервале между данными значениями изменения не просто возможны, но и нужны, прежде всего, для способности политической системы развиваться.

В связи с этим возникает необходимость уточнения достаточно устоявшейся типологии политической стабильности, в соответствии с которой принято выделять статическую и динамическую типы стабильности. В данном случае динамическая стабильность характеризуется тем, что при поступлении в политическую систему (на «входе») сигналов, в политической системе меняются отдельные элементы с целью адаптации к новым условиям для сохранения своих базовых характеристик. В свою очередь, статическая стабильность интерпретируется как состояние политической системы, при котором она функционирует без каких-либо изменений, а ее элементы не модифицируются[2].

Если определение динамической стабильности не противоречит обозначенному выше пониманию стабильности, то определение статической стабильности вызывает вопросы, поскольку в таком случае стабильность фактически отождествляется со стагнацией. Между тем, как верно отмечается в некоторых работах, стабильность подразумевает динамичное развитие в условиях бесконфликтной среды, тогда как стагнация сама по себе уже является конфликтогенным фактором, способным катализировать рост протестной активности населения и дестабилизировать политическую систему[3].

В этой связи, на наш взгляд, было бы правильнее определять статическую стабильность не как абсолютное отсутствие изменений в политической системе, а как состояние системы, при котором ее изменения настолько незначительны, что максимально приближают показатели стабильного состояния к пороговым значениям.

Еще одно явление, которое необходимо отличать от стабильности – это устойчивость. Нередко понятие «стабильность» вообще определяется через понятие «устойчивость». Так, например,

---

[1]Семченков А.С. Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 23.

[2] Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (Теоретико-прикладной анализ). М., 1996. С. 111, 119

[3] Федякин А.В., Семченков А.С., Фирсов А.В. Политическая стабильность как общенациональный приоритет современной российской политики. М.: «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2018. Стр. 22-23.

в работе М.Г.Анохина политическая стабильность понимается как «устойчивое состояние, постоянство каких-либо процессов, складывающихся под воздействием целенаправленных мер упрочения»[1]. О.Е.Гришин, в свою очередь, указывает: «Устойчивые параметры политической системы, при условии сохранения ее структуры, обуславливающие эффективность ее функционирования и развития при влиянии внешних и внутренних факторов (воздействий), формируют политическую стабильность»[2]. То есть с некоторыми оговорками можно сказать, что в данных случаях стабильность фактически отождествляется с устойчивостью.

Такой подход, думается, не совсем оправдан. Стабильность и устойчивость, необходимо разграничивать. Если стабильность – это состояние системы, то устойчивость – ее свойство, ее возможности. Иными словами, это разнородные явления, хотя и очень близкие и взаимосвязанные. В этом смысле весьма гибким выглядит подход О.Ф.Шаброва к их интерпретации и соотношению, предполагающий, что способность системы самостоятельно поддерживать гомеостазис можно называть ее устойчивостью, а состояние, при котором система устойчива, – ее стабильным состоянием[3]. Под гомеостазисом в данном случае понимается совокупность реакций политической системы, которая позволяет ей сохранять свои базовые свойства. Он предполагает способность системы, приспосабливаясь к внешнему воздействию, преодолевать деструктивные сигналы, направленные на ее разрушение или кардинальное изменение.

С учетом сказанного выше, устойчивость политической системы, на наш взгляд, можно трактовать как ее способность, несмотря на внешнее деструктивное воздействие, сохранять в неизменном виде ту часть своих элементов и установленных между ними отношений, которые определяют ее целостность и сущность. Политическую стабильность, в свой черед, следует понимать как состояние политической системы, при котором она функционирует в заданном режиме и в соответствии с намеченным вектором развития, сохраняя при этом свои сущностные характеристики посредством удерживания появляющихся в результате внешнего воздействия отклонений в пределах установленных пороговых значений.

Однако, в связи с изложенным, весьма закономерным выглядит вопрос: может ли политическая система быть устойчивой, но нестабильной, и, наоборот, – неустойчивой, но стабильной? Думается, что лишь в первом случае допустим утвердительный ответ. В качестве аргументов здесь можно привести практически любые ситуации с неудачными попытками государственных переворотов (например, в Венесуэле в 2002 г., в Южном Судане в 2013 г., в Бурунди в 2015 г., в Турции в 2016 г. и т.д.). Сами подобные попытки, очевидно, свидетельствует о том, что политическая система находилась в нестабильном состоянии к их моменту, но при этом была в достаточной степени устой-

---

[1] *Анохин М.Г. Указ. соч. С. 103.*

[2] *Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (56). С. 53.*

[3] *Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. С. 58.*

чивой, что позволило сохранить установленный политический режим.

В тех же случаях, когда политическая система не способна преодолеть аналогичное деструктивное воздействие из-за своей недостаточной устойчивости, она может вовсе утратить свои сущностные характеристики без перехода на новый уровень развития (цветные революции в ряде арабских стран в 2011 г., в Грузии в 2003 г., в Киргизии в 2010 г. и т.д.) или даже разрушиться (Югославия). Другими словами, с определенными оговорками можно констатировать, что устойчивость даже более значима для политической системы, чем стабильность.

Следующая проблема, которая возникает при исследовании политической стабильности, – вопрос о состоянии, наряду с состоянием политической сферы, других сфер общественной жизни, и прежде всего – социальной и экономической. Нередко можно встретить тезисы относительно того, что политическая стабильность предполагает не столько стабильность самой политической сферы и властных структур, сколько стабильность социальной и экономической сфер. С подобными утверждениями сложно согласиться, поскольку, как пред ставляется, политическая стабильность – это именно стабильность в политической сфере. А что касается состояния других сфер общественной жизни, то правильнее говорить о том, что здесь существует тесная взаимосвязь и взаимообусловленность: цели и задачи функционирования политической системы в основном задаются другими сферами общественной жизни, но при этом вырабатываемые решения в политической системе задают, в свою очередь, вектор развития последних. Так, если, например, говорить о взаимозависимости социальной и политической сфер, то очевидно следующее: политическая стабильность зависит от того, поддерживают ли различные социальные группы установленный политический режим, но, в то же время, от эффективности проводимой государством социальной политики зависит продуктивность системы социальных отношений, прочность социальных связей и социальная стабильность. По аналогии можно выстраивать взаимосвязь политической сферы и с другими сферами жизни общества. Однако такая взаимосвязь и взаимообусловленность не дает оснований определять политическую стабильность через состояние других сфер. Хотя, несомненно, например, стабильная экономика или развитая социальная сфера общества может косвенно указывать на стабильность политической системы. Но, опять же, здесь вряд ли можно говорить о постоянной прямой связи. Как было указано ранее, успехи в этих сферах должны рассматриваться в первую очередь как факторы, влияющие на поддержание и обеспечение политической стабильности, но не как ее индикаторы. Более того, в каждом конкретном случае состояние политической системы может определяться преимущественно факторами, относящимися к той или иной сфере общественной жизни. Причем в одной и той же политической системе в разные периоды эти факторы могут отличаться.

Однако основными индикаторами политической стабильности, как было указано ранее, являются те, что относятся непосредственно к политической сфере, или, по крайней мере, стоят на пересечении политической и других сфер общественной жизни – социально-политической, политико-экономической и т.д. Объяснить все это можно автономностью

политической сферы, а также тем, что ход политических процессов определяется в первую очередь ее внутренними факторами и на основе собственных законов.

Отсюда плавно вытекает еще одна проблема исследования политической стабильности – необходимость четкого разграничения факторов политической стабильности и ее индикаторов. Довольно часто они неоправданно смешиваются. Между тем, очевидно, что индикаторы политической стабильности – это показатели, иллюстрирующие состояние политической системы и позволяющие говорить о её стабильности/нестабильности, а факторы политической стабильности – это те условия, что оказывают влияние на состояние политической стабильности и позволяют обеспечивать и поддерживать политическую стабильность.

Так, в самой политической сфере, как правило, принято выделять следующие факторы, влияющие на политическую стабильность: наличие/отсутствие консенсуса внутри правящих элит; фактическая роль формальных институтов в политической сфере; уровень реальных возможностей правящей элиты; степень развития партийной системы и партий и степени их реального влияния на политический процесс; частота вносимых в конституцию изменений, а также отмен или приостановок ее действия; частота изменений в системе органов государственной власти (в том числе кадровых перестановок на самых высоких постах)[1]; фактическая реализация принципа разделения властей и установление эффективной системы сдержек и противовесов; эффективность системы государственного управления; эффективность каналов обратной связи, позволяющих власти оперативно реагировать на любые вызовы.

Из других сфер общественной жизни исследователи зачастую относят следующие факторы: степень расслоения общества (коэффициент Джини); уровень развития человеческого потенциала (Индекс человеческого развития ООН); уровень и темпы экономического развития; равномерность распределения материальных благ и в целом возможность власти учитывать интересы основных социальных групп; соответствие сформированных властью ожиданий и потребностей общества возможностям их практической реализации (завышенные ожидания общества с течением времени приводят к снижению уровня поддержки власти и, как следствие, это может стать фактором дестабилизации); соотношение в проводимой политике социальной помощи и социальной мобилизации (превалирование первой способствует стабильности, а второй – нестабильности); уровень коррупции; наличие/отсутствие глубоких “расколов” в обществе (культурных, идеологических, социально-экономических и других конфликтов)[2]; соответствие политической системы и политического режима базовым ценностям общества.

Разумеется, приведенные условия далеко не исчерпывают весь спектр факторов политической стабильности, а охватывают лишь наиболее часто выделяемые в исследованиях. Однако даже с учетом приведенных условий можно заметить, что все они относятся к ситуации на внутренней арене государства. В связи с этим встает вопрос: можно ли говорить о наличии политической ста-

---

[1] *Макарычев А.С. Указ. соч.*

[2] *Там же.*

бильности даже в тех случаях, когда на внутриполитической сцене нет кризисов и иных форм нестабильности, но на внешней арене государство втянуто в противостояния, включая военные конфликты?

Полагаем, можно, поскольку политическая стабильность в первую очередь предполагает стабильное функционирование самой политической системы, а не состояние ее отношений с другими политическими системами, т.е. – внутриполитическую стабильность. Более того, как известно, внешние проблемы часто служат неким сплачивающим и стабилизирующим фактором для социально-политической сферы. А что касается положения дел на внешней арене, то, думается, с точки зрения научной терминологии правильнее говорить о внешнеполитической или международной стабильности/нестабильности.

Вместе с тем важно сделать оговорку относительно того, что международная нестабильность или международное давление может стать фактором внутренней нестабильности, если, например, ухудшение или вовсе разрыв отношений и прекращение сотрудничества с другими государствами негативно влияет на возможности власти и эффективность ее политики на внутренней арене. Равно как и, наоборот, справедливо то, что положительная динамика на внешнеполитической арене и вытекающая из нее международная стабильность может способствовать положительным внутриполитическим тенденциям и, как результат, политической стабильности (например, в тех случаях, когда эффективные шаги власти по международному экономическому сотрудничеству позитивно сказываются на социально-экономической сферу на внутренней арене).

Еще одной из наиболее актуальных теоретико-методологических проблем при исследовании политической стабильности становится меняющаяся социально-политическая реальность, в которой все более заметную роль начинает играть информационно-коммуникационные технологии. Их стремительное развитие за последние десятилетия привело к тому, что стабильность и безопасность современных государств в немалой степени зависит от их защищенности в информационном пространстве, поскольку повышаются риски внешнего вмешательства в политический процесс, в первую очередь со стороны других государств посредством манипулирования общественным мнением.

В этой связи, некоторые авторы все более активно используют такие категории, как «национальный информационный (цифровой) суверенитет», под которым понимается «способность государства поддерживать безопасность и устойчивость функционирования национальной информационной инфраструктуры, независимость страны в сфере информационных технологий и электронной промышленности, активно противодействовать информационным угрозам»[1].

Кроме того, с развитием информационно-коммуникационных технологий по сути сформировалась совершенно новая культура обмена информацией и коммуникаций между властью и обществом. Общество, имея доступ к большому массиву информации во всемирной компьютерной сети «Интернет», становится более требовательным к власти. . Власть, в свою очередь, вынуждена не только более активно создавать собственные источники информации в Интернет-простран-

---

[1] *Федякин А.В., Семченков А.С., Фирсов А.В. Указ. соч. С. 326-327.*

стве, но и стремиться обеспечивать их бо'льшую популярность по сравнению с альтернативными источниками, которые могут иметь деструктивное воздействие на политическую стабильность. Параллельно возникает необходимость в разработке эффективных механизмов контроля за подобными источниками и в целом в своевременном развитии своих технологических возможностей. Наконец, современные политические системы должны значительно более оперативно реагировать на обратную связь.

Все это требует очень серьезных изменений в уже устоявшихся подходах к исследованию проблем политической стабильности, поскольку на современном этапе она является результирующей не только «традиционных» факторов, но также и относительно новых – связанных современными информационно-коммуникационными технологиями[1].

Наконец, относительно влияния на результаты исследования политической стабильности таких условий, как область социально-гуманитарного знания, в рамках которой проводится исследование, выбранный ракурс исследования, применяемая методология исследования и т.д., стоит отметить, что все они тесно взаимосвязаны и их условно можно объединить, поскольку они касаются способов исследования данной проблематики.

В данном случае важно следующее: в зависимости от того, в рамках какой науки проводится исследование политической стабильности, может достаточно серьезно отличаться ее аспект или свойства, на которых фокусируется внимание авторов; в зависимости от используемой методологии, может серьезно отличаться уровень абстракции, на котором рассматривается политическая стабильность (например, при рассмотрении вопросов политической стабильности в рамках политологии посредством ситуационного анализа, который в данном случае, как правило, используется вместе со сравнительным методом и изучает опыт различных стран, конкретизация выводов будет серьезно отличаться от выводов, полученных при использовании системного и структурно-функционального подходов; в зависимости от выбранного ракурса исследования, политическая стабильность может анализироваться, например, с точки зрения национальной безопасности, экономического развития, эффективности власти, межэтнических отношений и т.д.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что в политической науке проблема политической стабильности является одной из наиболее сложных для исследований, что связано как с существующими теоретико-методологическими проблемами, так и с условиями современной политической реальности. Последнее требует не просто совершенствования научно-исследовательского инструментария, но также и пересмотра многих устоявшихся теоретических постулатов относительно проблематики, связанной с политической стабильностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика,

[1] *Там же. С. 328*

устойчивость (Теоретико-прикладной анализ). М., 1996. 304 с.
2. Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (56). С. 51-54.
3. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1. С. 149–157.
4. Семченков А.С. Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М.: МАКС Пресс, 2016. 248 с.
5. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. 2003. № 1.
6. Федякин А.В., Семченков А.С., Фирсов А.В. Политическая стабильность как общенациональный приоритет современной российской политики. М.: «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2018. 384 с.
7. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. С.58.

REFERENCES

1. Anohin M.G. Political systems: adaptation, dynamics, stability (Applied theoretical analysis) [*Politicheskie sistemy: adaptaciya, dinamika, ustojchivost' (Teoretiko-prikladnoj analiz)*]. M., 1996. 304 p.
2. Grishin O.E. Political stability: concept, factors, innovations [*Politicheskaya stabil'nost': ponyatie, faktory, innovacii*] // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015. № 6-1 (56). P. 51-54.
3. Makarychev A.S. Stability and instability in a democracy: methodological approaches and assessments [*Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokratii: metodologicheskie podhody i ocenki*] // Polis. 1998. No. 1. P. 149–157.
4. Semchenkov A.S. Political stability as a priority to ensure the national security of Russia [*Politicheskaya stabil'nost' kak prioritet obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii*]. M .: MAKS Press, 2016. 248 p.
5. Solov'ev A.I. Political stability in the sociocultural dimension: Russian illustrations [*Politicheskaya stabil'nost' v sociokul'turnom izmerenii: rossijskie illyustracii*] // E-journal. Public Administration. 2003. № 1.
6. Fedyakin A.V., Semchenkov A.S., Firsov A.V. Political stability as the national priority of modern Russian politics [*Politicheskaya stabil'nost' kak obshchenacional'nyj prioritet sovremennoj rossijskoj politiki*]. M .: "Socio-political THOUGHT", 2018. 384 p.
7. Shabrov O.F. Political governance: the problem of stability and development [*Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitiya*]. M .: Intellect, 1997. P.58.

ЗЕЛЕНКО
Борис Иванович
доктор политических наук,
главный научный сотрудник
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
b.i.zelenko@rambler.ru

ZELENKO
Boris Ivanovich
doctor of political science,
chief researcher FNESC Academy of Sciences, Moscow, Russia
b.i.zelenko@rambler.ru

О преодолении политического отчуждения власти и социума в РФ (традиционный и сетевой контекст)/ About overcoming of political alienation of the power and society in the Russian Federation (traditional and network context)

Аннотация

Вопрос об отчуждении власти и социума является одним из основных теоретико-содержательным смыслом политических отношений, составной частью предмета политологии. В традиционном обществе разотчуждение затруднено властной вертикалью. Отсутствует зачастую обратная связь. Диалог власти и социума в сетевом же пространстве может способствовать уменьшению разотчуждения в теоретико-практической плоскости, используя принцип горизонтальных отношений. Что способствует появлению возможных новых свойств политических отношений. Это требует нового «опредмечивания» политологии, как политической науки. Отсюда важен глубокий анализ процесса политтворения идеи по преодолению отчуждения между сетевым миром и миром власти.

Ключевые слова

Отчуждение (алиенация); разотчуждение (деалиенация); конгруэнтность; политическая аномия; ризомный принцип.

Abstract

The question of the alienation of power and society is one of the main theoretical and substantive meaning of political relations, an integral part of the subject of political science. In traditional society, alienation is made difficult by the power vertical. There is often no feedback. The dialogue of power and society in the network space can contribute to reducing dissociation in the theoretical and practical plane, using the principle of horizontal relations. What contributes to the emergence of possible new properties of political relations. This requires a new «objectification» of political science as a political science. Hence, a deep analysis of the political process of the idea of overcoming the alienation between the network world and the world of power is important.

Keywords

Alienation (alienation); exclusion (dealyenation); congruence; political anomie; rhizome principle.

В политологии явный дефицит концептуальных работ по выявлению сущего в феномене отчуждения (алиенации) и разотчуждения (деалиенации) социума и власти. Наличествует «лакуна» как в общем анализе проблемы традиционного социума, так и в части, касающейся сетевого пространства. Причина этого кроется в недостаточности междисциплинарного подхода в соответствующих исследованиях. Речь идет о степени диффундирования философии политики, права и политологии. Две первые отрасли являются когнитивными «прародителями» последней, аккумулирующие многолетнюю онтологию вопроса.

В большинстве случаев под политологией понимают науку, изучающую политические отношения со всеми сопровождающими последствиями.

При этом, в политических отношениях характерна амбивалентность связки власть-социум. С одной стороны, власть – гарант целостности сообщества людей, организатор жизни общества. С другой – она способна выполнять эту «отношенческую» функцию при условии использования социума как средства обеспечения своего собственного существования.

Отсюда сущность политических отношений состоит в том, что они складываются между упомянутыми субъектами в ходе реализации своих интересов. В этом случае формула их политического интереса заключается в таком отношении между субъектами, когда для удовлетворения своих потребностей они должны взаимовоздействовать. Это порождает известную противоречивость: конституционно преференции отданы правлению народа, а сохранение их возложены на власть в лице ее элит. И здесь больше иронии, чем амбивалентности в отношениях власти и социума: власть должна компетентно функционировать, чтобы правление народа выжило. Иронию снимает необходимый вектор политического развития, определяемый в теории как конгруэнтность: согласованность или соответствие различных субъектов для достижения целостности системы. Термин буквально означает: встретиться и придти к соглашению. В нашем случае, путем должного взаимовоздействия. Препятствием этому, как свидетельствует политическая практика, является спорадическое отчуждение власти и общества. В политической же науке имеет место «выпадение» анализа алиенации/деалиенации из теоретического дискурса.

Данная проблематика должна являться теоретико-содержательным смыслом политических отношений, опредмеченных в политологии.

Общий подход к постановке проблемы.

Тема обусловлена спецификой развития взаимоотношений власти и социума. Они детерминированы однопорядковым отношением власти к своим гражданам, граждан же к власти – разнопорядковым. Здесь важно их «место встречи».

Существует мнение[1], что базовый принцип новой РФ – свободная конвертация власти в деньги и собственность, и обратно. Это социальная система, где доминирует примитивная потребительская мотивация. Такое свободное общество с авторитарной властью – симбиоз,

[1] *Иноземцев В, Модернизация невозможна//Ведомости. 4 окт. 2010.*

невозможный с позиции классической западной социополитической теории, но способный существовать в РФ, судя по всему, неограниченно долгое время, породив отделенное от народа известное всем сообщество. Взаимное недоверие растет, порождая электоральные барьеры: власть не доверяет гражданам, которые выберут или ее противников, или криминал. Отсюда боязнь со стороны государства радикальных протестов и нежелание граждан связываться с властью для решения насущных проблем. Россияне чаще всего убеждены: все, что делают власти, в большинстве случаях выгодно только ей самой. Невозможно проводить модернизацию, не опираясь на осознанное желание граждан в ней участвовать. В этом смысле отчуждение власти выступает как контрмодернизация.

По мнению политолога К. Калачева[1], народ теряет субъектность из-за чрезмерных манипулятивных технологий. Системообразующие политические проекты, а именно «стабильность», «рывок, развитие» и т.д. – всего лишь вербальные интервенции власти, блокируемые алиенацией. Правительство как драйвер прорыва – не воспринимается. Гигантский разрыв между ожиданиями людей и их реализацией породил то, что называется депривацией.

Социологически говоря, – это больше относится к «ползучему эмпиризму». Поэтому не все объясняет. По мнению профессиональных социологов, академика РАН М.К. Горшкова, - это связано с атомизацией российского общества, нарастанием в нем отчуждения[2].

Отчуждение граждан от власти и от политики обусловлены тем, что 80% россиян не готовы принимать участие в политике, 81% опрошенных заявили, что обычные люди не могут влиять на политику[3]. Комментируя результаты опросов Левада-центра А. Алексеев[4] констатирует, что отчуждение граждан от власти тесно коррелирует с отчуждением самой власти от граждан, или с отторжением граждан этой властью от участия в решении вопросов их повседневной жизни и судьбы. Имеет место взаимное отчуждение граждан и власти. Отношения, противоречия между ними могут быть определены как непримиримые. Прямым следствием отчуждения граждан от нынешней власти является и их отчуждение от политики, которая имеет отношения по поводу власти своим ключевым моментом. Парадокс состоит в том, что для преодоления взаимного отчуждения граждан и власти необходимо как раз более активное участие граждан в политике. Получается замкнутый круг.

Социология свидетельствует об усилении отчуждения российской

---

[1] *Калачев К. Даже без помощи оппозиции возникает ощущение: все приходит к концу [Электронный ресурс]// [вэб-сайт]. 2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/408753/(дата обращения: 15.01.2019).*

[2] *Горшков М.К. «Русская мечта» в зеркале социологии. // Гуманитарий Юра Рогссии. №2. 2012. С. 13-28*

[3] *Россияне рассказали о своей готовности участвовать в политической жизни страны [Электронный ресурс] // Политическая Россия: [веб-сайт]. 2016. URL: http://politrussia.com/society/rossiyane-passivny-i-358/*

[4] *Алексеев А. Отчуждение граждан от власти и от политики [Электронный ресурс] //Cogita.ru: [веб-сайт]. 2016. URL: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/otchuzhdenie-grazhdan-ot-vlasti-i-ot-politiki.*

власти и как результат этого, - открыт вопрос об упомянутой конгруэнтности для определенного взаимовоздействия власти и социума. Чем развитей механизм разотчуждения (деалиенации), тем больше объем конгруэнтности, консолидации власти, граждан и социума.

В этом заключается общий подход к рассматриваемой проблеме.

Дополняет ее дефинитивный анализ рассматриваемых категорий, причем, со своими понятийными сложностями.

Феноменологию алиенации/деалиенации в политологическом смысле исследуют, в основном философы политики и правоведы. Отметим несколько крупных работ в этой области: статья проф. Булавки-Бузгалиной Л.А. «Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам» (Вопросы философии. 2018. №6), работы Гулиева В. по анализу основ этатисткой алиенации (монография «Отчужденное государство. М.1998) и кандидатская диссертация по философии Сигаревой М.А. по теме «Формы отчуждения и пути его преодоления в современном обществе», 2006 г. и др.

Политическое отчуждение – это нормальное и неизбежное явление. Специалистами отмечается, что политическое отчуждение в социуме естественно и неисчерпаемо: проявления отчуждения в политике можно лишь минимизировать, но невозможно до конца свести на нет.

В России проявление политического отчуждения сопровождается т.н. парадоксом Лапьера[1]. Условно говоря, в зависимости от политической культуры индивид, предпочитающий внешнее участие при внутреннем согласии, избирает примерно следующие варианты отчужденного политического поведения: 1) автоматическое, бездумное отправление политического ритуала (голосование, даже участие в митинге и т. п.); 2) выбор – при голосовании или в иных случаях выявления политических предпочтений – из двух зол наименьшего; 3) голосование за какого-либо кандидата в пику другому, неугодному кандидату; 4) партийную лояльность, основанную на привычке. В любом случае каждая из возможных линий поведения – отчужденная, не выражающая стремлений, а, следовательно, согласия, ценностных ориентаций и социальных установок индивида.

Всё это способы социальной мимикрии к предложенным политическим обстоятельствам.

Существует несколько современных формулировок политического отчуждения. В некоторой степени в них просматривается влияние марксовых определений, в соответствии с которыми политическое отчуждение, есть характеристика политической деятельности личности в общественной системе. Некие политические контуры, вытекающие их этой классической дефиниции, зримо угадываются в современном российском политическом ландшафте.

Констатируется наличие многих видов политического отчуждения: власти и народа, государства и гражданина, госаппарата и центров власти, официального заявленной политики и реальной работы номенклатурны, федеральной и региональной власти и т.д. Особо

---

[1] *Лапьера Парадокс [Электронный ресурс]//Большая психологическая энциклопедия: [вэб-сайт] 2000. URL: https://psychology.academic.ru/5540 Лапьера_парадокс (дата обращения: 16.01.2019)*

выделяется политическое взаимоотчуждение человека и общества[1].

Суть отчуждения состоит в сознательном или несознательном неприятии конвенциальных, общепризнанных, традиционных нормативных ценностей человеческого сообщества, санкционированных как «снизу» (силой общественного мнения), так и сверху (государством и властью).[2]

По А. Шаффу, политическое отчуждение – это отчасти и политическая аномия, недостаток социально апробированных норм человеческого существования и власти.[3] По логике, достижение именно этих упомянутых норм и есть преодоление отчуждения, т. е. то, что называется деалиенацией. Этот подход формализован.

К политическому разотчуждению приемлем более широкий подход. А именно: смысл политической деалиенации состоит в формировании оптимума социально-политических апробированных нормативов, регулятивов в сфере сосуществования и взаимовоздействия власти, граждан и социума. Нормативы и есть т. н. деалиенаторы в преодолении политического отчуждения.

Сетевой взгляд на политическую деалиенацию (отправные идеи).

Для преодоления политического отчуждения необходим оптимум упомянутых нормативов, т.н. деалиенаторов. В традиционном обществе это чрезвычайно трудно сделать в условиях «вертикали» власти. При переходе диалога власти и социума в лоно сетевого пространства, возможное решение по уменьшению политического разотчуждения реально переносится в теоретико-практическую плоскость.

Это тот сегмент политики, который действительно демонстрирует доверие или недоверие сетевых акторов и власти. В концептуальном осмыслении политической деалиенации, как научной категории, могут конкурировать разные парадигмы и дискурсы. Однако его трактовка как совокупная деятельность всех заинтересованных политических акторов представляется наиболее адекватной сущности данного феномена.

Сетевой подход рассматривает политическую реальность как совокупность акторов, добровольно вступающих в различные типы отношений. Поэтому любой политический смысл, в том числе и деалиенационный, с точки зрения сетевого анализа должен рассматриваться как результат разнонаправленных векторов реализации интересов и ценностей, точка вынужденного компромисса между различными акторами.

Такой подход укладывается в логику актуализации неинституционализированных политических акторов в публичной политике, происходящей под воздействием ризомной сетевой самоорганизации[4]. Она

---

[1] *Сигарева М.А. Формы отчуждения и пути его преодоления в современном обществе: Дис. на соиск. учен. степ. Кандидата философских наук: специальность 09.00.11 Социальная философия/Сигарева Марина Александровна: Дагестанский гос. университет. 2006. 168 С.*

[2] *Гулиев В.Е., Колесников А.В. Отчужденное государство. – М.: Манускрипт, 1998, – С. 31.*

[3] *Shaff. Alienation as a Social Phenomen. Oxford, 1980. P. 25, 56, 66*

[4] *Публичная политика. Институты, цифровизация, развитие. [Л.В. Сморгунов и др.]; отв. ред.. Сморгунов Л.В, Никовская Л.И., Молокова М.А., Кочетков А.П., Якимец В.Е..*

заключается в том, что в коммуникативной среде онлайн-пространства этой политики создаются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети. Ризомная коммуникативная среда онлайн-пространства способствует формированию автономных от вертикали власти сетевых сообществ вне политического представительства и участия[1]. Механизм ризомной сетевой самоорганизации содействует формированию как принципиально новых политических акторов, так и новых политических отношений в связке власть-социум. Что позволяет строить диалог с властью на равных и способствовать процессу политического разотчуждения. В этом качестве ризомный принцип сетевой самоорганизации выступает реальным деалиенатором, «разотчуждителем» в публичной политике. Но обращение к «ризоме» не «срабатывает», если не выяснено, когда сетевые отношения наделяются политическим смыслом, а сетевой социум становится политическим субъектом. Без этого нельзя понять, что и как привнесет идею политической деалиенации в социальные сети. Отсутствуют четкие представления о субъектно-объектной детерминации политики внутрисетевого социума. Отношения в виде сетевых субъекта-объекта и субъекта-субъекта в политическом опосредовании размыты и не сфокусированы. Это можно видеть в отношениях субъекта (сетевой человек, сетевой социум, «нетократия», «консьюмират» и др.) и объекта (традиционный социум, власть, информационность, коммуникативность и т.д.), т.е. вопрос, когда сетевой индивид становится политическим субъектом внутри сети, остается без внятного ответа.

Эвристический поиск нацеливает на обращение к феноменологии, где существует определенная методология, вытекающая из теории интенциональности. Она представляет собой акт придания объекту смысла, в нашем случае, политического. Имеется в виду привнесение политического смысла в сетевые отношения. Политическая интенциональность как уже готовая направленность индивидуального мышления на все – как на политику, так и на себя самое – оказывается определяющей.

Коммуникативное действие на основе этой парадигмы приближает к пониманию «политтворения» смысла в сетевом поле. Этому способствуют модели, включающие в себя сетевые компоненты процесса выработки политики. Но они, «создающие» политику, объединены технологизмом и процедурностью. В стороне остается интенциональный контекст, интерпретирующий суть политического смысла в социальных сетях.

В нашем случае, это политтворение идеи как по преодолению, так и минимизации отчуждения между сетевым миром и миром власти, идеи политической деалиенации власти и сетевого социума.

В данном случае политическая интенция служит для достижения субъектности политических сетей в целях институционализации из «горизонтали» в «вертикаль», а далее – легитимации в политическом поле. Ведь традиционное общество в настоящее время отчасти деле-

---

М.: АспектПресс, 2018. С. 349

[1] *Там же.*

гитимировалось из-за своей сверхполитизированности.

Привнесение идеи политического разотчуждения как основного смысла в социальные сети – это не спонтанный процесс. Феноменология политической интенциональности требует соответствующей конкретизации когнитивного подхода. Он состоит в обосновании политической деалиенации, подчеркнем особо, как возможного сетевого метода в преодолении столкновения разных онтологических императивов сетевого социума, его акторов и власти. Сложность состоит в том, что сетевой индивид выступает в двойном статусе: как сетевой актор и как субъект традиционного общества. В сетевом социуме отношения становятся политическими вследствие конвергенции, диффундирования и взаимодействия с традиционным обществом, его институтами и акторами. Что соотносится с фактом наделения социальных сетей политической субъектностью посредством интенции, хотя и при отсутствии в них известной институциональности.

Констатируем следующее:

1. ризомный принцип сетевой самоорганизации содействует появлению новых свойств политических отношений в связке власть-сетевой социум. В этом смысле его можно условно назвать моментом, способствующим разотчуждению в политических отношениях;

2. расширение функционала политического разотчуждения как возможного сетевого метода.

Скорее это формулирование поисковой гипотезы. Аксиома же требует соответствующей «отношенческой» практики взаимовоздействия сетевого социума и власти.

Поэтому основная проблема – разотчуждение бытия человека через формирование неотчуждаемых политических отношений. Общественная практика ориентирует на возможный путь снятия отчуждения между неотчуждаемым содержанием и отчужденной формой деятельности[1].

В результате политического разотчуждения в сетях появляется новое свойство политического отношения. Оно формируется в неразрывном единстве с самим сетевым процессом его становления. Субъект этой деятельности выступает как актор созданного им своеобразного сетевого политического отношения. Отсюда императив политического разотчуждения является в некоторой степени результатом функционирования сетевого ризомного принципа, который становится основой взаимосвязи трех форм субъектности – сетевых социума и актора, и власти.

Поэтому поиск деалиенационных решений в сетевом пространстве способствует, как упоминалось, появлению возможно новых свойств политических отношений. Последнее требует нового опредмечивания политологии, как политической науки. Признавая абстрактность подхода, не исключено появление и новых практик по реальному политическому разотчуждению власти и социума, как традиционного, так и сетевого. Социология политического бытия свидетельствует о наличии запроса на необходимость политической разотчуждения, особенно в

---

[1] *Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам// Вопросы философии. 2018 .№ 6. С. 179*

сетевом поле, где этому способствует принцип горизонтальных отношений. В аналитике констатируется, что формирование сетевого политического пространства в современных системах представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, в котором институциональные, процессуальные, социокультурные и технологические компоненты политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных, традиционных политических практик. Сетевые коммуникации изменяют субъективное пространство политики, продуцируют новые смысловые образы связки власть-социум. Все это сказывается на процессе политтворения идеи по преодолению минимизации отчуждения между сетевым миром и миром власти. Особо замедляют его известные ограничения, предпринятые властью в сетевом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам// Вопросы философии. 2018 .№ 6. С. 179
2. Горшков М.К. «Русская мечта» в зеркале социологии. // Гуманитарий Юра Рогссии. №2. 2012. С. 13-28
3. Гулиев В.Е., Колесников А.В. Отчужденное государство. – М.: Манускрипт, 1998, – С. 31.

REFERENCES

1. Pin-Buzgalina LA Disenchantment: from philosophical abstraction to sociocultural practices [*Razotchuzhdenie: ot filosofskoj abstrakcii k sociokul'turnym praktikam*]// Questions of Philosophy. 2018. № 6. P. 179
2. Gorshkov M.K. «Russian Dream» in the mirror of sociology [*«Russkaya mechta» v zerkale sociologii*] // Humanitarian Yura Rogsii. №2. 2012. p. 13-28
3. Guliev V.E., Kolesnikov A.V. Alienated state [*Otchuzhdennoe gosudarstvo*]. - M .: Manuscript, 1998, - P. 31.

КРЕТОВ
Борис Иванович
доктор философских наук,профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии» РУТ (МИИТ), Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

KRETOV
Boris Ivanovich
doctor of philosophy, Professor, Department of political Science, history and social technologies, RUTH (MIIT), Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

Актуальность политологического образования в век инновационных технологий/ Relevance of political science education in the age of innovative technologies

Аннотация

В настоящее время высшее образование открывает множество возможностей, связанных с технологиями, которые способствуют созданию знаний, управлению ими, их распространению, доступу к ним и контролю над ними.

Неотъемлемой составляющей высшего образования России является политология. Так как в условиях построения правового государства и правового общества, перехода к рыночной экономике знания в области политики, политической сферы, политических процессов в настоящее время играют важную роль. Актуальные политологические исследования, а также разработка на их основе прикладных моделей и методик вносят существенный вклад в решение задач, связанных с реформами в стране.

Политику невозможно отделить от человеческого общества, от его прошлого, настоящего и будущего. На каждом этапе развития человечества она сопрягается с судьбами миллионов людей в различных странах.

Ключевые слова

Высшее образование; политика; политология; политологическое образование.

Abstract

Currently, higher education offers many opportunities associated with technologies that contribute to the creation of knowledge, their management, their distribution, access to them and control over them.

An integral part of Russian higher education is political science. As in the conditions of building a legal state and a legal society, the transition to a market economy, knowledge in the field of politics, the political sphere, and political processes now play an important role. Actual political science studies, as well as the development of applied models and methods on their

basis, make a significant contribution to the solution of problems associated with reforms in the country.

Politics cannot be separated from human society, from its past, present, and future. At each stage of human development, it mates with the fate of millions of people in different countries.

Keywords

Higher education; politics; political science; political science education.

В майском (2018 года) Указе Президента Российской Федерации «Онациональных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в частности, подчеркивалось, что необходимо обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования.

В Постановлении XI Съезда российского союза ректоров отмечалось: «Быстрые изменения, обусловленные процессами глобализации, развитиемцифровой экономики, создают серьезные вызовы для развития системы высшего образования России»[1].

В XXI веке высшее образование имеет решающее значение для социально-культурного и экономического развития России и создания такого будущего, в котором более молодые поколения должны будут овладевать навыками, знаниями и идеями.

Перед высшим образованием открываются новые горизонты, связанные с технологиями, которые способствуют созданию знаний,управлению ими, их распространению, доступу к ним и контролю над ними.

Потенциал образования должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства.

Такая система образования является важным фактором сохранения места России в ряду ведущих стран мира, ее международного престижа.

Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству; которые отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны.

Гуманитарные дисциплины вообще и политология в частности необходимы для приобретения духовного, нравственного, научного опыта, которые определяют основы мировоззрения и культуры, а также создают определенную систему ценностей.

Обязательной составной частью высшего образования в России, наряду с другими гуманитарными науками, играет политология. В условиях построения правового государства и правового общества, пе-

---

[1] *Миннибаев Е. Приоритеты прорывного развития // Вузовский вестник №10(297) 16-31 мая 2018 г. С.3*

рехода к рыночной экономики знания о политике, политической сфере, политических процессах в современной России приобретают особую значимость, выходя за рамки академических знаний. Политологические исследования, разработка на их основе прикладных моделей и методик призваны внести вклад в решение задач, связанных с реформами в стране.

Политика неотделима от человеческого общества, его прошлого, настоящего и представимого будущего. На каждом этапе развития человечества она сопрягается с судьбами миллионов людей в различных странах. Настоятельно требует ответов и действий, адекватных вызовам времени. Наука о политике политология, которая ведет свой отчет со времен Конфуция и Аристотеля, за долгие годы накопила и обобщил? богатейший теоретический и фактологический материал, раскрыла основные закономерности общественно-политического развития, деятельности людей разработала методологию их исследования. Однако каждое новое поколение вглядываясь в прошлое и извлекая опыт из политической истории, привносит в политику свои идеалы и страсти. По мере усложнения общественного развития, повышения в нем роли человека и расширения участия граждан в делах общества возрастают требования к уровню понимания и осознания политики, влияющему на качество принимаемых политических решений и осуществления политических действий.

Общественная деятельность человека, связанная с политикой, может по-особому проявляться и реализовываться в каждом новом временном измерении, по-разному воплощаться каждым последующим поколением людей, существенно коррелироваться культурно-цивилизационными факторами. Каждая эпоха по-новому ставит извечные вопросы человеческого бытия, о смысле жизни и, соответственно, о смысле политики, о том, что есть человек, каким должно быть его отношение к природе, обществу, к другим людям. Каждый новый цикл человеческой цивилизации и, конечно же, нынешний период глубоких социальных реформ ставит задачу осмысления понимания политических изменений в обществе, сознательного участия человека в политике.

Политическая наука своими средствами и методами позволяет проникать в тайны политики и власти, раскрывать подлинную суть деятельности политической элиты, лидеров, политического поведения классов и масс. Важнейший аспект современной политологии — выявление причины, а не цели политической деятельности, выявление «кто есть кто?» и «кто где?» в политической жизни. Эти обстоятельства обусловливают повышенный интерес к политической деятельности, как особому виду общественной деятельности, ее структуре, движущим силам, механизму выражения и реализации политической воли социальных объектов.

В нашей стране происходят глубокие преобразования во всех сферах жизни, в том числе и в политической. Политическая жизнь становится все более открытой, «прозрачной»; существенно расширилось участие граждан в политических процессах. Сегодня политикой занимаются все или почти все, даже те, кто ею никогда не занимался и не думал заниматься. Но такое участие требует осмысленного подхо-

да, знаний в этой области.

Политические знания являются первым условием для того, чтобы превратить общество из объекта манипуляции властей и конфликтующей с ними оппозицией в коллективный субъект политики. Политические знания помогут каждому «перевести» идеи и действия политиков с «государственного языка» на человеческий.

«Цель ознакомления с политологией как раз и будет состоять в том, чтобы со знанием дела участвовать в политической жизни страны. Однако, иногда можно услышать от студентов такое мнение: «Мы пришли в вуз, чтобыполучить образование, а вот потом, когда окончим вуз и будет время, займемся политическим образованием». В связи с чем рекомендуется студентам задуматься над высказыванием «железного» (как его называли) канцлерагермании Бисмарка (XIX в.): «Неучастие в политике не освобождает вас от ее результатов». А другой политический деятель предостерег «Занимайтесь политикой, иначе политика займется вами».

Политология помогает постичь тайны политической жизни и, тем самым, осознанно включиться в политический процесс, что в итоге способствует созданию благоприятных условий для нормальной, спокойной жизни.

Курс политологии призван дать студенту необходимый любому образованному гражданину минимум знаний о политических реалиях и ценностях, нормах политического поведения. Политология обеспечивает подготовку по методологии анализа политической жизни, вырабатывает необходимые мировоззренческие и ценностные критерии оценки текущих событий, умений связывать политические знания с общественной практикой.

Актуальность политологии заключается в том, что современная общественная жизнь характеризуется повсеместной политизацией. Последняя осуществляется противоречиво, весьма неравномерно, но в целом с нарастающей силой. Политика активно воздействует на общественный прогресс, ускоряя или замедляя его, влияет на развитие экономических, национальных отношений, культуры и науки. Сегодня нет человека, который мог бы сказать, что он находится вне политики. Даже если человек считает себя аполитичным, он вынужден определять свое отношение к политической власти, государственному строю, действующему законодательству. Уже тот фак, что каждый человек является гражданином того или иного государства, связывает его с соответствующими государственными структурами, налагает на него определенные обязанности.

Помочь человеку правильно ориентироваться в лабиринте человеческих отношений, уяснить сущность, природу и механизм осуществления политической власти, нормы политического поведения и политические ценности призвана современная политическая наука.

Политические знания и культура нужны сегодня любому человеку, независимо от его профессиональной принадлежности, поскольку, живя в обществе, он неизбежно должен взаимодействовать с другими людьми и государством. Без обладания такими знаниями личность рискует стать разменной монетой в политической игре, превратиться в объект манипулирования и порабощения со стороны более активных

в политическом отношении сил.

Перед преподавателями всегда возникала ответственная задача: какие отыскать методы и средства обучения, чтобы воспитать у студента интерес И потребность в изучении гуманитарных наук.

Положительно зарекомендовало себя проблемное обучение в преподавании политологии. В области методики проблемного обучения вырабатываются рекомендации, готовятся и издаются методические пособия. Активизация интереса к практике проблемного обучения связана с осознанием большинством преподавателей того положения, что научная истина постигается не только содержанием передаваемой аудитории информации, но и способом ее передачи; успех обеспечивается органическим сочетание содержания и методов раскрытия учебного материала и, конечно, направленной деятельностью обучаемого.

Преподаватели все больше убеждаются в том, что только собственное мышление и соответствующие ему действия обучаемого способствуют формированию у него прочных научных и идейно-политических убеждений. Это и обуславливает необходимость прибегать к методам проблемного обучениярассчитанного на развитие умственных способностей студентов, на самостоятельное в значительной мере приобретение ими новых знаний.

Необходимым элементом процесса познания являются структурно логическиесхемы, которые выполняют важную роль в процессе передачи знанийстудентам. При их использовании в процессе передачи знаний вносится элемент наглядности.

Изобразительный элемент помогает преподавателю выполнить двойную роль: заставить студента следовать за мыслью и соотносить изобразительные элементы с тем содержанием, которое лектор определяет в изображении.Поэтому-то изображение и является тем средством, которое помогает понять высказанное преподавателем утверждение. Изображение(модель структурно-логической схемы) заставляет обучающегося активноучаствовать в процессе познания.

В работе вузов на сегодняшний день, к сожалению, не получила внедрения модульная система организации учебного процесса. Данный подход еще не получил достаточной разработки в литературе по социально-гуманитарным дисциплинам и тем более реализации в практике вузов.

Модульное обучение предполагаетиспользование учебно-методических пособий комплексного типа. Создание же эффективногоучебно-методического комплекса требует применения модульной технологии обучения.

При построении учебного курса целесообразно использовать модульную программу познавательного типа, которая, в отличие от программы оперативного типа, создается на основе предметного подхода и фундаментальности в построении обучения.

В соответствии с принципом модульности учебный курс разделяется на определенное количество модулей, каждый из них характеризуется однотипно: имеет содержание, цели обучения, обеспечивает дидактический процессв соответствии с целями обучения, оснащен в технологическом отношении и организационно-необходимыми фор-

мами обучения. Завершается изучение каждого модуля проведением итогового (выходного) контроля и коррекции учебно-познавательной деятельности студентов.

Последнее десятилетие XX века и начало XXI века ввело в оборот такие понятия как «трансформация», «модернизация», «цифровизация». По мнению некоторых экспертов, принимавших участие в работе XI Съезда российского союзаректоров (май 2018 г.), «... по масштабности как проблем решаемых новыми образовательными технологиями, так и самих будущих изменений в образовании, цифровая революция XXI века может быть сопоставима разве что с появлением печатной книги и массовой школы в прошедших веках»[1].

На съезде были озвучены некоторые приоритеты развития высшей школы России в эпоху больших вызовов. В их числе: «развитие электронного обучения, внедрение перспективных моделей образования, учитывающих цифровую реальность и достижения современных педагогических технологий»[2].

В тоже времяпо экспертным оценкам XI Съезда было отмечено, что «Россия опоздала к началу формирования рынка глобальных образовательных продуктов, что создает риски доминирования даже в нашей собственной стране цифровых образовательных ресурсов крупных иностранных провайдеров и массовых онлайн-курсов иностранных университетов»[3].

В этой связи хотелось привести слова Н. Патрушева на заседании межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации попроблемамстратегического планирования в апреле 2018 года: «особое внимание должно быть уделено противодействию деструктивному влиянию из-за рубежа, направленному на размывание российских традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также вопросоминформационной безопасности»[4].

В современных условиях, когда повсеместно ведется борьба за образование, требуется изменения в структуре образования. На наш взгляд, следует считать важнейшей задачей научить студента учиться, что подразумевает умение овладевать информацией и управлять ею. Уметь анализировать факты и явления действительности, воспитывать потребностьв постоянном обновлении знаний.

Политическое образование имеет, прежде всего, огромное социальное и нравственное значение. Политическое образование является одним из способов социализации личности, формирования политической культуры, приобщения к демократическим ценностям. Поэтому цель курса — дать студенту необходимый минимум знаний о политических реалиях, нормах политического поведения, политических ценностях, помочь будущему специалисту в формировании его мировоззрения, умения рационально и критически оценивать политические явления, делать осознанный политический выбор.

[1] *Миннибаев Е. Приоритеты прорывного развития // Вузовский вестник №10(297) 16-31 мая 2018 г. С.3.*

[2] *Там же С.3.*

[3] *Там же С.3.*

[4] *Миннибаев Е. Приоритеты прорывного развития // Вузовский вестник №10(297) 16-31 мая 2018 г. С.3.*

Сегодня, когда возрождают наши ценности, особенно важно установить легитимным путем социальную справедливость. Без нее тормозится весь процесс воспитания молодежи.

Политическая наука имеет большое воспитательное значение. Она несла и продолжает нести главную нагрузку в воспитании будущих граждан, оказывает огромное влияние на распространение политических идей и идеалов, политических норм и обычаев, политической информации и знаний.

Политология выполняет важные познавательные, общетеоретические, аналитические и методологические функции. Специалист, овладевший политологическими знаниями, сможет уверенно разбираться в сложных политических явлениях и процессах, хорошо представлять проблемы исполнения нормативно-правовых актов в различных сферах жизни общества, глубоко понимать роли политики и морали в своей практической деятельности.

Возрастание роли политики имеет свои конкретные причины. Но есть и общие причины, характеризующие этот процесс. Они связаны с тем, что экономические, социальныеи духовные проблемы общества сегодня приобретают глобальный характер, становятся, с одной стороны, все более взаимосвязанными, с другой — взаимозависимыми. Они могут и должны решаться в национальном масштабе, а многие в международном, что требуетполитического подхода, разработки ясной и четкой политической линии, организации усилий, всего общества на реализацию. Именно политикаявляется той областью общественной жизни, где концентрируются и осмысливаются все важнейшие общественные проблемы.

Высшее образование должно укреплять свои функции, связанные со служением обществу, главным образом путем применения междисциплинарного и трансдисциплинарного подхода к анализу проблем и вопросов.

В своем выступлении на XIСъезде российского союза ректоров Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул: «России нужна сильная высшая школа, которая устремлена в будущее. Только так мысможем добиться прорыва в национальном развитии»[1].

В конечном счете, целью политологического образования в век инновационных технологий должно быть создание нового общества, членыкотороговысоко и всесторонне развиты, полны энтузиазма, руководствуютсямудростью и нравственностью, любовью к Родине и всему Человечеству.

Подлинное политологическое образование требует созидания культурно-образовательного пространства, особой атмосферы культуры на уровне взаимоотношений «преподаватель-студент», когда со всей очевидностью понимается, что образованный человек есть не сумма компетенций а есть сумма человека.

---

[1] *Миннибаев Е. Приоритеты прорывного развития // Вузовский вестник №10(297) 16-31 мая 2018 г. С.3.*

РУДЫКА
Наталья Алексеевна
к.п.н., доцент кафедры «Политология, история и социальные технологии», РУТ (МИИТ), Москва Россия
rudyka@mail.ru

НАЗАРОВА
Регина Константиновна
аспирант кафедры «Политология, история и социальные технологии», РУТ (МИИТ), Москва, Россия
regina-nazarova@rambler.ru

RUDYKA
Natalia Alekseevna
Ph. D., associate Professor, Department of political Science, history and social technologies, RUT (MIIT), Moscow, Russia
rudyka@mail.ru

NAZAROVA
Regina Konstantinovna
post-graduate student, Department of political Science, history and social technologies, RUT (MIIT), Moscow, Russia
regina-nazarova@rambler.ru

Студенческая молодёжь в «зеркале» социологии: проблемный анализ образования и воспитания / Student youth in the «mirror»of sociology is a problem analysis of education and upbringing.

Аннотация

Статья посвящена анализу специфичной социально-статусной группе молодёжи - студенчеству. Проанализированы предвыборные речи и послания Федеральному собранию Президента РФ В.В. Путина. Приведены ряд результатов по направлениям молодёжной политики социологического исследования, проводимого на базе Гуманитарного института РУТ (МИИТ). В статье говорится о необходимости поддержке студенчества государством, поиске новых форм и взаимодействия с молодёжью.

Ключевые слова

Молодежь; студенчество; молодежная политика; государство; молодые специалисты, социологическое исследование

Abstract

This article is devoted to the analysis of a specific socio-status group of young people - students. Pre-election speeches and messages to the Federal Assembly of President Vladimir Putin are analyzed. A number of results on the directions of youth policy of the sociological research conducted on the basis of the Humanitarian Institute of RUT (MIIT) are given. The article speaks about the need to support students by the state, the search for new forms and interaction with young people.

Keywords

Youth; students; youth policy; state; young professionals, sociological research.

У современной молодёжи свои особые функции, не замещаемые и не реализуемые никакой другой социально-демографической группой: основная из которых определена как функция ответственности за сохранение и развитие страны, а именно за преемственность истории и культуры, жизнь старших и воспроизводстве новых поколений, и, в итоге, – за выживание общества.

Осознание молодёжью этой ответственности, своей особой роли как субъекта общественных отношений в значительной мере определяет темпы и векторы развития государства как основного политического института.

Особую роль в процессе развития общества должна выполнять такая специфичная социально-статусная группа молодёжи как студенчество.

Повышенный интерес к молодёжи обусловлен тем, что она является такой группой общества, которая вовлечена во все социальные процессы. Процент молодых граждан населения Российской Федерации составляет 25% от общего количества населения – это существенная часть трудового и интеллектуального потенциала страны.

Формирование социальной активности у молодёжи является одной из стратегически значимых задач российского общества. В настоящее время предъявляются высокие требования к молодым специалистам, как к личностям, готовым определять задачи, ставить цели и достигать их, уметь нести ответственность за возможные результаты действий.

Анализируя предвыборные речи Президента РФ В.В. Путина и его послания Федеральному собранию Российской Федерации, обращает на себя внимание факт, что он неоднократно акцентирует внимание на важной роли молодёжи. Молодому поколению принадлежит главенствующая роль в модернизации политической системы, обеспечении экономического роста и развития страны.[1] Первостепенная задача – вовлечение молодёжи в общественно-политическую жизнь страны. Молодое поколение – надёжная, прочная опора России в бурном, сложном XXI веке. Она способна отвечать на вызовы времени, на равных участвовать в формировании интеллектуальной, творческой, культурной повестки глобального развития.[2]

Всероссийские социологические исследования, такие как исследование российской интеллектуальной молодежной среды, направленное на изучение карьерных ожиданий и стремлений студентов и выпускников российских ВУЗов (20 ведущих ВУЗов России) – МГУ декабрь 2017 – июнь 2018 гг.; Профессиональная карьера современной молодежи: оценки ситуации – ВЦИОМ 17 августа 2018 г; Эмиграционные настроения Россия-2018 – ВЦИОМ 6-7 июня 2018 г. ; Социальная и политическая активность молодежи – ФОМ 13 апреля 2017 г.; Взгляды и ценности молодых – ФОМ 13 апреля 2017 г.; Российская молодежь:

---

[1] *Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. – 2016, 01 декабря – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения: 15.01.2019).*

[2] *Зеленкова М.М. Будущее молодежной политики в России (анализ предвыборных выступлений В.В. Путина) // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4-1. – С. 181-185*

образование и наука – НИУ ВШЭ 2016 г., доказывают необходимость реализации в образовательном процессе ключевых, программных задач направленных на решение ключевых проблем, таких как: проблем трудоустройства студенческой молодежи; особого внимания требует проблема студенческой семьи; молодые люди, представляющие, в том числе, и транспортную отрасль, испытывают чувство неудовлетворенности в части реализации досуговых предпочтений, что влечет основной концептуальный вывод, выражаемый в пассивном типе социальной адаптации.

Характеризуя каждый вывод анализируемых исследований, мы отмечаем, что ключевыми проблемами, волнующими респондентов стоят проблемы материального характера – рост цен на предметы первой необходимости и продукты питания; бедность населения, низкий уровень зарплат, стипендий и пенсий; материальные трудности.

Проблемы студенческой семьи сегодня социологи выделяют в специфически самостоятельные в ряду общесемейных проблем. Согласно статистике, основная тенденция развития семьи с детьми на сегодняшний день – это снижение среднего числа детей в семье. Ответы о причинах мешающих иметь желаемое количество детей прямо коррелируют с ключевыми проблемами материального плана.

Современная молодёжь ждет поддержки от государства, причем почти и менее 50% позиционируют себя как самодостаточные, не нуждающиеся в поддержке. Это позволяет выдвинуть предположении о развитии и дальнейшем укоренении культурно-традиционалистского «мема», который в принципе характерен для территории русского государства – вера в сильное государство, что было характерно и для Российской Империи, и еще активнее проявлялось во времена СССР и также проявляется сейчас, несмотря на попытки государства перестроить модель взаимодействия с патерналистской на партнерскую.

Говоря о досуговых предпочтениях молодежи, можно отметить, что молодежь выбирает максимально дешевую форму организации досуга, но хочет проводить досуг разнообразнее и дороже, но не имеет такой возможности. Проведение свободного времени в Интернете и общение в социальных сетях занимает ведущие позиции среди других форм проведения досуга. Отмечается рост аудитории социальных сетей, и у молодых людей начинают формироваться собственные авторитеты (журналисты, видеоблогеры). Прослеживается высокая взаимосвязь проведения неактивных форм досуга молодежи (нахождение дома: просмотр телевизора, прослушивание радио, … или просто «ничего не делаю») с дезадапитрованным типом социально-экономической адаптации молодежи. Но при этом у студентов есть здоровое желание проводить досуг более активно.

Результаты социологического исследования, в том числе, проводимого ГИ РУТ (МИИТ) убедительно показывают, что среди молодежи транспортных вузов превалирует пассивный промежуточный тип адаптации, для которых характерен стратегический принцип повседневного трудового существования и бытования, уход от изменений, а также избегание перемен, что в принципе характерно для большей части молодежи в нашей стране, согласно результатам других исследований, которые релевантны проведенному социологическому исследованию

транспортных вузов РФ.

Но если смотреть на то, как молодежь хочет проводить свое свободное время, то в целом, мы можем говорить о здоровом желании проводить досуг более активно, нежели сидя дома за интернетом, они хотят участвовать в общественной деятельности, ездить на экскурсии, заниматься спортом и прочее, что несомненно можно выделить как одну из важнейших задач молодежной политики – помочь им в активизации собственного досуга. И такой активной и максимальной доступной формой является привлечение молодежи к различным научным, спортивным, творческим мероприятиям.

Один из основных трендов образовательного процесса – занятость студентов во время обучения. Согласно многим исследования, более 60% студенческой молодёжи совмещают обучение в ВУЗе с работой. Трудовая занятость обучающихся сегодня уже не является феноменом, а выступает скорее в качестве жизненной необходимости, обусловленной как объективными (элемент профессионального становления) так и субъективными (личные поведенческие стратегии, финансовая и материальная необходимость) причинами. При этом большая часть молодых указывает на потребность в государственной поддержке. Неслучайно на первом месте среди наиболее востребованных форм государственной поддержки стоит помощь по трудоустройству. Например, в столице около 10% молодых людей, имеющих профессию – являются безработными, а работают по специальности лишь около 68%. Современная система транспортного образования призвана соответствовать индивидуальным образовательным потребностям личности, в том числе: потребности в полноценном и разнообразном личностном становлении и развитии с учетом индивидуальных склонностей, интересов, мотивов и способностей; потребности в органичном вхождении личности в социальное окружение и плодотворном участии в жизни общества; потребности в развитости у личности универсальных трудовых и практических умений, готовности к выбору профессии.

Включение лиц с особыми образовательными потребностями в образовательный процесс в высших учебных заведениях – это сравнительно новый подход для российского образования. Такой подход терминологически связан с процессом, который называется инклюзия в образовании. Инклюзивное образование – один из процессов трансформации общего образования, который ориентирован на формирование условий доступности образования для всех, в том числе людей с ограниченными возможностями здоровья, основанный на понимании того, что инвалиды в современном обществе могут и должны быть вовлечены в социум.

Анализируя информацию по деятельности волонтерских движений в транспортных вузах, можно однозначно сказать о высокой степени вовлечённости обучающейся молодёжи в дела добровольчества и милосердия. В каждой организации, с которыми взаимодействуют вузы высокий процент участия: от 55% до 66% от общего числа сообществ. Данные указывают на то, что несмотря на занятость учебой и личными делами молодые люди интересуются волонтёрской деятельностью. Но нельзя не отметить, что самостоятельное активное

участие в делах добровольчества может позволить себе молодёжь возраста от 25 до 30 лет, когда проходит переходная фаза от студенчества в специалиста своей отрасли. Говоря о барьерах участия молодёжи в благотворительных организациях и акциях, можно предложить решение, которое легко реализуемо в образовательном учреждении, а именно, целенаправленное создание паблисити добровольчеству и волонтёрству, путем информационного насыщения коммуникационных каналов, которыми пользуется студенческая молодёжь.

Понимая, что молодежь - это особая уникальная группа населения, которая несколько иначе реагирует на многие стимулы и призывы, которые транслируются государством и другими формальными институтами, становится интересным вопрос об идентичности молодежи в структуре государственного управления вообще, и о профильной идентичности, в частности. И здесь следует выстраивать концепцию молодежной политики, уделяя значительное внимание формированию универсальной корпоративной идентичности, в частности, транспортной, создающей социально-комфортную, деловую и доверительную атмосферу общеотраслевой солидарности представителей различных профессий и социально-возрастных категорий сотрудников отечественного транспортного комплекса, работающих во благо развития отрасли и государства.

Потребность в поддержке со стороны государства ощущается, в первую очередь, в помощи по трудоустройству на подходящую работу и в получении бесплатного профессионального образования. Подобные настроения в молодёжной среде, с одной стороны, – это проявление некоторой пассивности, а с другой стороны, определяется нами как наличие у молодых людей потребности в самореализации, которая, на их взгляд, не до конца воспринимается другой стороной – в первую очередь государством и работодателями. Молодёжь не видит перспектив для личного и карьерного роста: коррупция играет большую роль, чем выдающиеся личные качества.[1]

И если под другим углом посмотреть на данную проблему – молодежь заинтересована в работе и образовании. Качественным элементом, который мог бы интегрировать оба эти элемента в себя, является стажировка в условиях, когда студентов никуда не берут, потому что у них нет опыта, а опыт получить невозможно, потому что не берут на работу. В решении данной проблемы видится организация стажировок в крупных компаниях, включение студенческой молодёжи в научные проекты, которые будут способны стимулировать образовательную активность и личностную самореализацию.

Для реализации молодёжной политики в рамках образовательных процессов, конечно, необходима помощь государства и, прежде всего, в решении возникших социальных проблем. Но это должен быть и новый тип социальной работы, который не может уложиться в существующие организационные рамки и структуры, не согласуется с прежними формами и методами работы и требует их коренного преобразования, изменения жизнедеятельности и социальных условий, распространя-

---

[1] *Зеленкова М.М. Будущее молодёжной политики в России (анализ предвыборных выступлений В.В. Путина) // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4-1. – С. 181-185;*

ющихся на студенческую молодежь. Это должно способствовать развитию сознательной, творческой деятельности молодежи, реализации ее инициатив во всех сферах жизнедеятельности, формированию потребности в служении обществу, понимания своей ответственности за сегодняшний день и будущее, за себя и общество в целом.

НАРБУТ
Николай Петрович
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
narbut-np@rudn.ru

NARBUT
Nikolay Petrovich
DSc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
narbut-np@rudn.ru

ТРОЦУК
Ирина Владимировна
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
trotsuk-iv@rudn.ru

TROTSUK
Irina Vladimirovna
DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
trotsuk-iv@rudn.ru

Причины социологического интереса к «измерению» счастья и его эмпирические форматы[1]/Reasons for the sociological interest in the "measurement" of happiness and its empirical forms

Аннотация

В статье обозначены причины социологического интереса к феномену счастья на концептуальном и эмпирическом уровне. Авторы выделяют два условных подхода к оценке уровня счастья – экономический и социально-психологический – по критерию отбора основных индикаторов данной оценки (количественных, качественных или их сложной комбинации). Каждый подход имеет свои возможности и ограничения, поэтому в качестве оптимальной исследовательской стратегии предложено их сочетание.

Ключевые слова

Счастье; уровень счастья; измерение; экономический подход; социально-психологический подход; субъективное благополучие; удовлетворенность жизнью.

Abstract

The article considers the reasons for the sociological interest in

[1] *Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект №18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».*

the phenomenon of happiness at the conceptual and empirical level. The authors identify two approaches to assess the level of happiness – economic and social-psychological – according to the choice of key indicators (quantitative, qualitative, or their complex combination). Each approach has its own possibilities and limitations; therefore, a combination of them is considered an optimal research strategy.

Keywords

Happiness; level of happiness; measurement; economic approach; social-psychological approach; subjective well-being; life satisfaction.

В XX веке в истории социально-гуманитарного знания произошло три общепризнанных «поворота»: «лингвистический» – обусловивший трактовку любых социальных, экономических, политических и прочих фактов как «репрезентаций» неких дискурсивных механизмов; «нарративный поворот» – сделавший акцент не только на текстуальном характере социальных реалий, но и на лежащей в их основе нарративной структуре, что предельно сблизило повседневное и научное знание с точки зрения вовлечения всех социальных акторов, независимо от их статуса (обыватель или эксперт), в дискурсивное конституирование действительности; и «визуальный поворот» – признавший важность визуального «измерения» как повсеместного и определяющего логику развития и восприятия социальных практик[1]. Все три поворота в определенной степени «легализованы» в социологии, хотя в рамках нарративного анализа, социолингвистического подхода и визуальных исследований до сих пор ведутся поиски не только надежных индикаторов эмпирического изучения социального мира как подвижной многослойной совокупности вербальных и визуальных «текстов», но и однозначных концептуальных и операциональных определений базовых понятий.

Тем не менее, «статус» и последствия лингвистического, нарративного и визуального поворотов в социологии более очевидны, чем «эмоционального поворота», который в последние десятилетия изменил «оптику» и «риторику» социальных наук и серьезно повлиял на социологический дискурс. Нынешний «эмоциональный бум» начался в психологии еще в 1960-е годы (благодаря когнитивно-физиологической модели эмоций С. Шехтера и Дж. Сингера, теории «оценки» М. Арнольд и др.) и обусловил невероятную популярность нейронаук и методов визуализации в 1990-е годы (благодаря экспериментам с функциональной магнитно-резонансной томографией мозга, изучению страха Дж. Леду, гипотезе соматических маркеров А. Димасио и зеркальных нейронов Дж. Риццолатти, В. Галлезе и М. Якобони и др.)[2]. Аналогичный интерес к эмоциям в социологии, особенно в отечественной традиции, оформился существенно позже, что можно объяснить двумя основными причинами.

С одной стороны, нормализация и легитимация обращения социальных наук к эмоциям как некоторым объяснительным механизмам

---

[1] *См. более подробно в: Троцук И.В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М., 2014.*

[2] *Плампер Я. История эмоций. М., 2018. С.343-363.*

социального поведения возродила, казалось бы, давно разрешенные споры о том, где проходят границы предметных областей социологии и психологии (не говоря уже о соотношении социологии и социальной психологии). Еще в конце XIX века дискуссия о роли чувств развернулась в истории на фоне дифференциации наук под определяющим воздействием естествознания: «от четверых авторов [В. Дильтея, К. Лампрехта, Г. Штайнгаузена и К. Брейзига] идут некоторые линии к тем ведущим мыслителям начала XX века, которые оказали влияние и на историю эмоций», в частности, «великие теории К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля всегда подразумевают “большие нарративы” об историческом развитии эмоций». Например, Зиммель считал социальные процессы и отношения, конституирующие общности, имеющими эмоциональную окраску, потому что «чувства производят эффект социации», а «Вебер выстроил типологию разновидностей протестантизма как бы по шкале термометра эмоциональности»[1].

С другой стороны, современное общество все чаще обращается к аффективному компоненту социальных практик, пытаясь объяснить не только исторические изменения, но и нынешние социокультурные реалии: «все общества имеют свои эмоциональные стандарты, пусть часто они не становятся предметом обсуждения… эмоциональные стандарты постоянно меняются во времени, а не только различаются между собой в пространстве; изменения в эмоциональных стандартах многое говорят и о других социальных изменениях, а могут и способствовать им» . «Ансамбль предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками» формирует тот «эмоциональный режим», который поддерживает стабильность социально-политической системы: в зависимости от допускаемой степени эмоциональной свободы, встроенной в политико-идеологическую структуру общества, каждый его член осуществляет «эмоциональную навигацию – маневрирование между конфликтующими объектами, на которые ориентированы эмоции» .

Отечественную социологию сложно заподозрить в интересе к эмоциям, но она явно следует духу времени, пытаясь охарактеризовать общество с точки зрения популярных сегодня дискурсивных конструкций, важнейшей из которых стал уровень счастья населения страны (иногда столь распространенные по всему миру поиски счастья называют следствием оформившейся в начале XX века тенденции широко использовать «диагноз» депрессии – сначала как медицинский, сегодня как смешанный социально-медицинский). В 2011 году более пятидесяти государств подписали резолюцию ООН «Счастье: целостный подход к его развитию» , в 2012 году ООН учредила Международный день счастья (отмечается 20 марта) , а с 2013 года ежегодно публикуется доклад «Рейтинг стран мира по уровню счастья» (World Happiness Report) , который с 2018 года был дополнен оценками уровня счастья мигрантов и миграционной привлекательности стран .

Большинство известных исследований счастья предполагают расчет сводных индексов. Например, «Всемирный индекс счастья» (The Happy Planet Index) основан на четырех показателях : ожидаемая продолжительность жизни; субъективное благополучие, измеряемое по-

[1] *Плампер Я. История эмоций. М., 2018. С.75.*

средством методики «Лестница» (респондент должен определить свое место на условной лестнице со ступеньками, пронумерованными от 0 до 10, где 0 в самом низу означает худшую жизнь из возможных, а 10 – лучшую жизнь); неравенство результатов – разброс показателей благосостояния и продолжительности жизни внутри регионов страны; и экологическая нагрузка – влияние на окружающую среду (количество гектаров земли на человека, необходимых для поддержания устойчивого уровня потребления, и другие показатели).

В западной традиции исследования счастья институционализированы и им даже посвящено отдельное издание – Journal of Happiness Studies («Журнал исследований счастья»), задача которого – «способствовать научному пониманию субъективного благополучия – с точки зрения его когнитивных оценок (удовлетворенность жизнью) и аффективной удовлетворенности (настроение), выступать дискуссионной площадкой для обсуждения двух основных традиций в изучении счастья – концептуализаций “хорошей жизни” и эмпирических исследований субъективного благополучия» . Сама традиция анализа субъективного «измерения» счастья была заложена в Бутане, где была предпринята первая попытка заменить валовый внутренний продукт (ВВП) на валовое национальное счастье (ВНС) в качестве основного показателя развития государства и критерия оценки благосостояния населения страны. Институционально эта замена была закреплена в Конституции, согласно которой главная цель государства – обеспечение счастья каждого гражданина , и в создании Центра исследований ВНС посредством регулярных социологических опросов, которые измеряют, по сути, те же показатели, что и эконометрические оценки уровня счастья, но не через количественные, а через качественные индикаторы . Например, параметр «здоровье» предполагает баланс тела и разума, сочетает показатели физического и психологического здоровья; параметр «использование времени» оценивает баланс работы и личной жизни, анализирует временные затраты на разные виды деятельности; для параметра «образование» важны навыки, ценности и знания, приобретаемые в рамках формального образования и из других источников.

В России опросы общественного мнения, связанные с оценками счастья, стали вполне привычными. Например, Левада-центр использует вопросы: «Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?», «Что делает вас счастливым человеком?» и «Что не дает вам быть счастливым?». Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) задает респондентам вопросы: «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?» (на основе ответов рассчитывается индекс счастья) и «Как вам кажется, среди ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?» (на основе ответов рассчитывается социальный индекс счастья). Хотя результаты опросов двух социологических центров различаются, они фиксируют поразительно высокий уровень счастья россиян. Так, по данным Левада-центра за 2018 год, 70% россиян в целом ощущают себя счастливыми людьми , а по данным ВЦИОМа, уровень счастья россиян по субъективным ощущениям достиг 83% . Кроме того, эти высокие показатели не согласуются с международным

рейтингом стран по уровню счастья, где Россия находится лишь на 59 позиции (самые счастливые люди живут в Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии и Швейцарии) , т.е. очевидны серьезные различия данных, которые были получены с помощью разных методик – сложного индекса, использующего и экономические показатели развития страны, и простого опросного инструментария.

Для российских респондентов в принципе характерны высокие оценки собственной счастливости, что можно объяснить и феноменом социальной желательности (выглядеть/считаться счастливым человеком –социально одобряемая гофмановская «маска»), и устойчивой системой ценностей, где наличие семьи и здоровье (свое и близких) признаны главными жизненными приоритетами. Причем высокие оценки счастья не являются прерогативой отдельной социально-демографической группы, а равномерно распределены по поколениям, хотя, вполне предсказуемо, превалируют у молодежи. Так, молодые россияне в возрасте 18-35 лет чаще чувствуют себя счастливыми, чем респонденты более старшего возраста ; молодежь (95% среди 18-24-летних) более оптимистична по сравнению с людьми преклонного возраста (82% среди 60-летних и старше) . Опрос, проведенный в Российском университете дружбы народов на выборке студентов бакалавриата, репрезентирующей три профиля обучения (технические специальностей», «студенты социально-гуманитарных специальностей» и «студенты естественнонаучных специальностей»), показал, что абсолютное большинство студентов (90%) может назвать себя счастливыми людьми (уверенно – 35%, скорее да, чем нет – 55%). Когда студентам было предложено оценить свой уровень счастья на шкале от 1 до 10, где 1 означает отсутствие счастья, а 10 – полное счастье, половина ответов сосредоточилась в градациях 7 (24%) и 8 (25%), еще четверть – на градациях 9 и 10.

Таким образом, сегодня в исследованиях счастья можно выделить два основных направления: во-первых, реальное измерение счастья в количественных показателях, отражающих объективные социально-экономические характеристики общества, которое имеет длительную историю развития в статистических, демографических и экономических исследованиях; во-вторых, условное «измерение» (посредством не метрических, а порядковых шкал) субъективного благополучия. Социологи акцентируют внимание на втором подходе, учитывая, тем самым, лежащий в основе нашей жизни парадокс: «большинство людей хотят иметь более высокий доход и борются за это, но по мере того как западные общества делаются богаче, люди в них не становятся счастливее» . Данное несоответствие называют «парадоксом Р. Истерлина», потому что он показал неприемлемость утилитаристской трактовки взаимоотношений уровня доходов и счастья и предложил изучать возможности увеличения уровня счастья посредством не только роста доходов, но и других средств .

Кроме того, количественные эконометрические оценки счастья не учитывают этно- и социокультурные различия внутри страны и не являются универсальными с точки зрения отбора, сочетания и анализа составляющих их индикаторов (хотя именно в таком качестве используются в международных рейтингах), т.е. неочевидна возможность

количественно-объективного измерения счастья, особенно принимая по внимание ситуативные и контекстуально обусловленные различия самооценок индивидов даже в одних и тех же условиях . На фоне этих ограничений социально-психологический подход выглядит надежной альтернативой эконометрическим индексам, хотя сопоставление результатов применения методик «психологического» и «экономического» подходов показало, что выбор той или иной модели оценки счастья приводит к незначительным различиям .

Объясняется это тем, что, с одной стороны, обращение к человеку с вопросом о его субъективной оценке своего счастья включено в ряд индексных методик (так, Международный индекс счастья учитывает субъективную удовлетворенность жизнью), а, с другой стороны, опросные методики имеют собственные ограничения. Они претендуют на то, чтобы изучать счастье, однако используют как взаимозаменяемые близкие, но по-разному коннотированные понятия «счастье» (у него не менее 15 научных определений), «субъективное благополучие» и «удовлетворенность жизнью»; основаны на предпосылке, что большинство людей понимает, что такое счастье, в состоянии оценить его уровень для себя лично и для разных групп (включая население страны), соотнести общее представление о своем обычном уровне счастья с предложенной шкалой ответов, корректно выбрать модус оценки (реальное состояние, возможное, необходимое или желательное) и ее темпоральность (день, неделя, месяц или год); пытаются изучить счастье как «доминирующую направленность группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни как гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, в позитивных эмоциях радости» , т.е. оценка счастья подвержена давлению социальных стандартов счастливости как нормы. Соответственно, оптимальная стратегия социологического исследования счастья – сочетание элементов количественного и качественного подходов в одной опросной методике, применение которой требует обязательного пилотажа, а анализ полученных данных – их контекстуализации объективными социально-экономическими показателями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016.
2. Качур Н.В. Молодежное восприятие счастья (по результатам социоло-гического опроса) // Известия Саратовского университета. Серия: Со-циология. Политология. 2013. Т.13. Вып.3.
3. Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М., 2012.
4. Плампер Я. История эмоций. М., 2018.
5. Троцук И.В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М., 2014.
6. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономиче-

ские и со-циальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3.
7. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувстви-тельно-сти в прежние времена и теперь. М., 2018.
8. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well-Being: Americans Perceptions of Life Quality. Plenum Publishing Corporation, 1976.
9. Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III.
10. Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. Vol.4.
11. Veenhoven R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots // F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz (Eds.). Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective. Oxford, 1991.
12. World Happiness Report-2018. URL: https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2018/WHR_web.pdf.

REFERENCES

1. Zorin, A. L., the Appearance of a hero: From the history of Russian emotional culture of the late XVIII – early XIX century [*Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoj emocional'noj kul'tury kon-ca XVIII – nachala XIX veka*]. M., 2016.
2. Kachur N. In. Youth perception of happiness (according to the results of a sociological survey) [*Molodezhnoe vospriyatie schast'ya (po rezul'tatam sociologicheskogo oprosa)*]// news of Saratov University. Series: Sociology. Political science. 2013. Vol.13. Issue.3.
3. R Layard. Happiness. Lessons from a new science [*Schast'e. Uroki novoj nauki*]. M., 2012.
4. I. Plumper. Emotion Story[*Istoriya emocij*]. M., 2018.
5. Trotsuk I. V. Text analysis in sociology: problems and promises of different types of «reading» of semi-structured data [Tekstovyj analiz v sociologii: problemy i obeshchaniya raznyh tipov «chteniya» slabostrukturirovannyh dannyh]. M., 2014.
6. Shmatova Yu. E., Morev M. V. Measuring the level of happiness: a literary review of Russian and foreign studies[*Izmerenie urovnya schast'ya: literaturnyj obzor rossijskih i zaru-bezhnyh issledovanij*]// Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2015. No. 3.
7. To Johannison. History of melancholy. About fear, boredom and sensitivity in the old days and now [I*storiya melanholii. O strahe, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhnie vremena i teper'*]. M., 2018.
8. Andrews F. M., Withey S. B. social indicators of well-being: Americans ' perception of quality of life. Plenum Publishing Corporation.
9. Easterlin R. income and happiness: a unified theory / / economic journal. 2001. Thom. III.
10. Veenhoven R. hedonism and happiness / / Journal of Happiness Studies. 2003. Thom.4.
11. Veenhoven R. questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots / / F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz (Eds.). Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective. Oxford, 1991.
12. World Happiness Report-2018.

АЖИЕВА Ирада Альбертовна
аспирантка кафедры креативно – инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
irada_sv07@mail.ru

AZHIEVA
Irada Albertovna
graduate student of Chair of creative and innovative management and law, Pyatigorsk State University Pyatigorsk, Russia
irada_sv07@mail.ru

ВАСЬКОВ
Максим Александрович
доктор социологических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vaskovmaxsim@mail.ru

VASKOV
Maksim Aleksandrovich
Doctor of Sociological Sciences Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vaskovmaxsim@mail.ru

ЩЕРБАКОВА
Лидия Ильинична
доктор социологических наук, Южно-Российский государственный политехнический университет, Новочеркасск, Россия
Lidia-npi@mail.ru

SCHERBAKOVA
Lydia Ilyinichna
Doctor of sociological sciences Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russia
Lidia-npi@mail.ru

Практика применения методов и форм мотивации и стимулирования руководителей среднего звена в зарубежных кредитно-финансовых организациях/ The practice of applying methods and forms of motivation and stimulation for middle managers in foreign credit and financial organizations

Аннотация

В статье рассматривается опыт применения способов мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в эффективных зарубежных кредитно-финансовых организациях с целью его разумной адаптации к российским условиям. На примере 12 компаний банковской сферы, представляющих разные национальные модели управления – американскую, японскую и европейскую, которые первые серьезно обратились к данной проблеме, был дан подробный анализ методов и форм мотивации и стимулирования руководителей среднего уровня. Полученные данные свидетельствуют о том, что в поиске конкурентоспособности данные организации совершенствуют организационный менеджмент во всех его предметных и объектных составляющих, оптимизируют систему управления персоналом в целом и функцию мотивации и стимулирования как ключевую, в частности. Поэтому изучение

практики использования методов и форм мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в выбранных кредитно-финансовых компаниях позволит нам создать аналоговую модель, на которую на определенном этапе развития следует ориентироваться российским кредитно-финансовым организациям.

Ключевые слова

Мотивация; стимулирование; система мотивации и стимулирования; методы мотивации и стимулирования; кредитно-финансовые организации; менеджеры среднего звена; национальные модели менеджмента.

Abstract

This article is about the application of ways of motivation and stimulation of middle managers in the effective foreign credit and financial organizations for the purpose of it is reasonable adaptation to the Russian conditions. On the example of 12 companies of the bank sphere, representing different national models of management – American, Japanese and European, which the first seriously addressed to this problem, was given the detailed analysis of methods and forms of motivation and stimulation of middle managers. The received data demonstrate that in search of competitiveness these organizations improve organizational management in all it is subject and object components, optimize a personnel management system in general and function of motivation and stimulation as key in particular. Therefore studying of practice of use of methods and forms of motivation and stimulation of middle managers in the selected credit and financial companies will allow us to create analog model, by which at a certain stage of development the Russian credit and financial organizations should be guided.

Keywords

Motivation; incentives; motivation and stimulation; methods of motivation and stimulation; credit and financial organizations; middle managers; national management models.

Развитие кредитно-финансовых организаций в нашей стране во многом определяется профессионализмом, качеством работы управленческого персонала. Менеджеры среднего звена в российских организациях банковского сектора являются значимой частью управленческого персонала, своеобразным центром профессиональных знаний и умений, связующим звеном между высшим руководством и персоналом организации, от трудовой деятельности которых во многом зависит организационный успех. Поэтому эффективные способы мотивации и стимулирования труда данной категории управленческого персонала имеют ключевое значение для успешного развития отечественных организаций.

Проблема поиска наиболее действенных методов и форм мотивации и стимулирования руководителей среднего уровня в отечественных организациях банковского сектора послужила причиной исследования способов мотивации и стимулирования данной категории

персонала в разных национальных моделях менеджмента. В этих целях, нами были выбраны и исследованы передовые банки мира с эффективным менеджментом, имеющие высокие рейтинги, показатели рентабельности и ликвидности, обладающие финансовыми и админи¬стративными возможностями для мотивации и стимулирования своего персонала.

Основным критерием выборки зарубежных компаний кредитно-финансового сектора стала экономическая эффективность банков (места в рейтинге Forbes за период 2007-2017 гг.)[1]. Исследования показывают, что период в десять лет в быстроменяющихся условиях внешней и внутренней среды – это большой испытательный срок для организаций. Выбранные нами кредитно-финансовые организации на протяжении всей истории своего существования переживали экономические кризисы, однако в отличие от многих других компаний им удалось сохранить структуры и с помощью выбранной стратегии и тактики выйти на развитие. Одни из них стали создавать «голубые океаны» бесконкурентного рыночного пространства, другие сохранять лидерство и успешно конкурировать в «красных океанах»[2].

В качестве конкретных объектов в наше исследование вошли компании, распределенные по модельной принадлежности: JP Morgan Chase & Co (США, основан в 1799 году, 4 место в рейтинге), Royal Bank of Canada (Канада, основан в 1864 году, 15 место в рейтинге), Itau Unibanco Holding (Бразилия, основан в 1924 году, 7 место в рейтинге), представляющие американскую модель; Industrial and Commercial bank of China (Китай, основан в 1984 году, 1 место в рейтинге), Mitsubishi UFJ Financial Group (Япония, основан в 1880 году, 3 место в рейтинге), придерживающиеся японской модели управления; HSBC Holdings (Англия, основан в 1865 году, 9 место в рейтинге), BNP Paribas (Франция, основан в 1848 году, 10 место в рейтинге),Banco Santander (Испания, основан в 1857 году, 6 место в рейтинге), Commonwealth Bank Of Australia (Австралия, основан в 1911 году, 8 место в рейтинге), Union Bank of Switzerland (Швейцария, основан в 1862 году, 12 место в рейтинге), Commerzbank (Германия, основан в 1870 году, 14 место в рейтинге), Deutsche Bank (Германия, основан в 1870 году, 16 место в рейтинге), представляющие европейскую модель управления.

Изучение практики высокоэффективных кредитно-финансовых компаний мира, которая опережает на сегодняшний день развитие теории вопроса, позволили нам определить следующие общие для всех принципы мотивации и стимулирования руководителей среднего звена в американской, японской и европейской моделях управления:

- во- первых, система мотивации и стимулирования всех категорий персонала организации, включая руководителей разных рангов является не универсальной, а персонифицированной. В большинстве случаев она «настроена» по горизонталям организационной ие-

---

[1] *Топ-25 крупнейших банков мира по версии Forbes [Электронный ресурс]. URL: http://psm7.com/review/top-25-krupnejshix-bankov-mira-po-versii-forbes.html (дата обращения: 13.07.2018)*

[2] *Чан Ким В., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других рынков: пер. с англ. Изд. 4-е. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 304 с.*

рархии. В некоторых случаях система мотивации и стимулирования подбирается под каждого сотрудника. Как утверждает К. Нордстрем, «люди разные и их мотивации отличны друг от друга. В разное время разные вещи имеют на людей разное воздействие. То, что заставляет работать вас, не заставит работать нас, и то, что служит мотивацией для ваших коллег, не обязательно станет мотивацией для вас»[1];

- во - вторых, подсистема мотивации и стимулирования имманентно связана и согласована с другими ключевыми подсистемами управления персоналом: отбором, обучением и оценкой персонала;
- в - третьих, в системе мотивации и стимулирования учитываются как интересы организации (прежде всего, достижение экономических результатов деятельности), так и интересы персонала. То есть имеет место быть партнерство между владельцами организаций, управленцами и персоналом, крайней степенью выражения которого является интерсубъектное взаимодействие[2];
- в – четвертых, для эффективной мотивации и стимулирования применяется широкий спектр современных методов, форм и инструментов, основанных на классических и современных теориях мотивации и проверенных практикой высокоэффективных компаний мира.

Во всех без исключения исследованных организациях широко применяются методы улучшения мотивации руководителей среднего звена, направленные на повышение результативности их труда, ранжируемые по силе вызываемого ими эффекта: экономические методы; целевой метод; метод проектирования и перепроектирования работ, обогащения труда; метод соучастия (партисипативный метод)[3]. С разным успехом применяется такой инструмент мотивации и стимулирования, как KPI.

Исходя из опыта передовых деловых организаций мира можно отметить, что экономический метод мотивации руководителей среднего звена кредитно-финансовых организаций находит применение во всех национальных моделях менеджмента, преобладая в американской и европейской моделях. Так, американская модель апеллирует к ориентирам на достижение личного успеха и основной «пряник» системы – оплата труда. Так, оплата труда руководителей среднего звена включает в себя элементы повременной и сдельной оплаты в сочетании с премированием как индивидуальным, так и коллективным. Также, часто в систему оплаты труда включают такой показатель, как рост квалификации и число освоенных профессий.

Японская модель базируется на идее национального и корпоративного самосознания, то есть готовности отдельного индивида идти на жертвы ради блага страны и блага организации, в которой он работает. Важным фактором стимулирования руководителей среднего звена выступает система пожизненного найма. Заработная плата менеджеров среднего уровня учитывает их возраст, профессиональное

---

[1] *Нордстрем К., Риддерстрале Йон. Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта: пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 288 с.*

[2] *Питерс Т. В поисках совершенства: Уроки самых успешных компаний Америки: пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Альпина Паблишер, 2014. 524 с.*

[3] *Коргова М.А. Кадровый менеджмент: Учебное пособие. Москва-Пятигорск, 2007. 456 с.*

мастерство и стаж работы. Большинством японских банков практикуют комбинированные формы заработной платы, например, общий размер заработной платы руководителей среднего звена складывается из двух частей: основной части и приработка. Помимо этого, в японских кредитно-финансовых организациях применяется метод группового вознаграждения по итогам работы подразделения, суть которого состоит в установлении единого фонда заработной платы для начальника и сотрудников подразделения, при условии выполнения ими определенных заданий. Вознаграждение руководителей среднего уровня производится по результатам работы всего отдела (это привязано к KPI сотрудников и руководителей), что существенно усиливает мотивацию руководителя среднего звена. Ведь ошибки в работе персонала отдела напрямую отражаются на заработной плате руководителя.

Европейская модель менеджмента отличается своими особенностями оплаты труда руководителей среднего уровня. В основе мотивации интересы человека и ответственность личности перед обществом. Менеджеры среднего звена получают заработную плату, им предоставляются социальные блага, оплачивается повышение квалификации. Основные принципы системы мотивации: равный труд – равная оплата, сокращение разрыва между максимальными и минимальными доходами. Эти принципы составляют базу политики «солидарной заработной платы»[1]. Несправедливость исключена, социальные гарантии представляются всем, кто это заслужил. Смысл – создание атмосферы взаимозависимости компании и ценных управленцев.

Вместе с тем, важно отметить, что в компаниях европейской модели все еще преобладает традиционная система компенсации, которая характеризуется негибкой, в определенной мере статичной системой оплаты труда. Бонусы и премии в европейских организациях банковской сферы используются нечасто.

В эффективных кредитно-финансовых организациях KPI на сегодняшний день считается самым эффективным из современных и вполне доступных инструментов, позволяющих осуществлять эффективную мотивацию руководящего состава организации. Это целая система, позволяющая оценить эффективность выполняемых действий и построить эффективную систему оплаты труда[2]. На практике применяется как для оценки работы всей компании, ее отдельных подразделений, так и конкретных руководителей, сотрудников.

Изучив опыт применения KPI в высокоэффективных кредитно-финансовых компаниях мира для мотивации и стимулирования руководителей среднего звена можно сделать вывод, что данный инструмент применяется и считается эффективным преимущественно в американских и некоторых европейских организациях.

Благодаря KPI руководству данных банков удобно измерять результаты работы организации в целом, отдельных подразделений и непосредственно менеджеров среднего звена, а также мотивировать их на достижение требуемых результатов. С помощью данного инстру-

---

[1] *Акимова О.В. В Америке основной мотиватор – деньги, в Европе – карьерный рост, в России – творческая самореализация // Управление персоналом. 2006. № 14(144). С. 19*

[2] *Клочков А.К. KPI и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. Эксмо, 2010*

мента организациям удается создать если не совершенную, то весьма эффективную систему мотивации и стимулирования всего руководящего персонала компании и ее сотрудников.

В немецких банках и в банках Японии не используется KPI. Субъекты управления уверены, что для эффективной деятельности руководителей среднего уровня важнее приобщить к корпоративной культуре компании.

Вторым методом мотивации и стимулирования руководителей среднего звена в кредитно-финансовых организациях разной модельной принадлежности является метод управления по целям. Он направлен на повышение производительности труда через определение четких целевых ориентиров и помощи в их достижении. Крупные менеджеры эффективных деловых организаций Европы, США и Японии хорошо осознают роль правильной постановки целей в мотивировании творческой активности людей. 40-50%американских, 68% японских и 55% европейских деловых организаций применяют ту или иную форму целевого метода.

Руководство исследованных нами кредитно-финансовых компаний мира осознают роль правильной постановки целей руководителям среднего звена и применяют те или иные формы целевого метода. Так, в американском и европейском менеджменте перед управляющими среднего звена ставят четкие и, как правило, краткосрочные цели, за которые они несут административную и материальную ответственность. Топ-менеджеры Японии предпочитают ставить перед управляющими среднего уровня долгосрочные цели, сформулированные в самом общем виде и отражающие главным образом стратегию компании на данном временном отрезке. Считается, что, понимая стратегические цели развития компании, руководитель должен сам для себя определить оперативные цели, реализация которых обеспечит достижение наиболее важных стратегических задач. Руководитель среднего уровня должен создать в своем подразделении обстановку заинтересованности в повышении эффективности труда, обеспечить видимость совпадения индивидуальных целей сотрудников и целей компании по увеличению прибыли.

Управление по целям связано с оценкой результативности работы менеджеров. Для американского менеджмента характерна персональная ответственность сотрудника. Если руководитель среднего звена достиг намеченных целей, его работа оценивается как эффективная, следует положительное экономическое стимулирование и новый индивидуальный план развития. Работа менеджеров среднего уровня управления японских банков в свою очередь оценивается не за короткие, а за более длительные временные промежутки и, как правило, не на индивидуальной, а на групповой основе.

Важную роль в мотивации и стимулировании менеджеров среднего звена в кредитно-финансовых организациях играет метод проектирования и перепроектирования работ, обогащение труда. Методологическим ориентиром является идея Д. Хакмена и Г. Олдхэма, согласно которой данный метод позитивно меняет общее отношение человека к своей работе, открывает возможность улучшения структуры организации, существенно повышает мотивацию и, следовательно, эффек-

тивность труда[1]. Метод успешно находит применение во всех моделях национального менеджмента.

Обучению и повышению квалификации менеджеров среднего звена уделяют должное внимание все рассмотренные нами кредитно-финансовые организации во всех трех моделях менеджмента. В организациях всех моделей на обучение и формирование резерва менеджеров среднего уровня управления выделяются немалые денежные средства.

Так, в организациях банковской сферы, придерживающихся европейской модели менеджмента, для руководителей среднего уровня разработаны специальные программы обучения, которые базируются на составленных ими планах собственного развития. Существенное значение для стабильного функционирования и развития американского менеджмента имеет подготовка руководителей трех звеньев управления и создание кадрового резерва. В японском менеджменте обучение осуществляется с максимальной интенсивностью и с привлечением наиболее известных в Японии и за рубежом теоретиков и практиков управления. Квалифицированный японский менеджер среднего уровня управления расходует на профессиональную подготовку в шесть раз больше времени, чем менеджер американской компании.

Обучение руководителей среднего уровня прямо способствует их карьерному росту. Сотрудники американских и европейских кредитно-финансовых организаций привыкли к быстрому продвижению по службе и карьерный рост менеджеров среднего звена зависит от результативности труда за определенный промежуток времени и непосредственно связано с повышением квалификации через систему обучения. Во всех американских и большинстве европейских кредитно-финансовых организаций карьерное продвижение происходит чаще всего по вертикали.

Продвижение по службе в японских кредитно-финансовых компаниях имеет серьезные отличия от карьерного роста в европейских и американских организациях. В японских банках деятельность менеджеров среднего звена оценивается только после 10 лет работы в организации. До этого времени в должности никто из них не повышается. Вместе с тем менеджер среднего звена может делать «горизонтальную карьеру». Стоит отметить, что в некоторых организациях Японии хорошо развита ротация управленческих кадров, цель которой состоит в расширении кругозора менеджеров среднего уровня управления путём ознакомления на собственном опыте с деятельностью различных подразделений фирмы.

Таким образом, сравнительный анализ использования методов и форм мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в зарубежных организациях кредитно-финансовой сферы показал, что все они независимо от модельной принадлежности используют схожие принципы, методы, формы и инструменты мотивации и стимулирования труда. При реализации современных подходов к мотивации они с одной стороны, ориентируются на современную теорию и методологию вопроса, с другой стороны, учитывают ментальность персонала,

---

[1] *Дорофеева Л.И. Организационное поведение: учебно-методический комплекс. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.*

социально-психологические факторы. Для российских кредитно-финансовых организаций ценен зарубежный опыт в области мотивации и стимулирования менеджеров среднего уровня управления, и при умелом применении, учитывая отечественную ментальность, рассмотренные методы и формы мотивации и стимулирования смогут вывести российские организации банковской сферы на передовые позиции в мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акимова О.В. В Америке основной мотиватор – деньги, в Европе – карьерный рост, в России – творческая самореализация // Управление персоналом. 2006. № 14(144). С. 19.

2. Бондарева Е.А. Партисипативное управление как фактор повышения конкурентоспособности организации // Актуальные проблемы развития экономики современного предпринимательства. 2010. С. 75-78.

3. Горбунов А.П. Основы социального менеджмента: учеб. пособие / Под ред. д.э.н. Б. Я. Гершковича. Пятигорск: изд-во «Кавказская здравница», 1999. 788 с.

4. Дорофеева Л.И. Организационное поведение: учебно-методический комплекс. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 406 с.

5. Клочков А.К. KPI и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. Эксмо, 2010. 160 с.

6. Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности: пер. с англ. Изд. 5-е. М.: Альпина Паблишерз, 2015. 460 с.

7. Кокин Ю.П., Савченко П.В. Политика доходов и заработной платы: Учебник. М.: Юрист, 2000. 456 с.

8. Коргова М.А. Кадровый менеджмент: Учебное пособие. Москва-Пятигорск, 2007. 456 с.

9. Нордстрем К., Риддерстрале Йон. Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта: пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 288 с.

10. Питерс Т. В поисках совершенства: Уроки самых успешных компаний Америки: пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Альпина Паблишер, 2014. 524 с.

11. Топ-25 крупнейших банков мира по версии Forbes [Электронный ресурс]. URL: http://psm7.com/review/top-25-krupnejshix-bankov-mira-po-versii-forbes.html (дата обращения: 13.07.2018).

12. Чан Ким В., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других рынков: пер. с англ. Изд. 4-е. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 304 с.

REFERENCES

1. Akimova O.V. In America, the main motivator is money, in Europe - career growth, in Russia - creative self-realization [*Amerike osnovnoj motivator – den'gi, v Evrope – kar'ernyj rost, v Rossii – tvorcheskaya samorealizaciya*]// Personnel management. 2006. No. 14 (144). C. 19.

2. Bondareva E.A. Participatory management as a factor in improving

the competitiveness of an organization [*Partisipativnoe upravlenie kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti organizacii*]// Actual problems of developing the economy of modern entrepreneurship. 2010. C. 75-78.

3. Gorbunov A.P. Fundamentals of social management: studies. manual [*Osnovy social'nogo menedzhmenta*]/ Ed. Dan. B. Ya. Gershkovich. Pyatigorsk: Caucasian Health Resort publishing house, 1999. 788 c.

4. Dorofeeva L.I. Organizational behavior: educational and methodical complex [*Organizacionnoe povedenie: uchebno-metodicheskij kompleks*]. M.-Berlin: Direct Media, 2015. 406 c.

5. Klochkov A.K. KPI and staff motivation. A complete collection of practical tools [*KPI i motivaciya personala. Polnyj sbornik prakticheskih instrumentov*]. Eksmo, 2010. 160 c.

6. Kovi S. Seven skills of highly effective people: Powerful instruments of personal development [*Sem' navykov vysokoeffektivnyh lyudej: Moshchnye instrumenty razvitiya lichnosti*]: the lane with English. Prod. the 5th. M.: Alpina Pablisherz, 2015. 460 c.

7. Kokin Yu. P., Savchenko V.P. Policy of incomes and wages [*Politika dohodov i zarabotnoj platy*]: a Textbook. M.: Yurist, 2000. 456 c.

8. Korgowa M.A. Personnel management: textbook [*Kadrovyj menedzhment: Uchebnoe posobie*]. Moscow-Pyatigorsk, 2007. 456 c.

9. Nordstrom K., Ridderstrale John. Business funky: Capital dances to tune of talent [*Biznes v stile fank: Kapital plyashet pod dudku talanta*]: per. from English. Ed. 3-E. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 288 c.

10. Peters T. In search of excellence: Lessons from the most successful companies in America [*V poiskah sovershenstva: Uroki samyh uspeshnyh kompanij Ameriki*]: translated from English. Ed. 3-E. M.: Al'pina pablisher, 2014. 524 c.

11. Top-25 largest banks in the world by Forbes [*Top-25 krupnejshih bankov mira po versii Forbes*][Electronic resource]. URL: http://psm7.com/review/top-25-krupnejshix-bankov-mira-po-versii-forbes.html (accessed: 13.07.2018).

12. Chan Kim W., Mauborgne R. Blue ocean Strategy. How to find or create a market free from other markets [*Strategiya golubogo okeana. Kak najti ili sozdat' rynok, svobodnyj ot drugih rynkov*]. Ed. 4-e. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 304 c.

ВОЛКОВ
Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ, д. филос.н., профессор, заведующий кафедрой Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
ugvolkov@sfedu.ru

VOLKOV
Yuri Grigorievich
Honored Worker Of Science Of The Russian Federation, Doctor Of Philosophy, Professor Of Regional Studies Of The Institute Of Sociology And Regional Studies Of The Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ugvolkov@sfedu.ru

ВЕРЕЩАГИНА
Анна Владимировна
д.соц.н., доцент, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

VERESHCHAGINA
Anna Vladimirovna
Doctor Of Sociology, Associate Professor, Institute Of Sociology And Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

МЕСХИ
Бебури Бесикович
младший научный сотрудник Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия
urfranrostov@gmail.com

MESKHI
Baburi Besicovich
Junior Researcher Of The Southern Russian Branch ISRAS, Rostov-on-Don, Russia
urfranrostov@gmail.com

ЩЕРБАКОВА
Лидия Ильинична
д. соц. н., Южно-Российский государственный политехнический университет, Новочеркасск, Россия
Lidia-npi@mail.ru

SCHERBAKOVA
Lydia Ilyinichna
Doctor of sociological sciences Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russia
Lidia-npi@mail.ru

Функциональная специфика социально-инвестиционной модели регионального управления в современной России / Functional specificity of social and investment model of regional management in modern Russia

Аннотация

Переход к социально-инвестиционной модели регионального управления как наиболее перспективная стратегия реализации инновационной траектории регионального развития предполагает понимание функций, которые обретает региональное управление при переходе на данную модель. Сложность данной проблемы объясняется тем, что функции административных и инвестиционных институтов в условиях современных реалий российских регионов не дифференцированы, поскольку в настоящий период система регионального управления

характеризуется присвоением и освоением социально-инвестиционной модели управления административными институтами.

Ключевые слова

Социально-инвестиционная модель; региональное управление; функции социально-инвестиционная модель регионального управления; регион.

Abstract

The transition to the socio-investment model of regional management as the most promising strategy for the implementation of the innovative trajectory of regional development involves the understanding of the functions that regional management acquires in the transition to this model. The complexity of this problem is explained by the fact that the functions of administrative and investment institutions in the conditions of modern realities of the Russian regions are not differentiated, since at the present time the system of regional management is characterized by the assignment and development of the socio-investment model of management of administrative institutions.

Keywords

Social and investment model; regional management; functions of social and investment model of regional management; region.

Социальные инвестиции являются важным источником регионального развития, обеспечивая возможности для инновационной траектории экономического, культурного, социального воспроизводства и решения социальных проблем[1]. Региональное управление определяется воздействием административных институтов, реализующих полномочия и функции управления в региональной среде. В связи с этим важно отметить, какие функции обретает региональное управление при переходе на социально-инвестиционную модель, каковы запросы регионального социума и в какой мере они реализуются в системе регионального управления, и, не менее важно, каковы управленческие стратегии (практики) для реализации социально-инвестиционной модели регионального управления.

Данная проблема является сложной в силу того, что функции административных и инвестиционных институтов не дифференцированы, что в настоящий период система регионального управления характеризуется присвоением и освоением социально-инвестиционной модели управления административными институтами. Характерно, что российские регионы, выступающие флагманами социально-инвестиционной модели управления, являются регионами с сильными руководителями. Кроме того, в данных регионах сложилась оптимальная налоговая и инвестиционная среда, позволяющая вкладывать в развитие человеческих ресурсов[2].

---

[1] *Кочегарова Л.Г. Анализ взаимосвязи экономической и социальной эффективности в управлении инвестиционным развитием регионов России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 181-195.*

[2] *Савченко А.Б. Способ освоения пространства меняется // Огонек. №7 от 26.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3557906.*

Вообще, если обратиться к истории вопроса и его освещенности в научно-исследовательской литературе, то можно заметить, что сама концепция социально-инвестиционной модели управления регионами была обозначена еще в начале 2000-х годов[1], но ее осмысление происходило в условиях ограниченности модели трансфертного управления и усугубления региональных диспропорций между дотационными регионами и регионами-донорами, сокращения сфер инновационной экономики и издержек понижающей адаптации. В этом контексте теоретико-методологическое значение обретают работы ученых, в которых подчеркивается взаимосвязь между экономическим и социальным ростом регионов в контексте усиления механизмов социально-инвестиционной политики, трансформации ресурсов управления в практический социальный капитал и перенос критериев эффективности на социальные инвестиции[2].

Определенный исследовательский интерес представляет позиция В.В. Маркина, согласно которой инвестиционная активность в российских регионах связана с социально-пространственной и социально-территориальной идентификацией, позициями и диспозициями органов управления, бизнес-структур по поводу использования природного, социально-экономического и социокультурного потенциала региона[3].

В целом же, можно констатировать, что проблема, выступающая центральной в данной работе, лишь косвенно рассматривается учеными, в основном в контексте осмысления реалий регионального управления в России[4]. Тем не менее, очевидная актуальность концептуального осмысления, а также научная и практическая значимость социально-инвестиционной модели регионального управления определяют необходимость социологического осмысления ее функциональной специфики в контексте современных условия регионального развития российского общества.

Безусловно, ведущим показателем социально-инвестиционной модели управления является повышение качества жизни, оказание качественных услуг в сфере образования, профессиональной подготовки, здравоохранения, обеспечения здорового образа жизни. В совре-

---

[1] Попов А.В. Региональная дифференциация в системе управления. Монография. Ростов н/Д., 2009. 133 с.; Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление. М., 2002. 239 с.

[2] Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 169–177; Иванов В.Н. Управленческая парадигма XXI века / В.Н. Иванов, А.В. Иванов, А.О. Доронин. М., 2002. 178 с.

[3] Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦП РАН, 2017. С. 82–87.

4 Ахмедова Л.А., Булатова У.Б. Инновационная модель развития экономики региона с учетом инвестиционного фактора // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. Т. 11. С. 991–995; Розанова Л.И. Методологические основы анализа регионального развития // Теоретическая и прикладная экономика. 2014. № 4. С.1-38.

менных условиях, когда господствует модель понижающей адаптации, есть риск экономии на долгосрочных инвестициях, и в этом смысле важную роль играют функции регионального управления. Можно ожидать, что с переходом на социально-инвестиционную модель возрастает влияние социально-координирующей, социально-развивающей, социально-ориентационной функции. Подробно останавливаясь на их месте в системе деятельности регионального управления и на том, в каких конкретных управленческих решениях они выражаются, следует подчеркнуть, что социально-координирующая функция характерна для регионов с преобладанием административных институтов над социально-инвестиционными. Как ни странно, это относится и к столицам, где большое значение приобретает управленческая команда.

Главным фактором, влияющим на социально-координационную функцию регионального управления, является авторитет управленческих структур. В этом есть причина сбоев, которые испытывают «варяги», – управленцы с программой социальных инвестиций, но не имеющие поддержки у местных региональных элит. Характерно, что нынешний приход в регионы молодых управленцев-технократов связан с укреплением вертикально интегрированной системы управления, со стремлением ввести в функционирование системы регионального управления социально-инновационный эффект. Однако, учитывая, что для социально-координационной модели управления важно, чтобы региональная среда воспринимала управленческое влияние как способствующее поддержанию качества жизни в регионе, социально-инвестиционные проекты в контексте административных институтов могут осуществляться только при привлечении акторов регионального социума[1].

Так как крупные госкомпании сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге, возможность привлечения их ресурсов к социальной координации не является модальной, может быть, за исключением Омской и Иркутской областей, Красноярского края. Что касается степени эффективности социально-координационной функции управления, здесь следует говорить о том, что включенность в социальную координацию различных институциональных акторов зависит от возможностей административными способами создавать совместное деловое пространство. Следует также учитывать, что социально-координационная функция управления направлена на воспроизводство уже ставших традиционными социальных инвестиций. В Белгородской области это сфера сельского населения, в Калужской – малые и средние города с созданными технологическими стартапами, в Самарской – использование сохранившейся инфраструктуры оборонного комплекса.

Важным обстоятельством, определяющим социально-ориентационную функцию, является равновесное состояние социально-административных и социально-инвестиционных институтов, что связано с тем, что социально-административные институты делегируют часть полномочий социально-инвестиционным институтам и создается сфера принятия самостоятельных управленческих решений, которые со-

---

[1] *«Путин произвел кадровые перестановки в Кремле и регионах» / Российская газета от 25.12.2017. URL: https://rg.ru/2017/12/25/reg-cfo/putin-proizvel-kadrovye-perestanovki-v-kremle-i-regionah.html (дата обращения: 10.05.2018).*

средоточены на инициировании и реализации в региональном социуме вложений в человеческие ресурсы.

Здесь наблюдается две линии. Первая связана с введением определенной системы формальных и неформальных норм, предполагающих преимущество для акторов регионального социума в реализации социальных программ развития человеческих ресурсов. В Ростовской области, Краснодарском крае, Республике Мари-Элл это очевидно на примере самостоятельности социально-инвестиционных институтов (государственно-партнерских фондов и ассоциаций), нацеленных на консультационное и финансовое обеспечение развития человеческих ресурсов, особенно в сфере образования и здравоохранения. Так, в Ростовской области реализуется более 90 программ, связанных с поддержкой семьи, здравоохранения, спорта, развитием жилищной и транспортной инфраструктуры.

В этом смысле социально-ориентационная функция регионального управления нацеливает на создание транспортной (логистической) и социальной инфраструктуры, позволяющей оптимально использовать человеческие ресурсы и стимулирующее их расширенное воспроизводство. Крупные транспортные проекты, такие как аэропорт Ростовской области, строительство дорог в Краснодарском крае, мостостроительство в Мари-Элл, связано с развитием региона в целом и прилегающих локальностей в частности.

Таким образом, социально-ориентационная функция в контексте реализации социально-инвестиционной модели регионального управления стимулируется автономностью социально-инвестиционных институтов, которые, как отмечалось ранее, нуждаются в нормативном и финансовом обеспечении. Здесь следует учитывать, что социально-ориентационная функция связана с управленческим воздействием на региональный социум с целью мобилизации на обновление человеческих ресурсов.

Согласно результатам социологических исследований, важное место занимает включение сетевых сообществ, учитывая, что в регионах сформировалась устойчивая тенденция к использованию его возможностей[1]. Нужно также учитывать и то, что 25%, пользующихся компьютерами, никогда не выходили в сеть[2]. При этом есть внутрирегиональная градация. Важно в реализации социально-ориентационной функции работать с Интернет-активным населением в центрах субъектов РФ. Это подтверждается тем, что в Самаре, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Новосибирске как центрах регионов сосредоточился наибольший процент подаваемых заявок на социальные, культурные и интеллектуальные проекты. В Новосибирске это связано со спецификой сложившейся научно-исследовательской структуры, в Ростове-на-Дону – с волонтерским движением, в Екатеринбурге – с различными гражданскими ассоциациями.

Поэтому социально-ориентационная функция реализуется в зависимости от адресатности аудитории и профессиональных и добровольческих интересов. При этом нужно отметить, что чем выше доля

---

[1] *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018. С. 72.*

[2] *Там же.*

сельского населения (Тамбовская, Пензенская области), социально-ориентационная функция реализуется частично, учитывая тот фактор, что сельское население в России является на 80% пожилым. Об этом говорит и анализ динамики использования Интернет-сетей, активность в которых проявляют люди молодого и среднего поколения[1].

Социально-развивающая функция характеризует «высший» уровень развития социально-инвестиционных институтов в социально-инвестиционной модели регионального управления. Об этом говорит тот факт, что наиболее результативными по социально-инвестиционной активности являются регионы с уже устоявшейся функцией социально-инвестиционных институтов. Очевидно, что в российском региональном пространстве существует диспропорция социально-инвестиционных проектов. Это связано не только с характером соотношения сельского и городского населения, социодемографическим балансом, но и с тем, что социально-развивающая функция связана с частотой использования социальных сетей. Здесь следует учитывать, что основным показателем является участие в тематических интернет-сообществах[2]. Наибольшую активность проявляет население Новосибирской области, Алтайского края, Удмуртии, Владимирской области. Это свидетельствует о том, что в региональном социуме существует запрос на социально-развивающую функцию регионального управления. Неудовлетворенность населения деятельностью системы регионального управления во Владимирской и Ярославской областях, что уже стало константой, показывает несоответствие сложившейся институциональной структуры регионального управления запросу населения. Одновременно система регионального управления может формировать социально-инвестиционный запрос населения, как это наблюдается в Пермском крае, Удмуртии, где особенно сильны культурные инициативы, связанные с сохранением культурного наследия, созданием пространства исторической памяти, с культурным акционизмом, что дает цепную реакцию улучшения качества человеческих ресурсов.

Стратегии реализации социально-инвестиционной модели регионального управления определяются формируемыми в системе функциями. Социально-координационные стратегии связаны с внедрением методов мягкого администрирования в сочетании с принудительным регулированием. Необходимо учитывать приоритет в региональном управлении администраторов и юристов, как и экономистов, составляющих четверть управленческого бекграунда, нацеленных на показатели эффективности результатов[3]. В соответствии с этим социально-координационные стратегии моделируют легитимированные сверху образцы и характеризуются параметрами дозволенной инициативы. Это выражается в том, что для социально-координационных стратегий важно добиться эффекта подтверждения лояльности центру и, одновременно, показать собственные успехи.

Что касается первого показателя, то в числе первых, зарекомен-

---

[1] Там же. С. 74

[2] Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018. С. 79.

3 «Региональные политические элиты в современном российском обществе». [Электронный ресурс] URL:https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2476 (дата обращения:

довавших себя вкладом в человеческие ресурсы, является Татарстан, Калужская область, Белгородская область, но не эти лидеры определяют общую ситуацию. Самая многочисленная группа регионов-середнячков нацелена на то, чтобы не «раздражать» центр чрезмерными запросами на социальные инвестиции, то есть действует эффект «прибеднения», завышенных ожиданий финансовых трансфертов в социальной сфере.

Применение штрафных санкций по поводу финансововй задолженности и кредитованности относится не только к социально-депрессивным регионам, которые по привычке являются постоянными реципиентами федерального центра, но и к регионам-середнячкам, где действует правило поиска дополнительных ресурсов. Можно констатировать, что социально-координационные стратегии предполагают в качестве базиса налаженную систему взаимодействия между федеральным центром и акторами регионального управления, что и осуществляется через административные ресурсы.

В этом смысле региональное управление неизбежно запаздывает с реализацией социально-инвестиционных проектов, так как процедуры согласования и утверждения занимают длительный период. Также очевидно, что формирование запроса на социально-инвестиционное развитие осуществляется в зависимости от того, как регион и его руководитель воспринимаются в федеральном центре, оцениваются с позиции управленческой эффективности. Рассматривая состояние системы регионального управления, можно сказать, что достаточно трудно предвидеть последствия изменения статуса региона из лидерского положения ниже по иерархической лестнице.

Реализация социально-ориентационных стратегий, которые характеризуются распределением управленческой компетентности между административными и социально-инвестиционными институтами по принципу взаимной ответственности, определяется тремя факторами. Во-первых, степенью активности и накопленного потенциала административных и социально-инвестиционных институтов. Во-вторых, модусом социально-инвестиционной модели. Имеется в виду набор приоритетов и целей, которые реализуются в социально-инвестиционной политике. В-третьих, результатами социально-инвестиционной деятельности социального управления.

В целом, анализ социально-ориентационных стратегий показывает, что, с одной стороны, есть позитивный управленческий тренд, связанный с переформатированием системы регионального управления, с другой – присутствует организационный «рецидивизм», связанный с возвратом к административной модели регионального управления. Речь о том, что, не отрицая важность и полезность административного ресурса в системе регионального управления, необходимо помнить, что социально-инвестиционная модель включает административный ресурс только в качестве страховочного.

Социально-развивающие практики характерны для российских столиц, где на основе мощного финансового ресурса реализуется 80% российских региональных проектов[1]. Однако, не преувеличивая ди-

---

12.04.2018).

[1] *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 / Федеральная служ-*

лемму регионы и столицы, можно сказать, что социально-развивающие управленческие практики перенимаются и в регионах, где особое внимание уделяется нахождению собственных источников финансирования. Не меньшую роль имеет и готовность системы регионального управления сформировать устойчивое социально-инвестиционное институциональное ядро.

В принципе это выполнимая задача, если принимать во внимание возможности регионального управления действовать самостоятельно по организационной перестройке. Согласно социологическим исследованиям, социально-развивающие стратегии в системе регионального управления просматриваются в Пермском крае, где есть здоровая конкуренция с соседом – Екатеринбургом; в Ростовской области, где реализация инвестиционных программ связана с использованием преимущества сложившейся городской агломерации; в Краснодарском крае, использующим природно-климатические условия края как привлекательные для внутренней миграции. Также именно здесь сложился комплекс аграрного, туристического и логистического секторов.

Важно, что в рамках социально-развивающих стратегий на первое место ставится именно оценка эффективности и привлекательности социально-инвестиционных показателей, качества человеческих ресурсов. Необходимо подчеркнуть, что такой подход связан с определенными социокультурными сдвигами, что является общественной обязанностью региональных, творческих и интеллектуальных элит. Проблема социально-развивающей стратегии в Краснодарском крае в том, что до сих пор не сделан рывок к повышению интеллектуального качества, к усилению влияния экспертного сообщества и мониторинга системы управления, и к выдвижению социальных проектов, связанных с наукоемкими передовыми отраслями производства. В этом смысле над регионом довлеет призрак рентной экономики, то есть «снятия сливок» с транспортных и природно-климатических преимуществ региона.

Однако еще опыт советских наукоградов, сложившихся вокруг Москвы (Дубна, Зеленоград, Пущино) свидетельствует о том, что социально-развивающие практики в системе управления эффективны при условии полной ответственности социально-инвестиционных институтов за их развитие. Судьба советских наукоградов показывает, что государственная опека не является гарантией от рисков деградации, мучительной перестройки, потерь интеллектуального потенциала. В этом смысле социально-развивающие практики системы регионального управления работают на будущее, на возведение солидного фундамента, что требует внимания к качественному образованию и профессиональной подготовке, повышению продолжительности жизни как базового условия социально-развивающего управленческого воздействия. В управленческом контексте это связано со следующим: социально-инвестиционные показатели должны иметь обобщающий комплексный характер, и тогда возникнет ситуация воздействия на перестройку административного ресурса.

В завершении следует подчеркнуть, что само понятие социаль-

ба государственной статистики г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm. (дата обращения: 17.02.2018).

но-инвестиционной модели регионального управления означает, что выделяемые показатели должны давать возможность оценить социальный эффект, повышение качества человеческих ресурсов. Как видно из результатов проведенного анализа, региональное управление в контексте реализации социально-инвестиционной модели опирается на административные социально-инвестиционные институты, генерирующие определенные управленческие стратегии, связанные с целями и способами их реализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кочегарова Л.Г. Анализ взаимосвязи экономической и социальной эффективности в управлении инвестиционным развитием регионов России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 181-195.
2. Савченко А.Б. Способ освоения пространства меняется // Огонек. №7 от 26.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3557906.
3. Попов А.В. Региональная дифференциация в системе управления. Монография. Ростов н/Д., 2009. 133 с.; Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление. М., 2002. 239 с.
4. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 169–177; Иванов В.Н. Управленческая парадигма XXI века / В.Н. Иванов, А.В. Иванов, А.О. Доронин. М., 2002. 178 с.
5. Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦП РАН, 2017. С. 82–87.
6. Ахмедова Л.А., Булатова У.Б. Инновационная модель развития экономики региона с учетом инвестиционного фактора // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. Т. 11. С. 991–995; Розанова Л.И. Методологические основы анализа регионального развития // Теоретическая и прикладная экономика. 2014. № 4. С.1-38.
7. «Путин произвел кадровые перестановки в Кремле и регионах» / Российская газета от 25.12.2017. URL: https://rg.ru/2017/12/25/reg-cfo/putin-proizvel-kadrovye-perestanovki-v-kremle-i-regionah.html (дата обращения: 10.05.2018).
8. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018. С. 72.
9. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018. С. 79.
10. «Региональные политические элиты в современном российском обществе». [Электронный ресурс] URL:https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2476 (дата обращения: 12.04.2018).
11. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 / Федеральная служба государственной статистики г. URL: http://www.

gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm. (дата обращения: 17.02.2018).

REFERENCES

1. Kochegarova L. G. Analysis of the relationship of economic and social efficiency in the management of investment development of the regions of Russia [*Analiz vzaimosvyazi ekonomicheskoj i social'noj effektivnosti v upravlenii investicionnym razvitiem regionov Rossii*]// Bulletin of Tomsk state University. Economy. 2017. No. 37. P. 181-195.
2. Savchenko A. B. the Method of space exploration is changing [*Sposob osvoeniya prostranstva menyaetsya*]// Ogoniok. №7 from 26.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3557906.
3. Popov A.V. Regional differentiation in the control system [*Regional'naya differenciaciya v sisteme upravleniya*]. Monograph. Rostov n/A, 2009. 133 p.; Gavrilov A. I. Regional economy and management. M., 2002. 239 PP.
4. Samygin S. I., Vereshchagin, A. V., A. V. Recip Financial security of the state in terms of economic globalization: the specific risks and threats [*Finansovaya bezopasnost' gosudarstva v usloviyah ekonomicheskoj globalizacii: specifika riskov i ugroz*]// Humanities of the South of Russia. 2016. No. 1. 169-177 S.; Ivanov V. N. The management paradigm of the XXI century / V. N. Ivanov, A. B. Ivanov, A. O. Doronin. M., 2002. 178 p.
5. Markin V. V. Social space of Russia in the regional dimension: sociological analysis, modeling, monitoring [*Social'noe prostranstvo Rossii v regional'nom izmerenii: sociologicheskij analiz, modelirovanie, monitoring*]// Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization. Proceedings of the international scientific and practical conference (Moscow, 12-13 October 2017) / Resp. edited by A. Tikhonov. M: FISTP wounds, 2017. P. 82-87.
6. Akhmedova L. A., Bulatova U. B. Innovative model of regional economy development taking into account the investment factor [*Innovacionnaya model' razvitiya ekonomiki regiona s uchetom investicionnogo faktora*]// Scientific-methodical electronic journal «Concept». – 2016. Vol. 11. P. 991-995
7. «Putin made personnel changes in the Kremlin and the regions» [*Putin proizvel kadrovye perestanovki v Kremle i regionah*]/ Rossiyskaya Gazeta 25.12.2017. URL: https://rg.ru/2017/12/25/reg-cfo/putin-proizvel-kadrovye-perestanovki-v-kremle-i-regionah.html (date accessed: 10.05.2018).
8. Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later [*Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya*]/ Resp. edited by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonov. M., 2018. P. 72.
9. Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later [*Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya*]/ Resp. edited by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonov. M., 2018. P. 79.
10. «Regional political elites in modern Russian society» [*Regional'nye politicheskie elity v sovremennom rossijskom obshchestve*]. [Electronic resource] URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2476 (accessed 12.04.2018).
11. Region of Russia. Socio-economic indicators – 2017 / Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm ahhh! (date of application: 17.02.2018).

АЛЕКСЕЕВА
Ксения Андреевна
аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ksenja.alekeseeva@gmail.ru

ALEKSEEVA
Ksenia Andreevna
PhD student, Sociology of Communicative Systems Subdepartment, Sociology Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ksenja.alekeseeva@gmail.ru

Самопрезентация личности в новой социокультурной реальности: конструирование виртуального «Я»/ Self-presentation in the new sociocultural reality: ways of creating virtual «ego»

Аннотация

Развитие коммуникационных технологий привело к качественным трансформациям процесса социализации личности и всего социокультурного бытия человека и общества. В данной работе рассматривается влияние информационных технологий на конструирование новой социокультурной реальности и видение индивидом своего места в ней. Выявляются основные направления социологических исследований, которые затрагивают аспекты становления виртуального сообщества. Показываются изменения самого процесса социального взаимодействия и способов коммуникации в Интернет-пространстве. Обосновываются значительные изменения того, как индивид в новой социокультурной реальности выстраивает свой образ и презентует его. Приводятся основные способы конструирования самопрезентации личности в пространстве Интернет. Рассматриваются особенности, процессы и закономерности создания виртуального «Я», отличительные и схожие черты процесса самопрезентации в виртуальной и реальной среде.

Ключевые слова

Самопрезентация; «Я-виртуальное»; интернет-коммуникация; информационные технологии; виртуальное сообщество; интернет-пространство; социальные сети; виртуальное и реальное окружение.

Absract

The development of communication technologies has led to the emergence of new sociocultural aspects of human and community existence. This paper reviews the impact of new media technologies on the sociocultural construction of new reality and the place of a person in it. The research identifies the main directions of sociological research of the

virtual community existence. A lot of studies are devoted to changes in the process of social interaction and ways of communication in the cyberspace. At the same time, there are significant changes in the ways of creating virtual personality. This paper considers the main ways of constructing self-presentation on the Internet.This paper reviews the features and processes of the virtual «ego» creation, distinctive and similar features of this process in virtual and real environment.

Keywords

Self-presentation; «virtual Ego»; internet communication; information technology; virtual community; cyberspace; social network; virtual and real environment.

Беспрецедентное развитие информационных технологий придало качественно новые параметры духовно-культурному пространству, в котором происходит становление личности современного человека, прежде всего, в молодом возрасте. Его ценностный континуум, вектор целеполагания и содержательные характеристики социокультурной идентификации становятся все более зависимыми от виртуальной реальности. Более того, она все в большей степени определяет характер и направленность социализации личности, а значимость ее как пространства самоутверждения человека, осуществления его внутреннего Я возрастает.

Информатизация социальной и культурной жизни, развитие мультимедийных технологий и информационно-сетевых сообществ во многом меняют повседневную «ткань» культуры, переводя ее в виртуально-телекоммуникационные формы. Уже сейчас именно через информационно-коммуникационное поле во многом и осуществляется духовно-культурное влияние на человека. В этом поле формируются не только идеи и ценности, нормы и идеалы, эстетические вкусы и психологические установки, но и критерии самооценки и смыслообразующие цели личностного человеческого существования и развития общества в целом.

Интернет становится не только новым средством массовой коммуникации, но и «нанотехнологией» культуры, меняя способы социализации личности, формы самовыражения (в том числе творческого), проведения досуга, - то есть, практически, сам вектор духовно-нравственного развития миллионов людей.

Быстрое и всепоглощающие развитие информационных технологий влияют на жизнь общества в целом, на место человека в нем и на то, какие модели поведения и самопрезентации выбирает личность в новых условиях коммуникации. Все эти изменения не могли пройти стороной ученые, которые изучают то, как новые технологии влияют на социокультурную реальность.

Сам процесс социального взаимодействия в Интернет-пространстве, по мнению американского социолога Карена Э. Сирало, должен быть по-новому осмыслен учеными: «Недавние события коснулись проблем дискурса в социальных интеракциях, природы социальных связей, сферы человеческого опыта и восприятия действительности. Действительно, развитие технологий создаёт и новое измерение соци-

альной среды, требующее изменений в путях, на которых мы осмысливаем социальные процессы»[1].

Такой интерес к теме виртуального пространства не случаен, ведь, как отмечает американский социолог Дэвид Лион, конкретное социологическое понимание необходимо для выявления дискурса в киберпространстве и его социальных последствий, затрагивающих неоднозначные моральные, политические и культурные проблемы[2]. Поэтому чтобы выявить новые особенности развития виртуального сообщества, ученые обращались к разным аспектам его существования.

Наибольший интерес для социологов представляет тема виртуальных сообществ. Говард Рейнгольд даже ввел специальный термин “смартмоб”, под которым подразумевал самоструктурирующиеся (благодаря развитию информационных технологий) социальные общности[3]. В своих работах ученый отмечает, что общение людей с развитием мобильной связи и повсеместной компьютеризации приобретет невиданные прежде формы и возможности.

Изучают ученые и такие особенности нового виртуального комьюнити, как гендерные различия в использовании Интернета, язык и способы коммуникации в социальных сетях. Большой вклад в развитие исследований данного направления внесла Сьюзан Херринг. Ее исследования затрагивают различные аспекты коммуникации в Интернете: роль невербального, использование “смайлов”, роль общения в различных социальных медиа (Twitter, Tumblr и тд), гендерные различия в способах общения.

Развитие новых коммуникационных технологий привело к возникновению новых социокультурных аспектов существования человека и общности, ученые активно изучают различные их проявления: есть исследования таких особенностей жизнедеятельности человека в Интернете, как социальные сети, форумы, мессенджеры, личные странички, электронные энциклопедии, телеконференции, ролевые игры и многое другое.

Но, несмотря на повышенный интерес ученых к влиянию информационных технологий на конструирование новой социокультурной реальности, до сих пор остается недостаточно изученным вопрос самоидентификации личности и особенности ее самопрезентации в новой коммуникационной среде. А между тем способы, которые личность использует, чтобы рассказать о себе окружающему миру, претерпевают ряд кардинальных изменений.

1. В условиях виртуальной реальности самоидентификация личности во многом происходит под воздействием «геймеризации». Конечно, феномен переноса элементов игры на другие сферы жизни существовал и раньше. Одна из первых российских исследователей этой проблемы Л.Т. Ретюнских предложила в докторской диссертации «Онтология игры» свою концепцию игры, где подчеркивала, что процесс игроизации «базируется на моделировании искусственной реальности

---

[1] *Cerulo K.A. Reframing Social Concepts for a Brave New (Virtual) World // Sociological Inquiry, 1997, vol 67, № 1.*

[2] *Lyon, D. Surveillance Society: Monitoring Everyday Life // McGraw-Hill Education (UK), 2001*

[3] *Рейнгольд, Г. Умная толпа. Новая социальная революция / Рейнгольд, Г. – ФАИР-ПРЕСС, 2006*

внутри подлинной путем привнесения в нее субъективных смыслов. Таким образом, игроизация – это элементы игры, существующие в других сферах бытия, но не сводящие их к игре»[1]. Игроизации подвержены все стороны жизни – работа, семейные отношения, распределение социальных ролей и статусных позиций, политика, искусство.

Практическое же применение данного феномена в жизни общества отметил С.А. Кравченко, который оперировал термином “Игроизация”, т.е. внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять социальные роли, адаптироваться к обществу[2].

При общении с использованием новых информационных технологий индивид во многом выстраивает свою виртуальную личность в процессе играизациии, т.е. пробует новые социальные роли для себя, создавая несколько разных страничек в социальных сетях; вступает в различные сообщества; подписывается на различные странички, которые являются симуляциями реально существующих общественных структур и организаций. Процесс социализации индивида происходит и в виртуальном пространстве, но только реальные социокультурные структуры заменяются их образами и знаками, а пользователи могут выбирать и самостоятельно конструировать и менять свои образы.

2. Другой важной особенностью конструирования своего образа в Интернет-пространстве, которая во многом связана с “играизацией”, является возможность максимального контроля в процессе самопрезентации. Пользователи сами вольны выбирать, какую личную (правдивую или выдуманную) информацию они готовы раскрыть окружающим.

Пользователи могут выбирать как путь редукции своей личности к знаковой и текстовой информации (предоставляя только описание себя и своих интересов), так и путь многогранного освещения своего виртуального образа (предоставляя свои личные фотографии и видео, раскрывая свой творческий потенциал в описании своих мыслей, чувств и идей). И в этом процессе есть возможность контролировать каждый фрагмент информации, который выставляется на суд общественности, есть время для обдумывания ответа в общении с собеседником, а какие-то негативные моменты всегда можно не афишировать.

В реальной жизни люди скорее будут идеализировать свою личность в глазах окружающих, чтобы им понравиться. Для этого они следуют устоявшимся правилам и нормам в данном коллективе, выставляют напоказ положительные черты своей личности. Эта же тенденция наблюдается и в виртуальном комьюнити, только пользователям легче контролировать впечатление, которое они создают.

3. На возможность контролировать свою самопрезентацию оказывает влияние и тот факт, что общение в виртуальном пространстве лишено практически полностью невербальной составляющей. А эмоции выражаются «эмодзи», «смайлами» и другими визуальными элемен-

---

[1] *Ретюнских, Л.Т. Философия игры / Л.Т. Ретюнских. – М.: Вузовская книга, 2002*

[2] *Кравченко, С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С.А. Кравченко – Общественные науки и современность, 2002, №6, С. 143–155.*

тами оформления переписки. В то же время их использование также сказывается на впечатлении от собеседника.

4. Наконец, стоит отметить, что процесс конструирования виртуальной личности достаточно динамичен и фрагментирован. Пользователь может находиться в постоянных поисках своего виртуального «я», собирая его, как «Лего», из элементов, которые ему предоставляет Интернет-среда. Новые технологии позволяют примерять и пробовать разные социальные роли и образы, что приводит к дискретности собственного «Я», раскладыванию его на несколько (иногда диаметрально противоположных) личностей.

При этом интересно отметить, что пользователи социальных сетей редко удаляют Интернет-следы своей предыдущей самопрезентациии (старые фото и видеоматериалы, старые публичные записи и т.п.), что может свидетельствовать о несерьезном, «игровом» характере построения и видоизменения своей виртуальной личности.

Таким образом, самопрезентация в Интернет-пространстве представляется сложным и многогранным социокультурным процессом. Уже было проведено много исследований новой коммуникационной среды, но до сих пор остаются проблемные и нераскрытые зоны феномена виртуальной личности.

Проблема самоидентификации личности в виртуальном социальном поле возникла еще с самого зарождения Интернета. Как только человек столкнулся с новой коммуникационной средой, возникли вопросы, какие правила “игры” и поведения в новом пространстве; насколько сильно можно искажать свою личность, чтобы завоевать доверие и уважение участников общения; каким образом можно конструировать свой образ. И сейчас данные вопросы приобретают все большую актуальность в силу все большего проникновения Интернета.

Вышеприведенные особенности выстраивания виртуального «Я» показали, что процесс самопрезентации в пространстве Интернет во многом остается схожим с тем, как он протекает в реальном мире, но приобретает ряд новых черт. Люди понимают свою анонимность в виртуальной среде, именно поэтому активно экспериментируют и «играются» со своим виртуальным «Я». В Интернет-пространстве есть возможность контролировать каждый фрагмент информации, который предоставляется на суд общественности, что делает возможным приукрашивание личной информации пользователями, а преимущественно невербальный характер коммуникации и возможность всегда создать себе новый профиль в социальных сетях только усиливают все выше обозначенные черты конструирования виртуальной личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Cerulo K.A. Reframing Social Concepts for a Brave New (Virtual) World // Sociological Inquiry, 1997, vol 67, № 1.
2. Lyon, D. Surveillance Society: Monitoring Everyday Life // McGraw-Hill Education (UK), 2001
3. Рейнгольд, Г. Умная толпа. Новая социальная революция / Рейнгольд, Г. – ФАИР-ПРЕСС, 2006
4. Ретюнских, Л.Т. Философия игры / Л.Т. Ретюнских. – М.: Вузовская книга, 2002

5. Кравченко, С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С.А. Кравченко – Общественные науки и современность, 2002, №6, С. 143–155.
6. Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Липатова М.Е. Виртуальная личность: поиски новой идентичности // Indian journal of science and technology - Indian Society for Education and Environment (Chennai, India), том 9, № 36, с. 1-6.
7. Susan C. Herring, Sanja Kapidzic, Teens, Gender, and Self-Presentation in Social Media. URL: http://info.ils.indiana.edu/~herring/teens.gender.pdf (дата обращения: 24.02.2018)
8. Zhao, S., Grasmuck, S., Martin, J., 2008. Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships URL: https://www.researchgate.net/publication/222667752_Identity_Construction_on_Facebook_Digital_Empowerment_in_Anchored_Relationships (дата обращения: 13.02.2018)

REFERENCES

1. Cerulo, K. A. reframing social concepts for a brave new (virtual) world // sociological research, 1997, volume 67, No. 1.
2. Lyon, PhD observation society: monitoring everyday life // mcgro hill education (UK), 2001.
3. Reinhold, G. Smart crowd. New social revolution [U*mnaya tolpa. Novaya social'naya revolyuciya*]/ Reinhold, - fair-PRESS, 2006
4. Retyunskikh, L. T. philosophy of the game [*Filosofiya igry*]/ L. T. retyunskikh. – Moscow: University book, 2002
5. Kravchenko, S. A. Gamification of Russian society (To the justification of new social paradigm) [*Igraizaciya rossijskogo obshchestva (K obosnovaniyu novoj sociologicheskoj paradigmy)*]/ S. A. Kravchenko – Social Sciences and modernity, 2002, no. 6, Pp. 143-155.
6. Mamedov A. K., E Korkiya.D., Lipatova M. E. Virtual personality: the search for a new identity [*Virtual'naya lichnost': poiski novoj identichnosti*]// Indian scientific and technical journal - Indian society of education and environment (Chennai, India), volume 9, № 36, p. 1-6.
7. Susan C. Herring, Sanja Kapidzic, Teens, Gender, and Self-Presentation in Social Media. URL: http://info.ils.indiana.edu / ~herring / teenagers.floor.pdf (date accessed: 24.02.2018)
8. Zhao, S., Grasmuck, S., Martin, J., 2008. Creating identity on Facebook: digital empowerment in a tied relationship URL: https://www.researchgate.net/publication/222667752_Identity_Construction_on_Facebook_Digital_Empowerment_in_Anchored_Relationships (date of application: 13.02.2018)

КСЕНОФОНТОВ Владимир Николаевич д. филос. наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российской открытой академии транспорта МИИТ, Москва, Россия vnksenofontov@mail.ru

KSENOFONTOV Vladimir Nikolaevich doctor of philosophy, Professor, Professor, Department of philosophy, sociology and history, Russian open Academy of transport MIIT, Moscow, Russia vnksenofontov@mail.ru

Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: философия осмысления и современные реалии/ The liberation of Belarus from the Nazi invaders during the Great Patriotic War: a philosophy of understanding and modern realities

Аннотация

В статье раскрывается героический подвиг народа и армии в боях за освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В ней на основе единства исторического и логического обосновывается подход к реализации военно-стратегической операции «Багратион», проведенной на территории Белоруссии в июле-августе 1944 г. При этом, выделяются и характеризуются такие из них, как: военно-политический; военно-стратегический; духовный; активная борьба партизан. Делаются необходимые выводы, исходя из опыта Великой Отечественной войны, для анализа современной международной обстановки, роли России и Беларуси в укреплении мира на планете и формирования историзма мышления у братских народов.

Ключевые слова

Белоруссия; операция «Багратион»; Великая Отечественная война; партизан; фактор; полководец; современность.

Abstract

The article reveals the heroic feat of the people and the army in the battles for the liberation of Belarus from the Nazi invaders during the Great Patriotic War. It is based on the unity of the historical and logical approach to the implementation of the military-strategic operation «Bagration», carried out on the territory of Belarus in July-August 1944. At the same time, such are identified and characterized as: military-political; military strategic; spiritual; active partisan struggle. The necessary conclusions are drawn, based on the experience of the Great Patriotic War, for the analysis

of the current international situation, the role of Russia and Belarus in strengthening peace in the world and shaping the historicism of thinking among fraternal peoples.

Keywords

Belarus; Operation «Bagration»; The Great Patriotic War; partisan; factor; commander; modernity.

В этом году отмечается знаменательная дата – 75-летие освобождения Беблоруссии от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Характерно, что в настоящее время битва за освобождение Белоруссии приковывает пристальное внимание исследователей различных наук, в том числе историков, военных специалистов, социологов и психологов, философов и культурологов. И это вполне объяснимо, ибо только на основе системного научного анализа можно действительно глубоко исследовать подвиг народа и армии, сумевших летом 1944 г. нанести сокрушительный удар по немецко-фашистским захватчикам.

Анализируя характер, специфику реализации и военно-политические последствия битвы за освобождение Белоруссии, можно отметить ряд факторов, определяющих ее военно-историческое и социально-политическое значение.

Фактор первый. Военно-политический. Успешное проведение Красной Армией крупнейшей стратегической операции 1944 года – Белорусской операции имело исключительно важное военно-политическое значение. В результате сокрушительного разгрома немецкой группы армий «Центр» кардинально изменилась военно-политическая ситуация периода Второй мировой войны в Европе. Это выразилось прежде всего в том, что были полностью освобождены Белоруссия, большая часть Литвы, часть Латвии и значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска форсировали Неман и Нарев и подошли к границам Восточной Пруссии. Они продвинулись на 260–400 км и расширили фронт наступления до 1000 км. Немецко-фашистская группа армий «Север» оказалась изолированной в Прибалтике.

Следует подчеркнуть, что Белорусская наступательная операция по своим масштабам и результатам произвела огромное впечатление на союзников, политических руководителей США и Великобритании. Так, Президент США в письме к главе Советского правительства И.В. Сталину писал: «Стремительность наступления Ваших армий изумительна…»[1] В связи с успехами Красной Армии в освобождении Белоруссии английский премьер-министр У. Черчилль так оценил военно-политическое положение фашистской Германии: «Было мало оснований сомневаться в том, что вскоре наступит общий крах»[2].

Необходимо особо отметить, что в процессе проведения и завершения стратегической операции «Багратион» народ Белоруссии был

[1] *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989: В 2 т. Т. II. С. 150.*

[2] *Winston S. Chuerchill. The Second World War. Vol. VI. London, 1954. P. 114.*

освобожден от германского оккупационного режима. В политическом плане это означало, что он приступил к восстановлению городов и сел, мирному созидательному труду, созданию системы жизнедеятельности на всей территории Белоруссии, восстановлению школ, заводов, колхозов, научных и культурных центров, варварски разрушенных и уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками.

Фактор второй. Военно-стратегический. Белорусская операция явилась выдающимся событием военного характера не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны. Проведенная 23 июля – 29 августа 1944 г. советскими войсками, она имела цель – освободить Белоруссию от фашистских захватчиков. К стратегической операции с кодовым названием «Багратион» привлекались 1-й Прибалтийский фронт (командующий – генерал армии И.Х. Баграмян), 3-й Белорусский фронт (командующий – генерал-полковник, с 26 июня генерал армии И.Д. Черняховский), 2-й Белорусский фронт (командующий – генерал-полковник, с 28 июля генерал армии Г.Ф. Захаров), 1-й Белорусский фронт (командующий – генерал армии, с 29 июля Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский), с вошедшей в его состав вновь созданной армией войска Польского, Днепровская военная флотилия (командующий – капитан 1 ранга В.В. Григорьев). В состав четырех фронтов входили 1,4 млн человек боевого состава, 31 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов.

Координацию действий фронтов осуществляли представители Ставки – Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

В ходе операции была разгромлена одна из наиболее сильных вражеских группировок – группа армий «Центр». Большие потери понесли также группы армий «Север» и «Северная Украина». Германские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными около полумиллиона человек. При этом 17 дивизий и три бригады противника были полностью уничтожены, а 50 дивизий понесли потери от 60 до 70% своего состава.

Фронт стратегических наступлений расширился от Балтики до Карпат. Советские войска 17–18 июля пересекли государственную границу Советского Союза с Польшей.

Фактор третий. Духовный фактор обеспечения наступательной операции по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

В период подготовки и проведения операции «Багратион» летом 1944 г. активизировалась политико-воспитательная работа как на фронтах, так и на освобожденных территориях в тылу. Значительную роль в такой работе сыграли печать и искусство. В 1944 г. в действующей армии издавалось около 800 газет, разовый тираж которых составлял 3 млн экземпляров. На всех фронтах, участвующих в освобождении Белоруссии, для бойцов нерусской национальности выходили газеты на их родном языке. Фронтовая печать широко разъясняла политику нашего правительства в связи с предстоящим переходом Красной Армии на территорию стран Восточной Европы.

Система политико-воспитательной работы, проводимая в войсках в период подготовки и проведения операции «Багратион» в различных

формах: газеты, журналы и листовки, многие образные жанры литературы и искусства, способствовали формированию высоких морально-боевых качеств у советских воинов, выполнению воинского долга по защите Отечества и разгрому немецко-фашистских войск на территории Белоруссии.

Сильным идейным оружием по своей популярности, доступности и воздействию на сознание людей была литература. Она оперативно откликалась на злободневные вопросы, волновавшие воинов, партизан и тружеников тыла. В 1944 г. на фронтах Великой Отечественной войны было около 800 писателей, значительная часть которых участвовала в освобождении Беларуси.

Писатели и поэты уделяли в 1944 г. большое внимание такой важной теме, как освободительная роль Красной Армии. В ряду известных отечественных писателей и поэтов находились и деятели художественной культуры Белоруссии, в том числе Я. Колос и П. Глебка. Они воспевали героический подвиг воинов-освободителей. Так, стихи П. Глебки, объединенные названием «Беларуси», имели большое воспитательное значение.

Фактор четвертый. Активная борьба партизан против фашистских войск на территории Белоруссии.

Вооруженная борьба в период подготовки и проведения операции «Багратион» характеризовалась тесным взаимодействием с партизанским движением. До начала проведения операции партизаны в целях оказания помощи Красной Армии выполняли следующие задачи: дезорганизовывали работу оперативного тыла противника, уничтожали его живую силу, боевую технику, материальные средства, срывали подвоз резервов к линии фронта, частично или полностью срывали оборонительные работы, добывали ценные разведывательные данные о расположении германских войск и их оперативных планах, информировали командование Красной Армии о передвижениях врага.

Всеми видами партизанской разведки в Белоруссии с января по май 1944 г. была выявлена дислокация 27 штабов, 598 частей и соединений, 163 полевых почт. Разведчики определили расположение 36 аэродромов и посадочных площадок, оборонительных рубежей в районах Минска, Витебска, Орши, Бобруйска и других местах, захватили и направили самолетами в тыл Красной Армии более 500 оперативных документов врага, в том числе оперативные карты и приказы[1].

Большое значение приобретали действия партизан по нарушению работы вражеского транспорта. При этом не только в полосе наступления советских войск, но и там, откуда противник мог перебросить силы для закрытия брешей, образовавшихся в его обороне. Перед подготовкой наступательной операции в Белоруссии партизаны совершали диверсии примерно на 40 железнодорожных участках. Особенно интенсивному воздействию подвергались такие важные стратегические участки железных дорог, как Минск-Бобруйск, Брест-Лупинец, Молодечно-Полоцк, Минск-Орша. Только за январь–апрель 1944 г. белорусские партизаны подорвали 2989 вражеских эшелонов[2].

---

[1] *См.: Партархив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1012. ЛЛ. 40–41.*

[2] *См. там же. Оп. 3. Д. 77. Л. 83.*

В этой операции особенно отличились партизанские бригады под командованием Н.Х. Балана, С.Г. Ганзенко, В. Геременко, А.И. Далидовича, И.Ф. Садчикова и др. Барановичские партизаны вели напряженные бои с отступавшими немецко-фашистскими войсками, разгромленными под Минском. Только бригада под командованием П.И. Гулевича за короткое время провела до 30 боев в районе к западу от Минска.

Вместе с тем гигантское сражение Великой Отечественной войны, характер справедливой борьбы нашего народа и Вооруженных Сил против германского фашизма побуждают извлечь из этого определенные уроки и сделать выводы применительно к процессам, происходящим во всех сферах жизни России и Беларуси и перспективам их развития.

Первое. Подвиг народа и армии по освобождению Белоруссии в годы Великой Отечественной войны требует всесторонне взвешенного отношения к важному этапу исторического пути, пройденного страной. Это обязывает политических деятелей и исследователей, представителей науки и культуры прочно опираться на факты в анализе драматического и героического во всех сражениях Великой Отечественной войны. В таком контексте нравственно опасны разного рода нигилистические отношения и искажения результатов победного итога операции «Багратион», войны в целом.

Формирование историзма мышления (включая военно-историческое) – необходимая составная часть действительно научного мировоззрения граждан России и Беларуси, молодежи в особенности. Именно взвешенный подход, исключающий предвзятость и субъективизм в оценке гигантских битв за Родину (в том числе операцию «Багратион»), позволяет видеть Великую Отечественную войну без схематизма и упрощенчества, постигать значимость подвига народа и его армии.

Второе. В раскрытии социальных и политических проблем развития Российского государства важно исходить из философских положений, адекватно отражающих существо и характер современного этапа развития российского общества. Реальную практику приобретает на современном этапе состояние и перспективы взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь в различных сферах жизни: политической, экономической, социальной, духовной, военной. К ним относятся: эффективность экономического сотрудничества двух государств и перспективы его развития, консолидация Российской Федерации и Республики Беларусь на международной арене, преемственность и перспективы взаимодействия культур, религия и ее специфическая роль в духовной жизни русского и белорусского народов и др.

Третье. Операция «Багратион» 1944 г. высветила известную истину: только при духовном единстве народа и армии можно одержать победу над сильным противником. В общественном сознании на всех этапах войны доминирующими были такие призывы государственного и политического руководства Родины: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами», «Все для фронта, все для Победы». В них сплавлялась максимальная целеустремленность политических

установок государства с активной мобилизацией народа и армии на решительную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Необходимо отметить, что многочисленные потери на полях сражений, унижение тех советских людей, в том числе и на территории Белоруссии, кто находился под оккупационным фашистским режимом, не поколебали веру в конечную победу и сокрушительный разгром германских войск.

Более того, только благодаря духовному единству народа и армии нашей страны в годы Великой Отечественной войны был нанесен удар по человеконенавистнической идеологии фашизма, стремившейся превратить русский и белорусский народы в рабов. Такой идеологии противостоял дух справедливости защитников Отечества, усиливающий самосознание народа и армии.

Бесценный опыт морально-политического единства народа и армии требует от властных институтов России и Беларуси его творческого применения в условиях современного противоречивого состояния мира.

Четвертое. Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков с особой остротой раскрыло роль и значение патриотической идеи, неразрывно связанной с преемственностью героических традиций народа и его Вооруженных Сил. Она воплощена в образе великих предков: А. Невского, Д. Донского, К. Минина, Д. Пожарского, А. Суворова, М. Кутузова. Эти национальные герои, вдохновляя советских воинов на подвиг, помогали одержать духовную и военную победу над врагом.

Опираясь на преемственность героических традиций, суровая реальность выдвинула из народных масс героев. В их числе выдающиеся полководцы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.Х. Баграмян, И.Д. Черняховский, блестяще осуществившие стратегическую операцию «Багратион». За доблестные действия, высокое боевое мастерство и мужество, проявленное в операции по освобождению Белоруссии, 924 воина получили высокое звание Героя Советского Союза.

Историческая память народа запечатлела в общественном сознании определенные героические идеалы. Потребность людей к объединению в наше сложное время для совместного преодоления возникающих проблем в жизни российского общества обусловливает консолидирующую роль в общественном сознании героических идеалов, рожденных в боях за Родину. Они отождествляются с высокими принципами патриотизма, гуманизма и духовности.

Все это должно органично реализовываться в концепции патриотического воспитания молодежи современной России.

Очевидно, что концепция патриотического воспитания в условиях современного состояния российского общества и тенденций его развития должна бережно опираться на духовные, социокультурные и военно-исторические отечественные основы. Они накоплены и закреплены в общественном сознании народа, его культуре, боевых и трудовых традициях.

Именно на это обстоятельство обращал внимание русский философ И.А. Ильин. Он отмечал, что построение системы духовного воспитания нужно начинать не с коренной ломки социальных усло-

вий существования, а с обновления души человека, формирования у него чувства любви к Родине, патриотизма и национальной гордости. «Именно таким, – писал И.А. Ильин, – должен быть дух национального воспитания, необходимый русскому… народу. Задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа, и притом в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства и международной справедливости»[1].

Пятое. Операция «Багратион» 1944 г. показала потребность активизации объединения усилий государств в борьбе с германским фашизмом. Прочность союзнических отношений между СССР, США и Англией явились важным вкладом в Великую Победу. При этом необходимо подчеркнуть, что руководители западных государств в свое время объективно признавали решающую роль нашей страны и ее армии в разгроме немецко-фашистских войск. Вот как об этом писал Президент США Ф. Рузвельт: «Русские армии уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов, войск, самолетов, танков, орудий, чем все другие объединенные страны, вместе взятые»[2].

В современном развитии отношений государств важно, во-первых, учитывать политические интересы и безопасность России и Беларуси в условиях динамики военно-политических отношений. При этом нельзя игнорировать весьма опасной тенденции – распространения ядерного оружия на планете.

Заметим, что в настоящее время уже более 20 государств обладают или близки к тайне ядерного оружия. Между тем в ряде из них (например, КНДР, Пакистан и др.) существуют далеко не демократические режимы.

Кроме того, нельзя не учитывать опасных стремлений, выражающихся в намерении США разместить ракеты средней и меньшей дальности с ядерными зарядами в Европе, направленные против России.

Во-вторых, США и ее партнеры, по существу, создают новые угрозы для России и Беларуси, проводя политику продвижения НАТО на Восток. Ныне в геополитическом плане это уже привело к тому, что войска этого альянса, находясь в странах Балтии, приблизились к жизненно важным политическим и экономическим центрам Союзного государства как на западе, так и северо-западе – Калининграду, Санкт-Петербургу, Новгороду и Пскову, Гродно, Бресту, Минску.

В-третьих, в современном мире идет активный процесс изменения системы международных отношений, перераспределения областей внешне-политического и информационного воздействия между США, Западной Европой, Японией. К этому процессу активно подключаются такие страны как Россия, Китай, Индия, Бразилия и Иран. Вместе с тем усилия РФ по обеспечению политической стабильности глобального и регионального масштаба не встречают должной поддержки со стороны ряда ведущих стран Запада.

Более того, сами США, как лидер государств Запада, уповают только на свою исключительность в решении международных про-

---

[1] *Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 241.*

[2] *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 67.*

блем.

Убедительно об этом свидетельствует активное развертывание американской системы противоракетной обороны (ПРО) в Европе, направленной против России и ее союзников. Президент РФ В.В. Путин, оценивая такую позицию как угрозу НАТО для России, отметил: «Последние события говорят, что ситуация не становится лучше. Мы уже много раз говорили о нашей озабоченности, предлагали сотрудничество. Все это было, по сути, отвергнуто» .

В таких условиях возникает объективная потребность усиления внешнеполитической и гуманитарной деятельности российского государства и Беларуси, в их консолидации в целях противодействия США, стремящихся к монополизации своей внешнеполитической и информационной деятельности в процессе глобализации мира.

Таким образом, анализируя ход и исход Великой Отечественной войны, освобождение Белоруссии в ее процессе, необходимо отметить следующее. В духовном потенциале наших современников необходимо не только сохранить светлую память о тех, кто погиб, защищая Родину, но и беречь честь и славу живущих фронтовиков. Наряду с этим весьма важно в патриотическом воспитании молодежи формировать глубокое уважение к духовному богатству и героическим подвигам участников операции «Багратион», Великой Отечественной войны, приумножать их славу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.

2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989: В 2 т. Т. II.

3. Партархив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1012. ЛЛ. 40–41.

4. Смирнов Д. Россия ответит на ядерные угрозы США// Комсомольская правда. 2016. 14 мая. № 2.

5. Winston S. Chuerchill. The Second World War. Vol. VI. London, 1954.

REFERENCES

1. Ilyin I.A. The path to the obvious [*Put' k ochevidnosti*]: M., 1993.

2. Correspondence of the Chairman of the USSR Council of Ministers with the Presidents of the United States and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941-1945. M., 1989: In 2 t. T. II.

3. The Party Archives of the Institute of the History of the Party under the Central Committee of the Communist Party of Belarus. F. 3500. Op. 2. D. 1012. Ll. 40-41.

4. Smirnov D. Russia will respond to US nuclear threats[*Rossiya otvetit na yadernye ugrozy SSHA*]// Komsomolskaya Pravda. 2016. May 14th. No. 2.

5. Winston S. Chuerchill. The Second World War. Vol. VI. London, 1954.

ШЕВЧЕНКО
Андрей Иванович
профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия
mona80@mail.ru

SHEVCHENKO
Andrey Ivanovich
Professor of the Department of social and humanitarian and natural Sciences of the North Caucasus branch of the Russian state University of justice, Krasnodar, Russia
mona80@mail.ru

Информационные технологии как фактор развития медицинской сферы: философский аспект проблемы/ Information technologies as factor of development of the medical sphere: philosophical aspect of a problem

Аннотация

Статья носит обзорный характер и посвящена роли и месту информационных технологий в развитии современной медицины. Рассматриваются основные информационные факторы медицинской деятельности в современном обществе. Доказывается, что повышение доступа к медицинской информации способствует повышению медицинской грамотности населения. Рассматривается вопрос технического обеспечения медицинской деятельности и демонстрируются основные перспективы применения информационно-компьютерных технологий. Раскрываются перспективы по осуществлению образовательной деятельности медиков при помощи обращения к сетевым информационным ресурсам. Анализируются возможности по сбору информации и перспективы оптимизации инфраструктуры медицинских учреждений. В конце статьи делается вывод о высокой значимости адаптации современных достижений в информационной сфере к нуждам института здравоохранения.

Ключевые слова

Медицина; информационные технологии; компьютерные технологии; междисциплинарные исследования; философия; базы данных; медицинская грамотность населения; техническое обеспечение медицинской деятельности.

Abstract

Article has survey character and is devoted to a role and the place of information technologies in development of modern medicine. The main information factors of medical activity in modern society are considered. It is proved that increase in access to medical information promotes increase in medical literacy of the population. The question of technical support of medical activity is considered and the main perspectives of use of information and computer technologies are shown. Perspectives on implementation of educational activity of physicians by means of the appeal to network information resources reveal. Opportunities for collection of information and perspectives of optimization of infrastructure of medical institutions are analyzed. At the end of article the conclusion about the high importance of adaptation of modern achievements in the information sphere to needs of institute of health care is drawn.

Keywords

Medicine; information technologies; computer technologies; cross-disciplinary researches; philosophy; databases; medical literacy of the population; technical support of medical activity.

Особенность междисциплинарных исследований состоит в том, что они позволяют взглянуть на разнородные факторы, оказывающие влияние на состояние одного объекта[1], в то время как на уровне частных исследований реализуется разрозненное, обособленное рассмотрение отдельных аспектов. Современное научное знание давно вышло на тот уровень специализации, когда, зачастую, один и тот же объект исследуется в рамках десятков узкоспециализированных научных работ, при этом, не имеет место взаимодействия между представителями смежных исследовательских областей. Это определяет одну из серьезных проблем современной науки – недостаток общих, интегрирующих результаты частных исследовательских разработок, подходов, в которых бы осуществлялось приращение знания за счет выстраивания смысловых связей между факторами различного порядка и природы.

Для науки длительное время в качестве такого методологического основания, позволяющего взглянуть целостно на какую-либо проблему, являлась философия, поскольку философское сознание, как бы парадоксально это ни звучало, одновременно характеризуется высокой степенью предметной широты области исследования и чрезвычайной глубиной осмысления рассматриваемых предметов и категорий. В этом плане в настоящее время, зачастую, именно в рамках философских исследований осуществляется синтез знания, столь необходимый для корректного продвижения науки.

Проблема, которая будет поставлена в рамках настоящей статьи, имеет особый статус, поскольку уже ее постановка может быть произведена на стыке нескольких научных дисциплин. Речь идет о рассмотрении значения и роли информационных технологий в медицинской

[1] *Элентух И. П. Методологическая проблема предмета междисциплинарных исследований // Вестник ТГПУ. 2013. №11*

сфере, что предполагает отражение технического, культурного, образовательного и ряда других аспектов информационного взаимодействия в медицинской сфере. Соответственно, для адекватного понимания вопроса необходимо, с одной стороны, владеть на базовом уровне пониманием принципов деятельности медицинских работников, с другой стороны – рассмотреть педагогическое измерение проблемы, с третьей – выделить социологические и социально-философские факторы оптимизации медицинской сферы. Все это в совокупности определяет междисциплинарный характер поставленной проблемы, что свидетельствует о ценности широкого по своему охвату философского рассмотрения проблемы, которое позволит не только свести воедино различные аспекты исследуемой проблемы, но и выявить важнейшие связи между ними, что способствует существенному приращению знания.

Прежде всего, следует дать общую характеристику современных информационных технологий. Здесь имеет место два важнейших аспекта – развитие компьютерной техники и формирование сетевого пространства, определяющего возможность хранения информации на уровне сетевых ресурсов, а также формирования информационной коммуникации между людьми или организациями на практически любом расстоянии. Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных аспектов.

Что касается высокого уровня развития компьютерной техники, речь идет о последовательном росте вычислительных способностей современных ЭВМ, что делает возможным создание высокотехнологичных приборов, осуществляющих множество сложных вычислительных операций. В рамках медицинской сферы речь идет о возникновении новых средств диагностики и контроля а состоянием пациентов, что задает расширенные возможности по определению характера патологий, а также по уходу за больными. Некоторые из методов лечения становятся возможными благодаря тому, что в настоящее время существует высокоточная техника, способствующая эффективному и точному воздействию на организм пациентов. Так, например, различного рода операции по лазерной коррекции связаны с использованием высокотехнологичного медицинского оборудования. Точно так же присутствуют методы диагностики, основанные на видеосъемке состояния оперируемых органов. Чрезвычайно сложные операции в нейрохирургии, кардиологии и ряде других сфер становятся возможными только благодаря тому, что в настоящее время существуют технические приспособления, способствующие получению мгновенной обратной связи по осуществляемым воздействиям. Таким образом, развитие информационных технологий и компьютерной техники расширяет арсенал диагностических и лечебных средств, что уже само по себе представляет большую важность.

Вторым не менее значимым аспектом развития информационных технологий являются сетевые коммуникации. Как таковые, сетевые технологии возникли в 20-м веке, и уже к началу «нулевых» распространились по всему миру. В дальнейшем развитие информационных технологий осуществляется по пути снижения стоимости доступа к сетевым ресурсам, повышения уровня информационного обмена, расширения возможностей по осуществлению коммуникативной деятельности. Если в начале нынешнего столетия можно было

судить о сложностях материального характера в получении доступа к сетевым ресурсам, то в текущий период существенно изменилась ситуация как в плане стоимости цифровых гаджетов, так и в плане тарифных расценок на пользование Интернетом. Соответственно, широкая доступность сетевых технологий определяет доступ большей части населения к тем возможностям, которые они дают. В частности, речь идет об информационных ресурсах, посвященных медицинской проблематике. Остановимся на этом моменте подробнее.

Медицинская грамотность населения – это тот фактор, который напрямую определяет возможность оказания своевременной неотложной медицинской помощи в критических ситуациях, а также способствует своевременному обращению в медицинские учреждения в ситуациях, грозящих жизни и здоровью человека. Соответственно, когда мы говорим о повышении доступа населения к сетевым ресурсам, мы подразумеваем, в том числе, повышение доступности медицинских знаний, что может способствовать более эффективной оценке членами общества своего физиологического состояния. Отсутствие медицинской грамотности населения – это тот фактор, который определяет возможность «запускания» болезней и откладывания обращения к врачу до того критического момента, когда оставлять проблему без внимания становится уже невозможно. В настоящее время возникновение тревожных симптомов способствует поиску на уровне сетевых ресурсов информации о степени серьезности ситуации, что способствует более частому обращению в медицинские учреждения.

Оборотной стороной данного процесса становится излишняя самонадеянность членов общества, связанная с практикой «домашнего лечения». Вместе с тем, в современный период все более распространенными становятся ментальные установки, определяющие приоритетность обращения к специалистам в решении различных вопросов. Кроме того, рассматривая практику самолечения, следует отметить, что она существовала и задолго до развития информационных технологий, поэтому, было бы не вполне корректно рассматривать развитие сетевых технологий в качестве причины развития «самолечения» как явления. Напротив, понимание множественности возможных диагнозов при сходных симптомах зачастую является тем фактором, который заставляет человека, испытывающего недомогание, обратиться за медицинской помощью.

Анализируя значение информационных технологий в развитии медицинской сферы, следует обратить внимание на следующие аспекты:

- возможности информационных технологий в осуществлении подготовки медработников и повышения их квалификации;
- перспективы использования сетевых технологий в процессе формирования информационной базы по состоянию здоровья членов общества:
- перспективы сбора статистической информации по состоянию здоровья населения;
- использование автоматизированных систем при диагностике сложных случаев;
- применение информационных технологий для оптимизации инфраструктуры медицинских учреждений.

Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных моментов. Что касается значения информационных технологий в процессе профессиональной подготовки медработников, следует отметить такой аспект, как доступ к специализированным лекциям, проводимым крупными специалистами в различных областях медицинской науки. Если ранее возникновение какого-либо научного открытия сопровождалось длительным процессом его распространения, в частности, осложненным языковым барьером и географическим фактором удаленности, то в настоящее время имеет место отмечаемый специалистами феномен ускорения времени и сокращения пространства[1], выраженный в снижении актуальности естественных препятствий коммуникационным процессам. Таким образом, в настоящее время наиболее актуальная информация по ряду профессиональных вопросов становится широко доступной[2]. Отдельного внимания в данном случае заслуживает то, что видные специалисты в ряде отраслей медицины проводят лекции, которые, будучи записанными и выложенными на различных сетевых ресурсах, становятся доступными большому количеству студентов-медиков, а также всем специалистам, стремящимся к повышению своего профессионального уровня. Если ранее для этого зачастую требовалось специально осуществлять поездки на длительные расстояния, то теперь можно с уверенностью судить о том, что с развитием информационных технологий профессиональный рост медицинских работников стал куда более доступным.

Не менее важным аспектом является то, что компьютерные технологии позволяют осуществить переход от «бумажного» способа ведения истории болезней, что традиционно реализуется в рамках записей в личную карточку пациента, к формированию цифровой версии медицинских карточек населения[3]. Преимущества подобного рода шага очевидны: широко распространенной является ситуация, когда у человека, нуждающегося в медицинской помощи, в момент обращения в медицинское учреждение нет на руках личной медицинской карты, что существенно осложняет оказание ему медицинской помощи. В этом плане возможность создания единой базы данных по всем пациентам медицинских учреждений сложно переоценить. Это могло бы существенно повысить качество оказываемой медицинской помощи, что, в перспективе, существенно скажется в позитивном плане на уровне здоровья и сохранности жизни членов общества.

Рассматривая перспективы формирования единого информационного ресурса, содержащего личные дела пациентов, нельзя не отметить перспективность подобного явления для медицинской науки, поскольку наличие данных по миллионам пациентов представляет собой ценнейшее основание для проведения статистических медицинских исследований, раскрывающих уровень распространения различ-

---

[1] *Нарыков Н. В. К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. №6-1*

[2] *Арзуманова Наира Владимировна Использование современных информационных технологий в образовательном процессе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №113*

[3] *Гулиева И. Ф., Рюмина Е. В., Гулиев Я. И. Вопросы эффективности информационных технологий в медицине // Врач и информационные технологии. 2011. №5.*

ных заболеваний, изменения в тенденциях их протекания, связанные с изменением внешней среды и ритма жизни современного человека и т. д. Что немаловажно, такая серьезная подборка материалов может выступить в качестве ценнейшего основания для эффективного мониторинга основных медицинских проблем. Кроме того, от наличия или отсутствия информации о том, какие именно специалисты наиболее востребованы, напрямую зависит эффективность набора в медицинские вузы, что, в условиях развитых компьютерных технологий, позволяет решить проблему нехватки специалистов в одних сферах и переизбытка – в других.

Отдельного внимания заслуживает то, что применение информационных технологий имеет еще одну серьезную перспективу, связанную с использованием автоматизированных систем при диагностике сложных случаев. В данном случае становится возможным выявление редких заболеваний по совокупности подтвержденных симптомов, введенных в специализированную базу данных.

Кроме обозначенного выше аспекта следует уделить внимание и такому вопросу, как применение информационных технологий в организации процесса лечения в тех случаях, когда необходимо направление пациента к редким специалистам. В текущих условиях это зачастую оказывается сопряжено с поиском свободных специалистов «вручную», исходя из доступного списка учреждений, в которых осуществляется прием. При этом, отсутствие выхода графика записи к специалисту может выступить в качестве причины неполучения медицинской помощи в результате того, что время приема специалиста уже распределено, а пациенту было об этом неизвестно. Уже сейчас многие медицинские учреждения практикуют электронную запись к специалистам, что представляет собой серьезный позитивный сдвиг в данном вопросе.

Анализируя на общем уровне значение информационных технологий для развития медицинской сферы, следует отметить, что эффективность современной медицины во многом зависит от того, насколько быстро и адекватно будет осуществлено внедрение информационных технологий в практику деятельности медицинских учреждений. Вместе с тем, уже сейчас можно судить о том, что развитие информационных компьютерных технологий способствует чрезвычайно интенсивному развитию медицинской сферы и, в целом, повышению качества оказываемой медицинской помощи. Это означает, что специализированные исследования в области соотношения медицинской сферы и информационных технологий могут способствовать, с одной стороны, более эффективному применению в институте здравоохранения уже существующих возможностей информационной сферы, с другой – целевой разработке информационных средств реализации деятельности по здравоохранению населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1.Элентух И. П. Методологическая проблема предмета междисциплинарных исследований // Вестник ТГПУ. 2013. №11

2. Нарыков Н. В. К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. №6-1

3. Арзуманова Н.В. Использование современных информационных технологий в образовательном процессе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №113.

4. Гулиева И. Ф., Рюмина Е. В., Гулиев Я. И. Вопросы эффективности информационных технологий в медицине // Врач и информационные технологии. 2011. №5.

REFERENCES

1. Elentuh I.P. Methodological problem of the subject of interdisciplinary research [*Metodologicheskaya problema predmeta mezhdisciplinarnyh issledovanij*]// Bulletin of TSPU. 2013. №11.

2.Narykov N.V. On the issue of determining the factors of the intensification of modern political processes [*K voprosu ob opredelenii faktorov intensifikacii sovremennyh politicheskih processov*]// ISOM. 2014. № 6-1

3.Arzumanova N.V. Using modern information technologies in the educational process *[Ispol'zovanie sovremennyh informacionnyh tekhnologij v obrazovatel'nom processe*]// News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen 2009. №113.

4. Guliyeva I.F., Ryumina E. V., Guliev Ya. I. Issues of the effectiveness of information technologies in medicine [*Voprosy effektivnosti informacionnyh tekhnologij v medicine*]// Doctor and information technologies. 2011. №5.

БУДАНОВА Мария Александровна доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия budanovama@mail.ru

BUDANOVA Maria Alexandrovna Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia budanovama@mail.ru

КОНОПЛИН Юрий Сергеевич доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и специальной социологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия budanovama@mail.ru

KONOPLIN Yury Sergeevich Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia budanovama@mail.ru

КОРНИЙЧУК Маргарита Сергеевна кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и специальной социологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия ms.kornijchuk@mpgu.edu

KORNIYCHUK Margarita Sergeevna candidate of sociological Sciences, senior lecturer of the Department of theoretical and special sociologyof Moscow state pedagogical University, Moscow, Russia ms.kornijchuk@mpgu.edu

Социальные стратегии развития общественного капитала в российских организациях/Social development strategy social capital in Russian organizations

Аннотация

В статье на основе результатов социологических исследований и опроса дается авторский ответ на вопрос: «Что побуждает компании выстраивать социальные стратегии и накапливать общественный капитал?». Анализируется опыт выстраивания социально-ориентированных бизнес-стратегий развития организаций, которые предполагают ответственное отношение к коллективу, в результате чего формируется значимый общественный капитал этой организации. В работе также рассмотрены приоритетные направления социальных инвестиций в сотрудников российских бизнес-организаций и местное сообщество.

Ключевые слова

Доверие, корпоративная социальная ответственность, общественный капитал, общественный капитал организации, социальные инвестиции, социальная реструктуризация, социально-ориентированная бизнес-стратегия.

Abstract

In this article, based on the results of sociological research and a survey, the author gives an answer to the question: “What motivates companies to build social strategies and accumulate social capital?”. The author analyzes the experience of building socially-oriented business strategies for the development of organizations that imply a responsible attitude towards the team, as a result of which the significant social capital of this organization is formed. The paper also discusses the priority areas of social investment in employees of Russian business organizations and the local community.

Keywords

Trust, corporate social responsibility, social capital, social capital of an organization, social investment, social restructuring, socially oriented business strategy.

Организация является частью социальной структуры общества. Она может обладать различными капиталами: экономическим, административным, политическим, культурным, человеческим, общественным (социальным), символическим и т.п. Среди всех перечисленных форм экономическийзанимает главное место. Переход общества к качественно новому состоянию – обществу риска сделал экономический капитал уязвимым. Опыт потерь экономического капитала побудил многих социальных агентов страховать его другими видами капитала, а также инвестировать часть своих жизненных ресурсов в капиталы иного вида, в частности, общественный капитал.

Общественный (социальный) капитал (ОК) весьма специфический капитал. Первым, кто ввел это понятие в социологический дискурс и сталучитывать его в практике социального управления, бизнесе и других видах деятельности был П. Бурдье. По проблеме ОК имеется большая социологическая литература, как зарубежная, так и отечественная. Её анализ не является нашей задачей. В аспекте нашей темы важнымвыступает определение социального смысла понятия «общественный капитал».

На основе анализа социологического дискурса автор предлагает собственное определение изучаемого феномена.

«Общественный капитал организации – это социальный феномен, который можно представить как целостную совокупностьценностей, интересов, убеждений и социальных норм, развивающихся в процессе коммуникации между работниками, партнерами и внешним окружением. Он накапливается благодаря климату рационального доверия, а это требует существования общего коммуникативного пространства организации, в котором мог бы накапливаться опыт позитивного взаи-

модействия»[1]. ОК организации образуется в результате доверительных отношений руководителей, подчиненных и сотрудников между собой. Он накапливается благодаря развитости горизонтальных связей обмену знаниями, навыками и умениями в общем организационном поле. При этом доверие является главным компонентом ОК. Доверие основывается на принятых группой общих нормах и ценностях. Доверие определяет Ф.Фукуяма как возникающее внутри сообщества ожидание постоянного, честного, ориентированного на совместно разделяемые ценности поведения со стороны членов этого сообщества[2].

Подобно любому виду капитала, общественный капитал может принимать монетарную форму, принося дополнительную прибыль организации. Но и сам этот вид капитала требует материальных вложений, которые его будут укреплять. Общественный капитал организации как социальный феномен обладает следующими характеристиками:

1) это ресурс, который возникает в результате объединения людей в процессе совместной деятельности;

2) Выгоду от пользования общественным капиталом получают все члены организации (но, возможно, в разной степени);

3) Объем накопленного общественного капитала имеет не только объективные характеристики, но и оценивается субъективно – как отдельными индивидами, так и общественным мнением в целом.

Общественному капиталу необходимы не только организационные, социально-психологические, но и монетарные инвестиции.

Бизнес-организации используют различные формы социально-ориентированной деятельности: социальные инвестиции, –форма финансовой помощи, выделяемой организацией на реализацию долгосрочных и, как правило, совместных партнерских социальных программ, направленных на снижение социального напряжения в регионах присутствия компании и повышение уровня жизни различных слоёв общества[3], благотворительные пожертвования и спонсорскую помощь, социально-ответственную реструктуризацию, это форма социальной ответственности, призванная обеспечить проведение реструктуризации прежде всего в интересах работников; развитие социальной инфраструктуры организации, которая предполагает создание материальной базы, предназначенной для удовлетворения социально-бытовых и культурных потребностей работников и членов их семей; развитие местного сообщества, природоохранную деятельность и ресурсосбережение и др.

В России есть много достойных примеров выстраивания социально-ориентированных бизнес-стратегий развития организаций, которые демонстрируют ответственное отношение к коллективу, в результате чего формируется значимый общественный капитал этой организации. Под стратегией накопления общественного капитала понимается

---

[1] *Корнийчук М.С. Доверие как форма накопления общественного капитала / Управление мегаполисом. Научно-теоретический и аналитический журнал. М. 2015. № 6 (48). Т.1. – С. 112.*

[2] *F.Fukuyama. Social Capital and Civil Society / The Institute of Public Policy, George Mason University. October 1, 1999.*

[3] *Нарциссова С.Ю., Шеркунов С.А., Корпоративная социальная ответственность. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2018. С.47.*

деятельность, связанная с социальной сферой, благотворительностью, развитием регионов, социальными инвестициями в сотрудников, волонтерской экологической деятельностью, культурой, качеством продукции.

В рейтинге социально-ответственных организаций, составленном в 2018 году «Независимой газетой»[1], первая десятка представлена следующими компаниями (приводится список по занимаемым местам): Роснефть (9,0 баллов); Сургутнефтегаз (8,98); РусГидро (8,67); РЖД (8,65); Сбербанк России (8,63); Газпром (8,33); Татнефть (8,32); Транснефть (8,29), Лукойл (8,17); Норильский Никель (8,15).

Одним из лидеров в этой группе является компания ОАО «Роснефть», ведущая работу в части социальной ответственности.Согласно данным корпоративной финансовой отчетности, расходы «Роснефти» на социальную сферу достаточно высоки и составляют в среднем до 15 % от уровня общего дохода компании, не считая расходов на социальные проекты внутри организации, выплату налогов и поддержание экосистемы района добычи нефтегазовых ресурсов[2].

Занимающая 9-е место в рейтинге социально-ответственных компаний ОАО «Лукойл» в 2017 г. потратила на внешнюю социальную поддержку около 9 млрд рублей. А на программу промышленной безопасности и охраны труда – 12,3 млрд рублей. Чистая годовая прибыль компании, согласно финансовой отчетности по МСФО за прошлый год, составила 418,8 млрд рублей .

Отчет компании Deloitteo тенденциях в области человеческого капитала в 2018 г., демонстрирует сдвиг, перед которым оказались лидеры бизнеса во всем мире: быстрый рост того, что мы называемсоциальными предприятиями. Этот сдвиг отражает растущее значение социального капитала для формирования цели организации, управления ее взаимоотношениями с заинтересованными сторонами и влияния на ее окончательный успех или неудачу.

В 2018 году основываясь на результатах глобального опроса, проведенного компанией Deloittec более чем 11 000 лидеров бизнеса и HR, а также интервью с руководителями некоторых ведущих организаций, можно считать, что происходят фундаментальные изменения. Бизнес-организации больше не оцениваются только по традиционным показателям, таким как финансовые показатели или даже качество продуктов или услуг. Сегодня бизнес-организации все больше оценивают на основе их отношений со своими работниками, клиентами и сообществами, а также по их воздействию на общество в целом, превращая их из бизнес-предприятий в предприятия социальные .

Приводимые в начале статьи ссылки на крупные российские компании не означают, что социально-ориентированные стратегии развития общественного капитала используют в своей бизнес-практике чаще всего крупные организации / предприятия, а кроме них, в этих бизнес-процессах участвуют организации / предприятия среднего и малого бизнеса.

В этой связи возникает ряд вопросов к руководителям компаний,

---

[1] *http://www.ng.ru/ideas/2018-11-29/5.html (Дата обращения: 20.03.2019).*

[2] *Отчет в области устойчивого развития за 2017 год. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ Дата обращения: 15.03.2018)*

в частности: что побуждает компании выстраивать социальные стратегии развития общественного капитала? На что направлены социальные стратегии развития? Каково отношение населения к социальной деятельности предпринимательства?

В поиске ответов на эти вопросы обратимся к вторичному анализу результатов социологического исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства». Исследование было выполнено по заказу ГК «Новард», авторами исследования выступили ЗАО «КПМГ» и Фонд «Единое общество»[1]. Анкетный опрос был проведен в 2014 году в 13 регионах РФ. Всего было опрошено 125 руководителей организаций. Среди них были руководители крупного бизнеса (45 респондентов), среднего (30 респондентов) и малого бизнеса (50 респондентов). В числе опрошенных были 15 руководителей крупных иностранных компаний, действующих в России.

В рамках исследования была осуществлена выборка на основе данных агентства «Эксперт РА», перечня компаний Forbes и данных Интернет-порталов малого и среднего предпринимательства[2].

Основная доля опрошенных работает в организациях крупного и среднего бизнеса в пищевой промышленности, банковской и финансовой отраслях, транспорте и логистике, горнодобывающей промышленности и металлургии, телекоммуникациях и связи.

Сферами деятельности большинства респондентов малого бизнеса являются, как правило, наука и образование, сельское хозяйство и рыболовство, издательская деятельность и информационные технологии.

В дополнение к опросу руководителей было выявлено отношение населения к социальной деятельности предпринимательства, проведенного в 2017 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ),в котором участвовали 1 600 человек из разных федеральных округов, жителей, как крупных городов, так и небольших населенных пунктов, респонденты имели разный уровень материального достатка.

Опрос населения показал, что под социальной ответственностью бизнеса граждане понимают, прежде всего, создание новых рабочих мест и ответственность перед своими работниками. Важно также производство качественной продукции. Причем только 26% думают, что российский бизнес в нашей стране является социально ответственным, 43% считают, что в настоящее время бизнес не является социально ответственным. Иначе говоря, большинство россиян весьма скептически относятся к деятельности предпринимательского сообщества[3].

---

[1] Аналитический обзор по результатам Исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства», 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: /https://novard.ru/upload/reports/novard-report-april-2015.pdf.(Дата обращения: 15.03.2018).

2 Аналитический обзор по результатам Исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства», 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: /https://novard.ru/upload/reports/novard-report-april-2015.pdf. (Дата обращения: 15.03.2018).

3 https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444(Датаобращения: 20.03.2019).

Но обратимся к мнению самих руководителей бизнеса. Что побуждает компании выстраивать социальные стратегии и накапливать общественный капитал? На первый план для крупного, среднего и малого бизнеса выходят личные ценности руководителей и владельцев бизнеса. Нравственные установки побуждают к действию более чем 35% опрошенных руководителей крупного бизнеса России. Еще 27% опрошенных этой группы отметили среди побудительных мотивов сложившиеся традиции компании.

Респонденты подчеркивают важность религиозных взглядов при принятии решений об осуществлении социальных стратегий, которая возрастает от крупного к малому бизнесу. Среди руководителей малого бизнеса 17% опрошенных руководствуются своими религиозными воззрениями.

На что, в первую очередь, направлены социальные стратегии компании? Картину приоритетов в социальной деятельности демонстрирует таблица 1.

В ней представлены три основных направления осуществления социальных стратегий: повышение качества жизни общества в целом, формирование благоприятных трудовых отношений в коллективе организаций, повышение качества жизни местного сообщества.

Таблица 1.

Социальные приоритеты вдеятельности российских организаций (Россия, N =125, 2014г., в% к опрошенным)

Социальные приоритеты	Крупный бизнес	Средний бизнес
Повышение качества жизни общества в целом	45	37
Формирование благоприятных трудовых отношений в коллективе организаций	29	25
Повышение качества жизни местного сообщества	25	17
Затруднились с ответом	1	21

Таблица 1 демонстрирует схожесть в понимании приоритетов социальных стратегий в деятельности организаций крупного и среднего бизнеса. Приоритеты в социальных стратегиях руководители исследуемых организаций охарактеризовали, прежде всего, как деятельность, направленную на повышение качества жизни общества в целом, создание благоприятных условий труда для сотрудников, повышение качества жизни местного сообщества.

Так, основная доля руководителей организаций крупного бизнеса полагает, что социальные приоритеты должны быть направлены на общество в целом - подобного мнения придерживаются 45% опрошенных, 29% руководителей придерживаются мнения, что приоритетной является деятельность, направленная на помощь сотрудникам компа-

нии. Меньшая доля (25%) полагает, что социальная стратегия должна быть направлена на улучшение качества жизни местного сообщества и региональное развитие. Приоритеты социальных стратегий руководителей среднего бизнеса примерно такие же.

В организациях малого бизнеса трактовка приоритетов социальных стратегий достаточно сильно различается. Под социальной стратегией понимаются различные виды деятельности, которые каждый владелец бизнеса интерпретирует субъективно. Больше всего опрошенных рассматривают такое направление как благотворительность. Но в тоже время руководители малого бизнеса выделили несколько общих характеристик, касающихся социальной стратегии, самые важные среди них: доброта, порядочность, честность и справедливость. То есть, во главу угла были поставлены общечеловеческие ценности.

Таблица 2 демонстрирует объем инвестиций в социальную деятельность организаций. Данные этой таблицы показывают, что основная социальная нагрузка ложится на крупные российские компании. 80% опрошенных руководителей крупных бизнес-структур утверждают, что они направляют в социальную сферу более 30 млн руб. в год. Среди руководителей иностранных компаний в России подобный ответ дали только 22% опрошенных.

Таблица 2.

Объем инвестиций в социальную деятельность бизнес-организаций (Россия, N =125, 2014 г., в % к опрошенным)

Объем инвестиций в год	Крупный бизнес		Средний бизнес	Малый бизнес
	Российский бизнес	Иностранный бизнес в России		
Более 30 млн руб.	80	22	6	-
От 6 до 15 млн руб.	30	8	6	2
От 1 до 5 млн руб.	24	8	28	14
Менее 1 млн руб.	7	12	60	84

Возможности средних и малых российских компаний инвестировать в социальную сферу невелики. Среди опрошенных 60% руководителей средних компаний и 84% руководителей малых компаний ответили, что направляют в социальную сферу менее 1 млн руб.

Данные о том, на какие цели направляются эти средства, показаны в таблице 3.

Таблица 3.

Приоритетные направления социальных стратегий российских бизнес-организаций (Россия, N =125, 2014 г. в % к опрошенным)

Направление социальной стратегии	Крупный бизнес		Средний бизнес	Малый бизнес
	Российский бизнес	Иностранный бизнес в России		
Образовательные программы	16	23	14	10
Поддержка физической культуры и спорта	16	13	19	8
Социальное обеспечение работников	14	13	-	-
Вложение в культуру и искусство	12	7	12	5
Формирование региональной инфраструктуры	12	7	13	6
Экологическая защита	12	21	7	2
Создание новых рабочих мест, повышение занятости населения	12	8	-	2
Социальное обеспечение работников	4	7	-	-
Другое	-	2	-	48

Данные таблицы 3 показывают, что размер компании существенно влияет на ее социальную стратегию. Крупные компании (как российские, так и зарубежные) ориентированы на поддержку образовательных программ. На это указали 23% руководителей крупных иностранных компаний и 16% - опрошенных в российских компаниях. Среди других приоритетов крупных бизнес-структур находится экологическая защита. Это отметили 21% опрошенных иностранных компаний и 12% опрошенных российских компаний. Поддержка физической культуры и спорта также важна для 16% российских компаний и 13% иностранных компаний.

Представители среднего бизнеса в большей степени ориентированы на поддержку физической культуры и спорта. Об этом заявили 19% средних российских компаний. Но и образовательные программы остаются в числе приоритетов социальных инвестиций, это подтвердили 14% опрошенных представителей среднего бизнеса. Для

руководителей малого бизнеса поддержка образования также входит в число приоритетов. 10% руководителей малого бизнеса подтвердили это высказывание. Надо отметить, что малый бизнес, имея небольшие ресурсы, не может позволить себе крупные социальные затраты. Показатели остальных программ инвестиций малого бизнеса, на которые выделяют достаточные средства крупные и средние компании (например, поддержка физической культуры и спорта или формирование инфраструктуры), существенно меньше, чем вложение в образование. Это говорит о том, что в нашей стране, на всех уровнях социальной пирамиды предпринимательства существует консенсус о необходимости социальных инвестиций в образование.

Благоприятные отношения в коллективе организации являются залогом ее успешной деятельности. Формирование климата доверия все чаще становится серьезным направлением деятельности внутри компании. Для достижения комфортной социальной среды необходимы инвестиции в обучение, развитие, отдых, обеспечение сотрудникам медицинских услуг, предоставление работникам хорошего социального пакета.

Таблица 4 показывает, что крупные российские и иностранные компании, работающие в России, имеют разные приоритеты в направлении своих социальных инвестиций. Поддержка обучения и медицинского страхования более развиты в иностранных компаниях, работающих в России. Российские компании в большей степени помогают неработающим пенсионерам, развивают жилищное строительство и помогают работникам, нуждающимся в санаторно-курортном лечении.

Таблица 4.

Приоритетные направления социальных инвестиций в сотрудниковроссийских бизнес-организаций (Россия, N =125, 2014 г., в % к опрошенным)

Направление социальных инвестиций	Крупный бизнес		Средний бизнес	Малый бизнес
	Российские компании	Иностранный бизнес в России		
Обучение и развития персонала	18	24	22	32
Организация медицинского страхования	18	28	20	28
Материальная помощь работнику и его семье	16	16	27	27
Санаторно-курортное лечение работников и членов их семей	6	7	8	6
Материальная и со-	11	4	4	-

циальная поддержка неработающих пенсионеров				
Поддержка членов семей сотрудников	8	11	4	2
Негосударственные пенсионное программы	6	8	8	-
Принятие жилищных программ	8	-	-	-
Другое	6	4	-	-

Как уже отмечалось, общественный капитал имеет не только объективную, но и субъективную составляющую, которая складывается под воздействием каналов коммуникации.

Таблица 5 показывает, какие каналы задействуют руководители российского бизнеса.

Таблица 5.

Освещение социальной деятельностироссийских бизнес-организаций (Россия, N =125, 2014 г.)

Информационный канал	Крупный бизнес		Средний бизнес	Малый бизнес
	Российские компании	Иностранный бизнес в России		
Сайт организации в Интернете	26	29	28	10
СМИ (федеральные и региональные)	29	26	19	12
Взаимодействие с местными сообществами и целевыми группами	14	18	16	50
Установление партнерских отношений с НКО	20	16	10	-
Другое	11	12	25	22

Данные таблицы 5 показывают, что для освещения своей социальной деятельности около трети опрошенных руководителей крупного (российского и иностранного) и среднего бизнеса используют, прежде всего, сайт организации в Интернете. Примерно столько же опрошенных используют федеральные и региональные СМИ. Принципиально иную информационную стратегию используют

владельцы малого бизнеса. Они предпочитают взаимодействие с местными сообществами и целевыми группами. Об этом заявили 50% опрошенных представителей малого бизнеса. На сайт организации в Интернете рассчитывают всего 10% представителей малого бизнеса, на федеральные и региональные СМИ -12%.

Итак, как показало исследование «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства», современные российские бизнес-организации и иностранные компании, действующие в России, в рамках концепции социально-ответственного бизнеса используют социальные стратегии, которые предусматривают на уровне предприятия поддержку сотрудников организации по основным жизненно важным направлениям: обучение и развитие персонала, медицинское страхование, разработка жилищных программ, материальная поддержка работников, организация санаторно-курортного лечения и т.п., на территориальном уровне — инвестиции в местную общину, на национальном уровне — инвестиции в укрепление тех ценностей, которые объединяют общество своей страны, а на глобальном — в формирование ценностей, способных стать общими для всей планеты.

Влияние компаний, использующих в своей практике социально-ориентированные стратегии развития общественного капитала все более усиливается, ряды ихрастут, особенно в западных странах.

Многочисленные социологические исследования, в частности исследовательская группа ЦИРКОН, демонстрируют достаточно высокуюоценкупреимущества бизнеса при соблюдении организацией принципов социальной ответственности.

Так, по результатам опроса «Социальный предприниматель РФ: автопортрет-2018», посвященного изучению ценностей и мотивации деятельности современного российского социального предпринимателя, а также определению набора типовых самохарактеристик социальных предпринимателей, респонденты наиболее высоко оценили такие критерии как обеспечение положительной общественной репутации (82%), рост доверия населения к деятельности кампании (73%), повышение лояльности персонала компании (70%), выстраивание партнерских отношений с органами власти, общественностью (64%), соответствие нормам и стандартам мирового экономического сообщества (63%)[1].

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что расширение практики социальной ответственности в деятельности отечественных компаний имеет значение, которое способно не только изменить мнение населения о бизнесе, но и сделать нас ближе к компаниям, открыть возможности непосредственного участия в совместных проектах бизнес-организаций и местных государственных структур по социальному обустройству местных территорий в качестве частных инвесторов, акционеров и т.д., что служит хорошим основанием для формирования имиджа успешности компании и утверждения гражданского общества в России.

---

[1] *http://www.zircon.ru/publications/ (Дата обращения: 20.03.2019).*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Корнийчук М.С. Доверие как форма накопления общественного капитала / Управление мегаполисом. Научно-теоретическийианалитическийжурнал. М. 2015. № 6 (48). Т.1.
2. Нарциссова С.Ю., Шеркунов С.А., Корпоративная социальная ответственность. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2018. С.47.
3. Аналитический обзор по результатам Исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства», 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: /https://novard.ru/upload/reports/novard-report-april-2015.pdf.(Дата обращения: 15.03.2018).
4. Отчет в области устойчивого развития за 2017 год. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ Дата обращения: 15.03.2018)
5. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444 (Дата обращения: 20.03.2019).
6. http://www.lukoil.ru/Responsibility (Дата обращения: 15.03.2019).
7. https://www.deloitte.com/ru/ru/pages/consumer-business/articles.html(Дата обращения: 20.03.2019).
8. http://www.zircon.ru/publications/ (Дата обращения: 20.03.2019).
9. http://www.ng.ru/ideas/2018-11-29/5.html(Дата обращения: 20.03.2019).
10. F.Fukuyama. Social Capital and Civil Society / The Institute of Public Policy, George Mason University. October 1, 1999.

REFERENCES

1. Korniychuk M.S. Confidence as a form of accumulation of social capital [Doverie kak forma nakopleniya obshchestvennogo kapitala]/ Management of a megacity. Scientific theoretical and analytical journal. M. 2015. № 6 (48). T.1. - p. 112.
2. Narcissova S.Yu., Sherkunov SA, Corporate Social Responsibility [Korporativnaya social'naya otvetstvennost']. M .: Publishing House «Academy MNEPU», 2018. P.47.
3. Analytical review of the results of the Research "The Value Foundations of the Social Activities of Russian Entrepreneurship" [Analiticheskij obzor po rezul'tatam Issledovaniya «Cennostnye osnovy social'noj deyatel'nosti rossijskogo predprinimatel'stva»], 2014. [Electronic resource] // Access mode: /https://novard.ru/upload/reports/novard-report-april-2015.pdf. (Date of appeal: 03/15/2018).
4. Sustainable Development Report 2017 [Otchet v oblasti ustojchivogo razvitiya za 2017 god]. [Electronic resource] // Access mode: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ Access date: 03/15/2018)
5. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444 (Return Date: 03/20/2019).
6. http://www.lukoil.ru/Responsibility (Circulation Date: 03/15/2019).
7. https://www.deloitte.com/ru/ru/pages/consumer-business/articles.html (Contact Date: 03/20/2019).
8. http://www.zircon.ru/publications/ (Appeal Date: 03/20/2019).
9. http://www.ng.ru/ideas/2018-11-29/5.html (circulation date: 03/20/2019).
10. F.Fukuyama. Social Capital and Civil Society / The Institute of Public Policy, George Mason University. October 1, 1999.

МАТВЕЕВА
Наталья Юрьевна
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» РУТ(МИИТ), Москва, Россия
pmatveyev@yandex.ru

ОЛЬШАНСКАЯ
Екатерина Владимировна
ассистент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» РУТ(МИИТ), Москва, Россия
olshanskaya.katerina@yandex.ru

MATVEEVA
Natalia Yurievna
candidate of sociological sciences, Associated Professor of Psychology, Sociology, State and Municipal Management Department RUT(MIIT), Moscow, Russia
pmatveyev@yandex.ru.

OLSHANSKAYA
Ekaterina Vladimirovna
assistant of the Department "Psychology, sociology, state and municipal management" RUT(MIIT), Moscow, Russia
olshanskaya.katerina@yandex.ru

Цели, методы работы и возможности электронного правительства на примерах Эстонии и Каталонии/ Aims, methods of work and possibilities of e-Government on the examples of Estonia and Catalonia[1]

Аннотация

В статье исследуются цели, возможности и методы работы электронного правительства, на примерах Эстонии и Каталонии. Их деятельность по развитию современных электронных технологий в рамках цифрового государства рассматривается в контексте утверждения независимости, укрепления социальной идентичности. Исследуются различные аспекты институциональных способов управления с помощью сети интернет, влияние информационных технологий на процессы демократизации и политического участия. Подробно рассматриваются факторы успешной работы эстонского цифрового государства. Исследуются возможности развития электронного правительства Каталонии в условиях испано-каталонского кризиса.

Ключевые слова

Электронное правительство; Эстония; Каталония; электронное голосование; блокчейн.

Abstract

The article explores the goals, opportunities and methods of e-government on the examples of Estonia and Catalonia. Their activities on the development of modern electronic technologies within the digital

[1] *Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00608 А «Противостояние между Испанией и Каталонией: социокультурные смыслы участников».*

state are considered in the context of the affirmation of independence, the strengthening of social identity. This paper investigates the various aspects of the institutional methods of managing society through the Internet resources, the impact of information technology on democratization and political participation. The factors of successful work of Estonian the e-government are considered in detail. The possibilities of developing the electronic government of Catalonia in the context of the Spanish-Catalan crisis are being investigated.

Keywords

E-government; Estonia; Catalonia; electronic voting; blockchain.

Формирование независимого ведущего государства 21-го века неразрывно связано с созданием и развитием так называемого «электронного государства» или «электронного правительства» (e-Government). Под этим термином подразумевается подход к управлению государством, заключающийся в цифровизации процесса взаимодействия между властью и обществом, различными ветвями власти, а также властью и субъектами экономической, политической, общественно-гражданской деятельности. Современные цифровые технологии призваны способствовать эффективности и прозрачности ведения деятельности, углублению демократии, увеличению потенциала граждан с точки зрения их участия в жизни общества. Активное использование электронных технологий влечет за собой возможность радикальных изменений институциональных способов управления обществом.

Работа по созданию платформ электронного правительства ведется в разных странах мира, в том числе в России. Однако цели таких разработок и методы их реализации имеют значительные отличия, во многом связанные с представлениями относительно распределения властных возможностей и ресурсов внутри государства и общества, а также регулирования их взаимоотношений с внешним миром. Можно также говорить о том, что особенности развития электронного правительства напрямую связаны с идеями относительно социальной идентичности сообщества и приоритетов его развития. Так, развитие электронного правительства часто более сфокусировано на улучшении работы государственных служб, чем на изменении системы управления в направлении возможностей демократического участия[1].

Целью данного исследования является анализ специфики, причин и последствий активного продвижения проектов электронного правительства в Эстонии и Каталонии, являющихся пионерами в этой области. Предполагается, что их деятельность по развитию электронного правительства детерминирована потребностью в укреплении социальной идентичности и независимости. При этом обнаруживается, что общества, смысловым приоритетом которых является независимое положение по отношению к внешним субъектам политики, экономики или культуры (прежде всего, в лице более крупных или сильных государств или государственных объединений) могут использовать для

[1] *Hansson K., Belkacem K., Ekenberg L. Open Government and Democracy: A Research Review // Social Science Computer Review, 2015, vol. 33, 5: pp. 540-555. DOI: 10.1177/0894439314560847.*

достижения этой цели возможности прямой народной демократии. В этом случае электронное правительство создается как эффективный инструмент ее осуществления.

Эстония выступила инноватором в деле построения модели электронного государства на основе приоритета прав граждан и реализации принципов демократического народовластия. Именно поэтому правительство автономного региона Каталония отнеслось с большим интересом к эстонской модели, одним из важнейших аспектов которой является использование электронного голосования в режиме онлайн, на базе эстонского удостоверения личности.

Идея внедрения электронного голосования появилась ещё в 2001 г. и была одобрена правительством Эстонии, которое начало обеспечивать его инструментальную и нормативную базу. Уже в 2005 г., во время выборов местного самоуправления, была впервые протестирована система такого голосования. Через два года после этого она была применена на национальных выборах, затем, в 2009 г., на выборах в Европарламент, и в 2011 г., на выборах в национальный парламент[1].

Благодаря данному нововведению, Эстония официально считается первым государством, применившим систему электронного голосования на общегосударственных выборах. Следует отметить, что понятие «электронное голосование» на международном уровне определено и как стационарная форма голосования при помощи специального оборудования (анг. polling place e-voting), и как дистанционный способ голосования через компьютер и интернет, независимо от места нахождения голосующего (анг. remote e-voting). В Эстонии же данное понятие используется исключительно в качестве формы дистанционного голосования с использованием сети интернет. Для управления системой электронного голосования в 2012 г. был создан Государственный комитет по цифровому голосованию, в задачи которого входит обеспечение проведения интернет-голосования под контролем Государственного избирательного комитета. По мнению членов Совета Европы и ОБСЕ, электронное голосование относится к демократичному методу подачи голоса, и имеет тенденцию к возрастанию значимости в качестве способа голосования[2].

Эстония также одной из первых осуществила электронную перепись населения. По решению комиссии по переписи при Правительстве Эстонии, перепись 2011 г. была осуществлена с помощью комбинированного метода, который включал в себя как применение государственных регистров, так и использование электронной переписи и индивидуального посещения жителей страны. По итогам электронной переписи населения, в ней было задействовано около 62% населения, что является мировым рекордом в подобного рода процедурах[3].

---

[1] *Пескова О.Ю., Половко И.Ю., Фатеева С.В. Обзор подходов к организации электронного голосования // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2015. № 5. С. 237-247.*

[2] *Электронное голосование в Эстонии [Электронный ресурс]. - Режим доступа. URL: file:///C:/Users/Финтифлюшкины/Desktop/сорокинские%20чтения/eDem_infomaterjal_i-h22letamine_rus.pdf (дата обращения: 14.03.2019)*

[3] *Пресс-релиз Департамента статистики Эстонии от 6 февраля 2012 г. [Электрон-*

Ещё одним показателем успешной работы эстонского электронного правительства стало создание возможности получения цифрового гражданства для иностранных лиц. Так, с 2014 г. иностранные граждане имеют возможность подачи заявления для получения эстонского электронного гражданства, без необходимости подтверждения постоянного проживания в Эстонии[1]. Можно сделать вывод о том, что все три элемента электронного государства – выборы, перепись и гражданство – направлены, во-первых, на реализацию смыслов прямого участия граждан в государственном строительстве, то есть, принципов народной демократии, и, во-вторых, на утверждение «открытой» социальной идентичности эстонского общества.

Эффективность результатов деятельности эстонского электронного правительства подтверждена экспертами на международном уровне. Так, согласно данным рейтингу уровня развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index), который включен в исследования E-Government Survey 2018 года, Эстония занимает 16 место из 193 государств. Её индекс развития электронного правительства (e-Government Development Index, EGDI) составляет 0,8486[2].

Директор Центра стратегического развития «ElionEttevotted» Олег Швайковский утверждает, что основой успешной работы «цифровой» Эстонии является именно последовательная реализация концепции электронного правительства. Так, ежегодно, начиная с 1995 г., 1% ВВП выделялся на деятельность, связанную с развитием данного направления. Он также относит к факторам успеха электронного правительства Эстонии поддержку введения технологических инноваций со стороны общественности. Граждане Эстонии, в своем большинстве, рассматривают электронные услуги государства в качестве стандартного метода взаимодействия с правительством и частными компаниями. Например, начиная с 2014 г., около 98% эстонских граждан подают свои налоговые декларации посредством интернета. Еще одним фактором, в основе которого лежит успешность работы цифрового правительства Эстонии, является грамотно спроектированная платформа, на базе которой созданы инструменты для его функционирования[3].

Эффективность работы эстонского электронного правительства связана с отличающимся высокой степенью надежности, легитимным способом идентификации личности (ID-карта, digi-ID и Mobil-ID). Электронные подписи в настоящий момент имеют такую же юридическую силу, как и обычные, что дает возможность пользоваться услугами го-

---

ный ресурс]. - Режим доступа. URL: https://www.stat.ee/press-reliz-2012-024?parent_id=39107 (дата обращения: 14.03.2019)

[1] *E-residency — электронное «гражданство» Эстонии [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL:https://migratetoestonia.com/e-residency-elektronnoe-grazhdanstvo-estonii/ (дата обращения: 16.01.2019)*

[2] *UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY 2018 GEARING E-GOVERNMENT TO SUPPORT TRANSFORMATION TOWARDS SUSTAINABLE AND RESILIENT SOCIETIES [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018 (дата обращения: 15.01.2019).*

[3] *е-Эстония: от персональной ID-карты до голосования онлайн [Электронный ресурс]. - Режим доступа. URL: http://e-gov.by/themes/ekspert/id-karta-digi-id-i-mobil-id-novyj-elektronnyj-pasport-estonca (дата обращения: 16.01.2019)*

сударственных сервисов даже тем, кто расположен на значительном расстоянии от них, например, жителям отдаленных деревень. Необходимо отметить, что эффективно функционирующая государственная технологическая инфраструктура (X-Road), связывающая государственные и частные базы данных с цифровыми услугами государства, в значительной степени определила успешность проекта по развитию электронного правительства. Хранение личной информации в данной системе реализовано через отдельные серверы. В ней также создана возможность обмена информацией между государственными и частными организациями. Важным аспектом безопасности личных данных пользователей является обязательное требование, при запросе информации о ком-либо, получения разрешения у данного лица. В развитии электронного правительства также велико значение массовой компьютеризации населения, связанной, в частности, с обучением программированию школьников, внедрением электронного сервиса eKool (платформы по управлению образовательным процессом)[1].

Внедрение цифрового правительства дало Эстонии возможность решить множество задач государственного уровня, таких как повышение качества в сфере предоставления государственных услуг; уменьшение уровня коррупции, достигнутого благодаря формированию «инспекции по защите данных»; сокращение бюрократического аппарата, а значит и средств, необходимых для его функционирования; улучшение качества запрашиваемой информации за счет работы ИКТ[2].

Положительные результаты работы эстонского электронного правительства стали примером для развития информационного общества и в других странах. Особый интерес имеет исследование развития электронного правительства в Каталонии, связанное с попыткой проявить свою самостоятельность и эффективность. Проект электронного правительства, под названием SmartCatalonia, стартовавший в 2014 г., во многом перенимает эстонский опыт. Причины, по которым у правительства автономного сообщества возникла идея создания цифровой платформы, во многом связаны со смыслами развития демократически развитой системы управления, относительно независимой от центральной власти страны. Запуск данного проекта совпал по времени с подведением итогов проведения первого (консультативного) референдума о независимости Каталонии 9 ноября 2014 г.

Этот проект включил широкий спектр направлений, таких как помощь в эффективном управлении ресурсами и инфраструктурой государства; возрастание качества оказания государственных услуг; продвижение интеллектуальных инициатив; разработка системы электронной идентификации личности; развитие CESICAT в качестве агентства кибербезопасности; формирование новых профилей в секторе ИКТ, для создания рабочих мест; интегрирование мобильных технологий в образовательный процесс; внедрение факультативных программ по робототехнике и программированию в рамках начального

---

1 eKool [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://ekool.eu/index_en.html (дата обращения: 14.03.2019).

2 e-governance [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://e-estonia.com/solutions/e-governance/state-e-services-portal/ (дата обращения: 17.01.2019)

образования и др.[1] Следует отметить, что Каталония является одним из лидеров по участию граждан в электронном и сетевом пространстве общественно-политического взаимодействия (e-Participation)[2].

Однако правительство Каталонии на этом не остановилось. Потребность в повышенной кибербезопасности привела к тому, что автономия одной из первых решила осуществить государственную стратегию в отношении технологии Blockchain[3], представляющую собой распределённую базу данных, устройства хранения данных которой не подключены к общему серверу. Такая децентрализованная сеть обеспечивает большую безопасность и приватность данных, а также дает возможность обеспечить доверие между гражданами, бизнесом и правительством и большую прозрачность деятельности при меньших затратах[4]. Исследователи отмечают, что использование данной технологии предоставляет существенные преимущества и даже является незаменимой для компаний и правительств, осуществляющих обмен информацией и транзакции, требующие аутентификации и доверия, хотя, в то же время, практического опыта ее применения в работе электронных правительств почти нет[5].

Представители автономии не раз высказывали намерение использовать технологию Blockchain для управления муниципальными процессами. Каталонским правительством также было принято решение о использовании Blockchain для проведения выборов в регионе. Усовершенствованный электронный формат подачи голоса позволяет принять участие в голосовании гражданам Каталонии, находящимся за рубежом. Женералитет, являющийся высшим органом каталонского самоуправления, утвердил предпроект закона, связанного с разработкой системы цифрового голосования, который позволит проголосовать жителям Каталонии из любой точки мира. По словам генерального директора по участию граждан в Женералитете, Исмаэлья Пенья-Лопеса, система будет готова к 2020 г.[6]

Развитие электронного правительства Каталонии интересно еще

---

[1] smartCATALONIA Catalonia's Smart Strategy [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://smartcatalonia.gencat.cat/web/.content/01_SmartCAT/documents/SMARTCAT_2018_ENG.pdf (дата обращения: 15.01.2019)

[2] Colombo C. E-Participation Experiences and Local Government in Catalonia: An Explanatory Analysis // Lecture Notes in Computer Science (2010), pp. 82-94

[3] Catalonia in the blockchain [Электронный ресурс]. - Режим доступа. URL: https://blog.goodaudience.com/catalonia-in-the-blockchain-35292bbfc138. (дата обращения: 17.01.2019)

[4] Yang L., Elisa N., Eliot N. Chapter 7: Privacy and Security Aspects of E-Government in Smart Cities // Smart Cities Cybersecurity and Privacy, 2019, Pages 89-102. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815032-0.00007-X

[5] Лобанов О.С. Технология Blockchain в электронном правительстве как инструмент повышения эффективности обмена данными // Информатика: проблемы, методология, технологии. Материалы XVIII Международной научно-методической конференции: в 7 т. Воронежский государственный университет. 2018. С. 49-54.

6 Carles Puigdemont: "There are at least two million Spaniards who want to stop being Spanish" Электронный ресурс]. - Режим доступа. URL: https://english.vilaweb.cat/noticies/carles-puigdemont-if-im-voted-in-ill-return-to-catalonia-accompanied-by-european-democrats/(дата обращения: 14.03.2019)

и тем, что вследствие кризиса 2017 г., связанного с проведением референдума о независимости и кризиса, последовавшего за объявлением Декларации о независимости, возникли две независимые части этого проекта. Первая часть – это SmartCatalonia, функционирующая внутри региона как официальная, легальная платформа. Вторая часть – так называемый Совет Республики – учреждена «правительством в изгнании» и имеет штаб-квартиру в Ватерлоо (Бельгия). Данная платформа не является официальным органом структуры управления регионом, поэтому ее существование напрямую зависит от поддержки каталонцев, где бы они ни проживали – внутри Испании или за ее пределами. Смыслы создания Совета Республики непосредственно связаны со осуществлением независимости, а также с затяжным характером противостояния с центральной властью страны, чреватым периодами обострения напряженности. В частности, одним из стимулов реализации подобной идеи было применение в отношении автономного региона статьи 155 Конституции Испании, налагающей на него прямое правление центра, что рассматривалось сторонниками независимости как прямая причина осуществления собственного проекта электронного правительства. Можно сказать, что в данное время, когда юридически и фактически не существует независимой Республики Каталония, она может существовать виртуально. Остается открытым вопрос, каковы реальные возможности электронного правительства такого типа.

По словам экс-президента Женералитета К. Пучдемона, «Совет является суверенным технологическим образованием», созданным для оказания поддержки как парламенту Каталонии, так и местным органам управления. Он указывает, что электронный формат позволяет перешагнуть через стену из многочисленных ограничений, налагаемых традиционным институциональным пространством, дает возможность гражданам проявить свободу выбора посредством народных законодательных инициатив. В настоящий момент можно говорить о начале второго этапа деятельности, связанной с созданием Совета Республики: проверкой электронной идентификации личности, которая будет лежать в основе гражданства. Деятельность пользователей, использующих данную платформу, будет обеспечена, как анонимная и безопасная. Всех зарегистрированных участников снабдят необходимой информацией для завершения их идентификации посредством биометрического теста. «Это связь, которая соединяет вас с Республикой», утверждает Карлос Пучдемон[1].

На сайте Совета Республики заявляется, что он имеет свои легитимные основания в результатах голосования 1 октября 2017 г. Совет видит в качестве своих задач деятельность в таких областях, как интернационализация Республики, учредительный процесс, создание новых возможностей для демократической мобилизации, распространение каталонской культуры и социальной реальности[2].

---

[1] *Carles Puigdemont: “There are at least two million Spaniards who want to stop being Spanish” [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://english.vilaweb.cat/noticies/carles-puigdemont-if-im-voted-in-ill-return-to-catalonia-accompanied-by-european-democrats/ (дата обращения: 14.03.2019)*

[2] *Aquí fem República [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://consell.republicat.cat/ (дата обращения 17.04.19).*

Возникает вопрос – насколько перспективен данный проект, каковы его реальные возможности? Так, согласно представлениям сторонников единства Испании, этот проект является конструкцией, подвешенной в безвоздушном пространстве, не опирающейся ни на что и, как таковой, обреченный либо на исчезновение, либо на некую имитацию деятельности. Однако нельзя забывать, что ключевым моментом зрелости и институционализации проектов электронного правительства является степень участия и заинтересованности в них граждан . Очевидно, что в данной непростой ситуации судьба проекта напрямую зависит от такого участия.

Следует отметить, что далеко не все каталонцы, выступающие за независимость, поспешили вступить в виртуальную Республику. Так, в течение первого года ее существования в ее состав вступили около 65,5 тысяч человек, что составляет примерно 3,2% от общего количества сторонников независимости Каталонии, если исходить из данных голосования на референдуме 1 октября 2017 г. Правда, количество членов Совета Республики постоянно возрастает, но процесс этот продвигается относительно медленными темпами. Так, на 10.12.2018 г. он насчитывал 45128 членов, а на 10.04.2019 г. – 65280 членов, то есть количество участников проекта возросло примерно на 20 тысяч человек за 4 месяца, что составляет около 1% от потенциальных членов каталонской республики. Таким образом, данная электронная платформа, являясь чем-то средним между электронным правительством и электронной общественной организацией, может служить интересным социальным опытом в данной сфере.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что проекты развития информационного общества в Эстонии и Каталонии выступают примером для создания электронного правительства во многих странах, ищущих возможности укрепления собственного суверенитета и независимости, а также социальной идентичности. Переход к использованию новых институциональных способов управления государством посредством электронных ресурсов создает потребность в проведении социологических исследований, связанных с прогнозированием тех изменений, которые произойдут вследствие их использования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лобанов О.С. Технология Blockchain в электронном правительстве как инструмент повышения эффективности обмена данными // Информатика: проблемы, методология, технологии. Материалы XVIII Международной научно-методической конференции: в 7 т. Воронежский государственный университет. 2018. С. 49-54.

2. Пескова О.Ю., Половко И.Ю., Фатеева С.В. Обзор подходов к организации электронного голосования // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2015. № 5. С. 237-247.

3. Krishnan S., Teo T., Lymm J. Determinants of electronic participation and electronic government maturity: : Insights from country data//

International Journal of Information Management, Vol. 37, Issue 4, August 2017, pp. 297-312. https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.03.002

4. Yang L., Elisa N., Eliot N. Chapter 7: Privacy and Security Aspects of E-Government in Smart Cities // Smart Cities Cybersecurity and Privacy, 2019, pp. 89-102. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815032-0.00007-X

REFERENCES

1. Lobanov O.S. Blockchain technology in e-government as a tool for improving data exchange efficiency [*Tekhnologiya Blockchain v elektronnom pravitel'stve kak instrument povysheniya effektivnosti obmena dannym*i] // Computer science: problems, methodology, technologies. Proceedins of the XVIII International Scientific and Methodological Conference: In 7 Vol. Voronezh State University, 2018, pp. 49-54.

2. Peskova O.Yu., Polovko I.Yu., Fateeva S.V. Overview of approaches to the organization of electronic voting [*Obzor podkhodov k organizatsii elektronnogo golosovaniya*] // Proceedings of the Southern Federal University. Technical science. 2015, No. 5, pp. 237-247.

3. Colombo C. E-Participation Experiences and Local Government in Catalonia: An Explanatory Analysis // Lecture Notes in Computer Science (2010), pp. 82-94.

4. Hansson K., Belkacem K., Ekenberg L. Open Government and Democracy: A Research Review // Social Science Computer Review, 2015, vol. 33, 5: pp. 540-555. DOI: 10.1177/0894439314560847

5. Krishnan S., Teo T., Lymm J. Determinants of electronic participation and electronic government maturity: Insights from cross-country data // International Journal of Information Management, Vol. 37, Issue 4, August 2017, pp. 297-312. https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.03.002

6. Yang L., Elisa N., Eliot N. Chapter 7: Privacy and Security Aspects of E-Government in Smart Cities // Smart Cities Cybersecurity and Privacy, 2019, pp. 89-102. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815032-0.00007-X

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр**. Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направить копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

http://журналпоиск.рф

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal “P.O.I.S.K” must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp**. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;

- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;

- The author’s certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author’s edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

http://журналпоиск.рф

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 2 (73)
Март - Апрель 2019 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф